

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-CHIKA3

Открыто: 2011.05.15 22:44
Закрито: 2011.10.01 11:55
Версия: 2018.07.27 22:47

ISBN 9984-9395-5-3

Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN

Сван. «Лесополоса». Часть 2-я

© Сван 2011

Палец Чикатило

Сван

ЛЕСОПОЛОСА

Часть 2-я

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Сван. «Лесополоса. Следствие»

(Продолжение; начало в {[R-CHIKA2](#)})

6. Последние жертвы (ноябрь 1990)

После двух месяцев относительного затишья, поздней осенью 1990-го года ростовский маньяк активизировался вновь. За 2 недели было найдено 3 новых трупа. Всё это напоминало давно забытый¹ кошмар лета 1984 года...

Что послужило причиной такого резкого всплеска агрессии, сказать невозможно. При тотальном прикрытии всего пути следования электричек по маршруту Ростов – Красный Сулин, при том, что на каждом более или менее заметном полустанке дежурят наряды милиции, и преступник не может этого не замечать, он, тем не менее, последовательно убивает трех своих последних жертв, причем как будто специально совершает убийства в одном и том же районе станции «Лесхоз». Очень странная и нетипичная ситуация, тем более, если принимать в расчет, что всего 4 года назад при точно таком же раскладе он залег на дно, а затем резко поменял район преступлений.

Первый звоночек, возвещающий о том, что восьмилетняя драматическая охота на убийцу подходит к концу, прозвучал в последний день октября 1990 года. В этот день И. Костоев, приехавший в Ростов периодически для координации деятельности участников расследования, вновь собирался ехать домой в Москву, чтобы встречать ноябрьские праздники в кругу семьи, но его планы были нарушены. Со станции «Лесхоз» поступило сообщение о том, что в лесопосадках недалеко от железнодорожной платформы нашли труп подростка {[F50](#)}.

Жертва: Вадим Громов, 16 лет

Дата обнаружения трупа: 31 октября 1990 года

Место обнаружения: станция «Лесхоз»

Предположительное время совершения убийства: 17 октября 1990 года

Признаки маскировки трупа: присыпан листьями

Повреждения садистского и сексуального характера: отсечение кончика языка, выколот глаз, повреждение головки полового члена, мошонки с вылушиванием обоих яичек.

serial-killers.ru

Проведя всю необходимую работу по установлению личности погибшего и определению маршрута его движения, следователи выяснили, что этого юношу заметили многие пассажиры электрички, ехавшие из Шахт по направлению к Красному Сулину 17 октября. Но никто не мог точно сказать, куда направился подросток, выйдя из электрички на станции «Лесхоз», был ли он один или со спутником. В очередной раз Костоеву приходилось констатировать, что оператив-

¹ В.Э.: Так уж забытый? (Может быть, просто давно прошедший?)

никам не удалось разыскать никаких свидетелей произошедшего, и шансы на раскрытие данного убийства в кратчайшие сроки равны нулю.

По возвращении с места происшествия, и не видя дальнейших перспектив своего пребывания в Ростове, Костоев уехал в Москву, а его подчиненные Яндиев с майором Воробьинским в тот же день отправились в г. Шахты, поскольку было получено известие, что в этом городе пропал, не вернувшись домой, еще один 16-летний подросток – Витя Тищенко {F51}. Характеризовался он положительно, из дома не убегал. Накануне Витя поехал на железнодорожный вокзал ст. Шахты для покупки билета в Новороссийск, чтобы выехать на каникулы к родственникам, и пропал. Установить его местонахождение так и не удалось.

3 ноября в Ленинский РОВД г. Шахты от грибников поступило сообщение, что в лесопосадке недалеко от платформы «Кирпичная», в 30 метрах от железнодорожного полотна обнаружен труп подростка. Они нашли его еще не разложившееся тело в трех километрах к северу от станции Шахтная, примерно в том же месте, где мать и дочь Петросян были найдены шестью годами ранее.

Необходимо отметить, что особый трагизм ситуации придавало следующее обстоятельство – по настоянию следователей именно здесь, у платформы «Кирпичная» долгое время были расставлены посты физического прикрытия, но в тот день, когда пропал Витя, их сняли, потому что в Новочеркасске не хватало милиционеров для патрулирования. Нетрудно представить, каково было состояние оперативных работников и их руководителей, не сумевших в результате несогласованных действий предотвратить очередное жесткое убийство.

Общие и детализированные снимки повреждений трупа В. Тищенко.

Судебно-медицинское вскрытие зафиксировало 35 колото-резаных ран в области верхней части груди и шеи, обширную гематому левой стороны лица, был отрезан кончик языка, вскрыта мошонка и удалены яички. Вскрыта брюшная полость.

При осмотре места происшествия было обнаружено большое число свидетельств длительной борьбы. При прочесывании района в 300 метрах от места, где был обнаружен труп, на другой стороне железнодорожного полотна, оперативники нашли вещи убитого, в том числе железнодорожный билет № 880780 до ст. Новороссийск, приобретенный 30 октября в кассе железнодорожного вокзала ст. Шахты. Все предметы, на которых могли остаться следы, были направлены на криминалистическую экспертизу. Была организована и срочная отработка железнодорожного вокзала ст. Шахты, поселка Кирпичный, произведено выявление лиц, следовавших на электропоезде Шахты–Зверево, на котором, как предполагалось, вместе с В. Тищенко к станции Кирпичная мог проследовать и неизвестный преступник.

Прямая речь. Следователь Ростовской прокуратуры Амурхан Яндиев:

Когда Тищенко третьего ноября обнаружили убитым, я поехал на станцию, снова стал разговаривать с кассиром, чтобы попробовала вспомнить события того дня...

Кассир первой кассы шахтинского вокзала Л.А. Прищепа опознала Виктора по фотографии и вспоминала, что продала ему билет. По контрольной ленте номер билета совпадал с тем, что был найден в лесополосе. Взяла у парня 10 рублей одной бумажкой и дала четыре рубля сдачи. У кассы в это время вертелся какой-то странный мужчина. Кассир достаточно конкретно описала мужчину, который не то уговаривал, не то о чем-то просил подростка.

Дочь этой кассирши рассказала, как однажды в электричке она видела такую сцену... На площадке «Горной» они с подружкой сели в вагон. А там сидел мальчик, к которому подсел какой-то довольно взрослый мужчина и разговор повел, что знает маму этого подростка, предлагал проводить его домой кратчайшим путем. Словом, явно пытался «снять» его. Но парень то ли был хорошо проинструктирован родителями, то ли навязчивые уговоры казались слишком подозрительными – ни в какую. И когда приехали в Шахты, мальчишка так стремительно выпрыгнул из вагона, что мужик только крикнуть что-то вдогонку успел. Было это несколько месяцев назад.

Рассказывала всё это дочь кассирши без матери, но когда описала портрет мужчины, стало ясно, что и она, и мать, скорее всего, вели речь об одном и том же человеке. Настолько совпадали основные приметы. И добавила, что и теперь его часто видят, он по-прежнему электричкой куда-то ездит...

Впервые за 8 лет работы по данному делу в руках следователей появились конкретные показания свидетелей, видевших подозрительного мужчину с жертвой незадолго до совершения преступления. Теперь все усилия были направлены на розыск этого человека: начальник областного УВД дал дополнительные распоряжения об усилении постов наблюдения на данном отрезке железной дороги, в том числе на станциях Кирпичная, Лесхоз и других. Это было очень важно, поскольку преступник, хотя и менял районы совершения убийств (они находились в противоположных направлениях), в нескольких случаях оставил по два-три трупа в одних и тех же местах. Тактика правоохранительных органов заключалась в том, чтобы одни остановки прикрывать явно, другие тайно – в расчете выгнать преступника на внешне неохраемый полустанок. Работников милиции еще раз тщательно проинструктировали на повышение бдительности, фиксацию фактов нахождения мужчин в обществе детей либо женщин, выявление любого подозрительного поведения мужчин и их проверку.

Яндиев позвонил И. Костоеву в Москву. Доложил о новой жертве, и сообщил главное:

– Исса Магомедович! Вы уехали, а за это время я получил интереснейшие показания, где детально дается словесный портрет. Я уверен – это он, преступник. И, главное, свидетели его частенько видят в электричке. Они согласны принять участие в поиске. Вы учтите, он вошел в раж. Не сегодня – завтра мы его поймает. Если вы останетесь в Москве, это случится без вас...

6 ноября И. Костоев прибывает в Ростов-на-Дону и Яндиев передает ему показания кассирши вокзала и ее дочери о высоком мужчине, который пытался увести парнишку из электрички, а потом стоял у кассы за спиной Тищенко. Исса Магомедович был просто счастлив. Он уже не сомневался, что убийца будет вскоре пойман.

Почти сразу же в электричках был организован поиск этого мужчины. По словесному портрету, который дали Светлана Напрасникова и ее мать, 12 ноября задержали человека, похожего по описанию. Этот человек был предъявлен обеим свидетельницам для опознания, однако следователей ждало разочарование – задержали не того. Было решено, что на следующий день во избежание дальнейших ошибок вместе с оперативниками в поисках будут участвовать и сами свидетельницы. Хотел ехать и Костоев, настолько он был уверен, что преступника задержат со дня на день.

Но события следующего дня заставили Костоева резко изменить свои планы...

Чтобы понять, что же именно произошло 13 ноября 1990 года, и какова была внутренняя подоплека тех событий, мы должны обратиться к рассказу генерала В.И. Колесникова. Пожалуй, именно этот небольшой рассказ имеет ключевое значение для понимания того, каким образом удалось разоблачить неуловимого преступника.

Прямая речь. Заместитель начальника УВД Ростовской области Владимир Колесников:

Позвольте начать издалека, но с очень важного далека. В 1984 году, когда Заносовский задержал Чикатило, я случайно зашел в кабинет № 1 ИВС, в котором велся допрос. Я тоже задал Чикатило несколько вопросов, каких – не помню. Но помню точно, что его ответы мне показались путанными, неадекватными. Позже мне сказали, что по группе крови Чикатило вне подозрений. До

этого я выезжал на трупы Петросян – матери и дочери, убитых в лесополосе под Шахтами в мае 1984 года. Обратил внимание на то, что убийца хорошо ориентируется в лесополосе, и подумал – это местный шахтинский.

Осенью 1990 года приехал на труп Громова и почему-то вспомнил старые эпизоды. Позвонил Буракову: помнишь того человека, которого задержал Заносовский? Через 10 минут Виктор Васильевич мне перезванивает: фамилия того человека Чикатило, он отработан.

В начале ноября в Ростов приезжает Костоев. Я ему говорю: Исса, давай еще раз отработаем этого Чикатило. Он согласился – только закончим, говорит, начатое. Была в те дни одна версия, которая казалась перспективной.

Когда мы приступили к физическому прикрытию в районе Донлесхоза, то ежедневно собирались в одиннадцать вечера и заслушивали доклады с мест. Так вот, 6 ноября начальник Красносулинского РОВД назвал несколько имен задержанных в тот день, но имени Чикатило не упомянул.

Ровно через неделю 13 ноября, я выезжаю на место убийства Громова – хотел осмотреть ложе трупа, место, где обнаружили тело. Льет проливной дождь, я едва заставил себя выйти из машины. Мы доходим до метки-маяка: красный бант на кусте, чтобы найти нужное место. Вижу валяется тряпочка вроде лацкана пальто. А мне уже успели доложить, что все вещдоки собраны. Я спрашиваю: куда смотрели? И тут же приказываю прочесать местность в радиусе полкилометра.

За полчаса нашли одежду и тело Коростик. Я стал выговаривать начальнику Красносулинского отдела, он со мной ездил: как же вы местность отрабатываете, где ваши глаза. А он что-то смущенно отвечает и лезет в карман, вытаскивает бумажку: вот мол еще одного на днях задержали, хотели сами отработать. И протягивает бумажку с фамилией Чикатило.

Жертва: Светлана Коростик, 22 года

Дата обнаружения трупа: 13 ноября 1990 года

Место обнаружения: станция «Лесхоз»

Предположительное время совершения убийства: 6 ноября 1990 года

Признаки маскировки трупа: присыпан листьями, прикрыт одеждой

Повреждения садистского и сексуального характера
разрезана брюшная полость, отчленена матка с придатками, отрезаны соски молочных желез и кончик языка, резаная рана левой поясничной области.

serial-killers.ru

На первый взгляд, казалось бы, простой и всем известный рассказ о том, как поймали Чикатило, но есть в нем несколько любопытных деталей, на которых необходимо остановиться подробнее.

Во-первых, интересен в этом рассказе из первых уст тот факт, что фамилия Чикатило не фигурировала ни в каких рапортах и не упоминалась даже вскользь на регулярно проводившихся совещаниях вплоть до 13 числа – дня обнаружения трупа Коростик, и неожиданно появилась только после разноса начальством своих подчиненных за нерадивость на месте преступления.

О том, что примерно так развивались события, рассказывает в своих мемуарах и Костоев.

Прямая речь. Заместитель начальника следственной части Прокуратуры России, старший советник юстиции Исса Костоев:

Я как раз заканчивал обнадеживающий впервые за 4 года упорной работы разговор со свидетельницами, когда раздался телефонный звонок. Еще один труп. Женщина. И снова – на станции «Лесхоз»!

С группой следователей я немедленно приехал на место. Спрашиваю: «Как такое могло случиться?! Это же одно из мест, за которым мы установили круглосуточное негласное наблюдение! Вы же знаете, что 30 октября здесь же был найден труп мальчика!» – «Наши люди на своих постах, – ответил начальник милиции. – Они записали фамилии. В основном кто здесь ходит? Грибники. Появлялся даже один человек, которого мы уже проверяли несколько лет назад...» – «Как его фамилия?» – «Не помню. Надо поднять рапорт».

В конечном итоге выяснилось, что 6 ноября Игорь Рыбаков, одетый в штатское милиционер, дежурил на станции «Лесхоз». Среди других грибников он обратил внимание на одного мужчину. Тот отмыл от грязи обувь у колонки рядом с домом начальника станции, пересек пути и зашел под навес на платформе. Высокий человек с седыми волосами и большим темным рюкзаком, одна из лямок которого была порвана и завязана узлом. Из рюкзака высовывались какие-то вещи. У мужчины был забинтован палец, на руках и правом ухе – свежие царапины. Он приветливо, как со старыми знакомыми, поздоровался с грибниками, укрывшимися под навесом от дождя.

Рыбаков представился и потребовал предъявить документы. Мужчина в очках показал паспорт, и милиционер переписал в свой блокнот его имя и фамилию: Чикатило Андрей Романович.

Своему начальнику Рыбаков дал устный рапорт и добавил, что хотел проследить за мужчиной, но не мог оставить пост, ведь напарник на дежурство не вышел. Рапорт Рыбакова передали по телефону в центральный штаб бригады, где была сосредоточена вся картотека проверяемых, но сочли несущественным: Чикатило А.Р. уже проверяли в 1984 году в связи с расследуемыми убийствами.

Из слов Костоева становится понятно, что первоначально на месте убийства Коростик никакой информации с четким указанием фамилии возможного преступника высказано не было. Для всех ситуация с внезапным нахождением трупа явилась полной неожиданностью, и объяснить ее никто не мог. Эту ситуацию могли бы прояснить отчеты милиционеров, которые дежурили на станции «Лесхоз», в частности рапорт Рыбакова, о котором упоминает Костоев. Но с этим рапортом как раз происходит очень запутанная история: как выяснилось позднее, устный рапорт все-таки был, но в то же время самого факта регистрации этого рапорта не было, и в официальных бумагах штаба бригады по расследованию серии убийств он зафиксирован не был, а значит, и вся информация, содержащаяся в нем, 13 ноября никому не могла быть известна.

Завесу таинственности над этой историей с рапортом, который как бы был, и одновременно его как бы не было, несколько приоткрывают слова другого генерала.

Прямая речь. Начальник УВД Ростовской области Михаил Фетисов:

Тринадцатого ноября 1990 года я стал начальником УВД. Накануне провел коллегию по «Лесополосе». Всех снял, что можно было еще снять из личного состава, чтобы усилить прикрытие территории и розыск. Разумеется, здорово ослабив тем положение на местах: «остальная» преступность тоже «на каникулы» не уходила. Всё отражается на общественном порядке.

Тринадцатого же выехал в Зверево, где скончался начальник отдела. И когда проезжал очередной пост, мне докладывают: на том самом месте, где и раньше обнаружили трупы, еще один женский нашли. Заехал на место происшествия. Подзываю начальника милиции и, мягко говоря, критиковать начинаю. «Как же это доработались, что каждый метр этого района живым сотрудником прикрыт, а у вас всё равно убивают?». Пост стоял, отвечает, будем разбираться, кто кого видел.

Оказалось, информация в Ростов ушла, только с опозданием. Система была такая: фамилии всех задержанных и подозрительных посты и отделы должны были сообщать для штабной картотеки УВД, Виктору Васильевичу Буракову. Прошли праздничные 7, 8, 9 ноября, 10 – милицеевские праздники, 11 и 12 «раскачивались», вот по состоянию на 13-е она до нас и не дошла.

Связался по радио с Бураковым – нет, отвечает, из того района ничего не было, ни одной фамилии. Потом, наконец, нашелся и вахтенный дневник этого поста. Одна фамилия, другая, третья, и вдруг – «Чикатило». Я говорю: так эта же фамилия проходила (десятки тысяч людей же попадали в поле зрения!), имели с ним уже дело! Фамилия-то всё же довольно редкая. Стал вспоминать... Потом выяснилось, что в нашем оперативном пособии, которое мы типографским способом отпечатали для личного состава, его фамилия среди некогда подозреваемых значилась под номером девять. Первые-то легче запоминаются, чем последующие десятки, которые по тем или иным особенностям представляли когда-то особый оперативный интерес. По-моему, их тогда уже человек 95 набралось).

Из рассказа М. Фетисова следует, что на самом деле совсем не рапорт Рыбакова вывел следствие на Чикатило. В первые часы после обнаружения трупа Коростик в распоряжении следователей вообще никак не могло быть рапорта Рыбакова, в котором значилась фамилия

Игорь Рыбаков

Чикатило, не было этого рапорта 13 ноября и в штабной картотеке, которую вел Бураков, о чем он и сообщал Фетисову в тот день.

Выбор возможного кандидата в маньяки осуществлялся прямо на месте преступления на конкурсной основе из нескольких фамилий, записанных в вахтенном дневнике поста ст. «Лесхоз». Впрочем, это как раз логично, поскольку, как следует из материалов дела, эксперты при осмотре трупа дали заключение, что смерть женщины могла наступить 5 суток назад, но с учетом метеоусловий этот срок может быть больше на несколько суток. То есть, работники милиции, не зная 13 ноября точную дату убийства Коростик и руководствуясь данными судмедэкспертов, должны были проанализировать события не одного дня (6 ноября), а определенного промежутка времени, предположительно, с 5 по 8 ноября – совершенно очевидно, что (и это как раз утверждает Фетисов) в вахтенном журнале поста за этот период оказалось не одна, а несколько фамилий. Невьясненным остается только вопрос – насколько добросовестно отнеслись оперативники к проверке каждого человека из данного списка? Ведь вполне могло случиться так, что, увидев примелькавшуюся фамилию Чикатило, на других подозрительных посетителей станции «Лесхоз» могли попросту не обратить внимание...

Что же касается ситуации со странным и неожиданным появлением рапорта Рыбакова, то ее окончательно проясняют слова еще одного очевидца тех событий.

Прямая речь. Следователь Ростовской прокуратуры Амурхан Яндиев:

13 ноября находится еще один труп – Коростик.

Приехали на место происшествия, а неподалеку уже нашли еще и более давние останки. Вот тебе и физическое прикрытие! Казалось бы, просто обязаны были что-то зафиксировать при таком-то плотном наблюдении. Не с парашютом же преступник прыгал на эту грешную землю! Конечно, дело было в недобросовестной службе личного состава...

Тут уже стали восстанавливать: кто на посту стоял, кого заметили. И высказывает информация, что среди всех прочих² был человек с довольно редкой фамилией фиксации Чикатило. Когда я потом официально допрашивал Рыбакова, уточняя сам факт, он никому и не сообщил об этой встрече. Тот спокойно и уехал. И задним числом, только 13 ноября, когда обнаружили еще и труп женщины, написал рапорт: шестого ноября при таких-то обстоятельствах я видел...

Звонили в областной угрозыск, докладывали, что «засветился» некто Чикатило, однако слышали в ответ, что Чикатило однажды уже проверяли, но по данным экспертизы у него оказалась вторая группа крови. И его исключили из подозреваемых.

Костоев же сделал вид, что информация его устраивает.

Этот рассказ всё расставляет по своим местам. Совершенно очевидно, что знаменитый рапорт Рыбакова был написан уже после того, как нашли труп Коростик, и после того, как были просмотрены вахтенные дневники постов на этой станции, в которых следователям среди прочих бросилась в глаза фамилия «Чикатило», уже упоминавшаяся ранее в бюллетене «Лесополоса». Этот человек был на станции «Лесхоз» 6 ноября, и в этот день, с большой долей вероятности, могло быть совершено убийство Коростик, но дежуривший 6 числа на этой станции сержант Рыбаков не сообщил об этом важном для расследования обстоятельстве. И если этот факт не был официально зафиксирован, то не было и веских оснований для разработки версии, в которой роль серийного убийцы отводилась Чикатило. Получалось, что в руках следствия по-прежнему оставались только ничем не обоснованные догадки, а возможно решающие для раскрытия дела обстоятельства вновь оставались вне поля зрения милиционеров.³

² Кандидатур действительно было несколько! – прим. авт.

³ В.Э.: Все эти разговоры Свана о якобы существующей здесь таинственности или какой-то подделке абсолютно неубедительны. Очевидно же, что всё происходило так, как это в жизни всегда и происходит. Рыбаков проверил документы, зафиксировал это в журнале и устно доложил непосредственному начальнику, который, видимо, донес еще дальше, но всему этому не придали большого значения, во-первых, потому что Чикатило уже проверяли и отсеяли, и, во-вторых (и главное!) никто ведь еще не знал, что именно в этот день здесь совершено новое убийство. Ну, пошел по грибы некий Чикатило, которого ранее проверяли, – ну и что? Кроме грибов же ничего не было. И только когда 13 ноября обнаружили труп Коростик, только тогда всё это приобрело совершенно другое – чрезвычайное значение. Тогда и другому вглядывались в вахтенный журнал, и Рыбакову рапорт уже письменно написать приказали, и теперь тот факт, что в журнале был отмечен некто Чикатило, котрый и ранее числился в первой десятке подозреваемых, – теперь этот факт приобрел исключительную важность. А заслуга Рыбакова в том, что он проверил документы и зафиксировал это в журнале. Это и стало ключом к поимке убийцы.

Видимо, это и вызвало самое большое негодование со стороны руководителей ростовского УВД, которые устроили подчиненным форменный разнос прямо на месте преступления. Очевидно, что при таком развитии событий, инициатива написания рапорта исходила отнюдь не от самого Рыбакова, а являлась вынужденной мерой и объяснялась стремлением сержанта оправдаться перед руководителями областного УВД.

Написав рапорт, Рыбаков избежал наказания, более того, впоследствии он получил премию, а следователи получили вполне реального подозреваемого.

Участок железной дороги между станциями Лесостепь и Лесхоз

Второй любопытный факт, следующий из анализа высказываний всех участников событий 13 ноября, заключается в том, что в написанном задним числом рапорте Рыбакова значилась фамилия не какого-нибудь человека из списка, посетивших «Донлесхоз» в первой декаде ноября 1990 года, а именно фамилия Чикатило, о возможной причастности которого к серии убийств в Ростовской области незадолго до описываемых событий рассуждал В.И. Колесников.⁴

Таким образом, получается, что возможный кандидат в убийцы был фактически определен заранее, когда еще не было ни рапорта, ни улики, ни свидетельских показаний против Чикатило?!

⁴ В.Э.: Следователи и их начальники рассуждали постоянно и о многих подозреваемых – в том и состоит их работа. О тех 99,9 % рассуждений, которые ни к чему не привели, потом никто интервью давать не будет, а вот о том 0,1 %, который оказался верным, об этом каждый потом будет привирать, что именно он это предчувствовал заранее. Нет тут ни тайны, ни заговора, а элементарная психология.

serial-killers.ru

Станция «Лесхоз» (2007 г.)

serial-killers.ru

Станция «Лесхоз» (2007 г.)

Стоит ли удивляться такому развитию событий? – Пожалуй, нет, если знать, каким образом расследовались дела о серийных убийствах в Советском союзе в 70–80 годы XX века. Достаточно в этой связи вспомнить Витебское дело, расследование преступлений Стороженко в Смоленске, расследование свердловской серии убийств 1982–1988 гг. Во всех приводимых примерах, вначале задерживали ничем не примечательного, безвольного, слабохарактерного человека, иногда психически неполноценного, а потом уже всеми правдами и неправдами доказывали его мнимую вину, выбивая чистосердечные признания, подтасовывая данные экспертиз, находя несуществующих свидетелей.⁵ Приводя примеры подобных расследований, невозможно вновь не

⁵ В.Э.: Так то оно так, но те, кого так обвиняли, тоже никакими паиньками, как правило, не были, а совершали разные проступки и преступления – только другие. Но в отношении Чикатило никаких

упомануть и дело дураков, которым уже сами сотрудники Ростовского УВД обогатили сокровищницу криминалистики.

Но как следует из приведенного выше интервью генерала В. Колесникова, догадка о личности убийцы первоначально пришла в голову не какому-то абстрактному сотруднику ростовской милиции, а именно ему.⁶ А значит, чтобы понять, как родилась эта догадка, мы должны от описания общей методики расследования советскими органами внутренних дел сложных многоэпизодных преступлений перейти к частностям и проследить перипетии профессиональной карьеры самого генерала. В ней, поверьте, найдется немало любопытных фактов.

Необходимое отступление. Блестящая карьера генерала Колесникова:

Владимир Ильич Колесников 17 лет проработал в разных должностях в органах внутренних дел Ростовской области, причем начинал с простого следователя в районном ОВД и к 1990 году дослужился до заместителя начальника УВД области. Но самый стремительный и небывалый взлет в его карьере наметился как раз после успешного завершения дела «Лесополоса». Колесников стал единственным из всех участников операции по поимке ростовского маньяка, кого пригласили работать в Москву, и всё это при том, что наибольший объем работы выпал на долю совсем других людей – начальника уголовного розыска М. Фетисова, руководителя отдела по особо тяжким преступлениям В. Буракова, следователя А. Яндиева, который являлся фактическим руководителем всей операцией по поимке маньяка во время отлучек И. Костоева. Но, тем не менее, именно заслуги Колесникова были оценены выше других главных действующих лиц этого расследования. Причем карьерный взлет Колесникова произошел поистине с ошеломляющей быстротой. Если еще в ноябре 1990 Владимир Ильич под дождем месил грязь в лесополосе недалеко от Красного Сулина, высказывая предположения о личности неуловимого на протяжении долгих лет преступника, то уже в декабре 1990 его перевели на работу в Москву, и он обустроивался в кабинете заместителя начальника службы криминальной милиции МВД РСФСР. Еще через месяц в январе 1991 года Колесников взял очередную карьерную высоту, став начальником Главного управления уголовного розыска МВД России.

За время работы в аппарате МВД РФ В. Колесников вел целый ряд громких резонансных дел.

В частности он контролировал следственные действия по делу об убийстве священника Александра Меня. Первоначально после убийства А. Меня был арестован некто Игорь Бушнев, но никаких доказательств его вины следствию тогда добыть не удалось, и Бушневу отпустили. Однако других подозреваемых никак не находилось, все сроки следствия давно прошли, и тогда снова решили арестовать Бушневу, хорошенько с ним поработать и выдать его с чистосердечным признанием вины на суд.

В июне 1996 года начался суд. И на нем при всем честном народе обвинение против Бушнева стало разваливаться. На суде Бушнев рассказал, что во время следствия В.И. Колесников (тогда – руководитель следственной бригады, следователь по особо важным делам) пригрозил, что если он не станет подтверждать версии следствия, то на него вдобавок повесят убийство его девушки, и еще – что с его дочерью и матерью может что-нибудь случиться. Бушнев, как он показывал уже на суде, предложили такую сделку: подпишешь признание, а мы тебя сажаем по мягкой статье: убийство в состоянии аффекта. За это ты получишь всего три года, а отсидишь и вообще один год, да и то не отсидишь, мы тебе условный срок сделаем. Бушнев тут же «сломался» и подписал «признательные показания».

В карьере же Колесникова вслед за этими признаниями последовал очередной взлет на заоблачные высоты. Он стал уже заместителем министра МВД. Финал этого феноменального следствия поразил всех – прокурор Феликс Садыков (внимание, это не ошибка – не адвокат, а ПРОКУРОР!) произнес на суде, что подсудимый Игорь Алексеевич Бушнев не виновен в совершении убийства священника Александра Меня и просил суд вынести подсудимому оправдательный приговор. То, наверное, было первый раз за историю российского судопроизводства, когда

подделок не было; если бы по «Лесополосе» обвинения фабриковались бы, то это дело было бы «завершено» задолго до 1990 года. И еще нужно понимать психологическую атмосферу 1990 года. То, что было возможно в 1970-х и в начале 1980-х, было совершенно невозможно в 1990-м. В это время уже около пяти лет над страной полыхали «перестройка» и «гласность» (кто тогда жил, тот помнит то уникальное время!), все газеты и журналы (которые тогда в массовом порядке проглатывались как никогда ни до, ни после) были буквально завалены всевозможными разоблачениями, все читали и знали и о злоупотреблениях по делу Михасевича, и Рогалева, и многих других; министр Щелоков давно застрелился; начать новые фабрикация дел для милиционеров и следователей было всё равно, что надевать себе петлю на шею.

⁶ В.Э.: Возможно, этот Колесников и вправду привирает: он и о Чикатило первым вспомнил, и одежду Гуляевой нашел, которая потом неизвестно как опять потерялась {CHIKA1}, и тряпку на кусте увидел, в результате чего труп Коростик обнаружили (когда точно известно, что тряпку увидел не он, а работник лесхоза {CHIKA1}).

адвокат не спорил с прокурором, а полностью согласился с ним. Оправдательный приговор судья огласила 10 июня 1996 года.

В том же 1996 году Колесников был руководителем группы, расследующей террористический акт на Котляковском кладбище. Закончив расследование, он передал в суд обвинительное заключение, в котором значились три фамилии: бывшего руководителя Российского фонда инвалидов войны в Афганистане Валерия Радчикова, которого следствие назвало заказчиком преступления, а также исполнителей Михаила Смурова и Андрея Анохина. В январе 2000 года Московский окружной военный суд рассматривал это дело. Процесс был громким, но закончился неожиданно: все трое обвиняемых по вердикту присяжных были оправданы и отпущены на свободу. Спустя много лет за это преступление осудили совсем других людей...

В 2000 году Колесников участвовал в расследовании загадочных случаев исчезновения 5 абитуриентов в Барнауле, которые всколыхнули всю страну. Тогда Владимир Ильич сделал сенсационное заявление о том, что похищал девушек «сексуальный маньяк», о том, что следствию известен алгоритм его действий и причины, сделавшие его маньяком, и о том, что преступник будет показан журналистам через десять дней. Через 2 дня после этой пресс-конференции, во время проведения следственного эксперимента единственный подозреваемый, находящийся в окружении сотрудников милиции странным и непостижимым образом выбросился из окна и погиб. Ни подтвердить, ни опровергнуть его вину теперь уже невозможно. Так или иначе, но дело, в котором не было ни одной сколь-нибудь явной зацепки для раскрытия, снова было довольно быстро закрыто, пусть и по причине смерти подозреваемого.

После убийства в октябре 2003 года тольяттинского журналиста Алексея Сидорова Колесников опять выступает с громким заявлением, что дело раскрыто, после чего милиция арестовала и заставила признаться в убийстве случайного человека, который впоследствии был оправдан...

Хоть здесь приведен далеко не полный перечень профессиональных достижений В.И. Колесникова, но даже по этим отрывочным штрихам можно разглядеть портрет «бойца правопорядка» старой закалки, для многих из которых принципы работы правоохранительных органов остались неизменными еще со сталинских времен...

Но вернемся вновь к событиям 1990 года и попытаемся ответить на следующий вопрос – каким же образом был найден труп Коростик? Из рассказа главного действующего лица тех событий – В.И. Колесникова следует, что на очередной труп вывела бдительность самого генерала, который заметил на деревьях клочок одежды, почему-то ранее не замеченный его подчиненными.⁷

Но если обратиться к материалам следствия, то можно заметить явное противоречие со словами В. Колесникова – в приговоре и в деле (в частности тома № 206 и № 219) однозначно утверждается, что никакой одежды С. Коростик, кроме той, которой был накрыт труп, после тщательных и многократных проверок всей прилегающей территории найти так и не смогли. То есть, возникает вопрос, откуда же тогда взялся клочок «вроде лацкана пальто», который заметил Колесников и почему эта находка не нашла отражения в материалах дела?

Еще более странной ситуация выглядит, если учесть, что в период с 6 по 13 ноября местность неподалеку от остановочной площадки «Лесхоз» неоднократно прочесывали работники милиции, но не находили не только одежду, но и вообще никаких свидетельств преступления, не говоря уже о новом трупе. Так, 9 ноября 1990 года работник «Лесхоза» позвонил в Красносулинский ОВД, чтобы сделали проческу местности. Но ничего найдено не было. 9 и 10 ноября И. Рыбаков вместе со своим напарником Олейниковым тоже производили прочесывание данной местности. И снова поиск не дал никаких результатов. Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что эту местность в выходные и праздничные дни могли посещать еще и грибники, но никто, будь то простые граждане или работники правоохранительных органов, не заметили никаких следов недавнего преступления.

Если подытожить всё вышесказанное о событиях дня 13 ноября 1990 года, то вырисовывается следующая картина: один из руководителей областного УВД высокого ранга, не имея

⁷ В.Э.: По материалу, процитированному Сваном, так выходит, но Сван не указал, ЧТО это было такое, что он цитировал. Если это обыкновенное журналистское интервью (а на это похоже), то оно как свидетельство «ломаного гроша не стоит». Там и журналист мог (или, еще чаще: могла) что-то напутать, и редактор от себя добавить (да и сам интервьюируемый особой ответственности не чувствовал и, возможно, болтал, что в голову взбретет...). А в Приговоре суда над Чикатило (несравнимо более достоверный документ) сказано, что труп Коростик обнаружили работники Лесхоза {CHKA-1} (правда, потом выясняется, что обнаружили не сам труп, а тряпку на кусте, послужившую причиной прочесывания местности: см. сноску ниже).

никаких очевидных поводов для инспекции местности в районе Донлесхоза, по каким-то только ему одному ведомым причинам 13 ноября в непогоду и сильнейший дождь вместе с достаточно большим количеством личного состава едет с проверкой, но не на место последнего известного к тому моменту убийства В. Тищенко на ст. Кирпичная недалеко от г. Шахты, а едет именно на станцию «Лесхоз», где убийство подростка произошло около месяца назад и именно здесь Колесников находит тот единственный клочок одежды, кроме которого вообще никакой одежды жертвы никто найти не может, и приказывает прочесать данную территорию, после чего и находят труп Коростик.

Этот фрагмент картины событий 13 ноября 1990 года получается далеко не полным и неоднозначным, но, к сожалению, у нас нет свидетельств других участников событий того дня, поэтому невозможно сказать точно, каким именно образом был найден труп Коростик. Совершенно очевидно только одно – найден он был в результате прочесывания местности силами милиции, но вот что послужило поводом к прочесыванию данного района, кто дал сведения, где и что надо искать, остается не до конца понятным.⁸ Все-таки более типичной для данного расследования была ситуация, когда очередной труп находили случайные люди или рядовые сотрудники милиции, после чего на место происшествия прибывали руководители более высокого ранга. Но 13 ноября всё произошло с точностью до наоборот – начало расследования убийства Коростик было положено самим зам. начальника областного УВД, более того, в скором времени вся верхушка, руководившая операцией «Лесополоса», включая столичных и местных специалистов, собралась в полном составе на свою тайную вечерю в лесополосе недалеко от станции «Лесхоз».⁹

Перед ними лежал новый труп, повреждения которого живо напоминали убийства периода 1982–84 гг., и в то же время по месту обнаружения он мог быть легко связан с убийствами подростков 1988–90 гг. Но сложность ситуации заключалась в том, что патрульные опять не зафиксировали убийцу, хотя, казалось, не могли этого не сделать. В срочном порядке начали прикидывать варианты, как выйти из этой ситуации. В итоге руководство решило взять инициативу на себя, выбрав из списка возможных кандидатов в дневнике наблюдений поста ст. «Лесхоз» фамилию Чикатило.¹⁰ Задним числом составляется рапорт, в котором значится именно эта фамилия. Создав, таким образом, прекрасную базу для завершения расследования, следствие выходит на финишную прямую.

Тот факт, что именно в «Донлесхозе», недалеко от бездыханного тела С. Коростик были расставлены все точки над *i* и приняты основополагающие для всего дальнейшего хода следствия решения, подтверждают и слова Костоева, который говорит, что сразу же после посещения лесополосы он вместе со своей группой начал заниматься разработкой именно Чикатило. Таким

⁸ В.Э.: В Приговоре Ростовского суда это дело описывается так (говорится о свидетельстве милиционера Рыбакова): «9 ноября 1990 г. работник «Лесхоза» сказал ему, что в том месте, где находили трупы ГРОМОВА и МУРАТОВА, на кустах висит кусок тряпки. Он позвонил в Красносулинский ОВД, чтобы сделали проческу местности. Сам он со своим напарником ОЛЕННИКОВЫМ 9 и 10 ноября пытались сделать проческу этой полосы и, как оказалось потом, они не дошли до трупа С. КОРОСТИК метров пять. А 13 ноября приехали сотрудники милиции, прочесали лесополосу и обнаружили труп С. КОРОСТИК». {CHKA1} Таким образом, дело, по-моему, совершенно ясно: 1. работники Лесхоза увидели тряпку и сообщили Рыбакову; 2. Рыбаков позвонил в УВД и просил проческу; 3. но прочесывание в связи с милицейскими праздниками тогда не делалось; 4. Рыбаков с напарником сами пытались это сделать, но до трупа Коростик не дошли; 5. 13 ноября, наконец, сделали прочесывание и нашли труп; 6. тогда сюда приехал Колесников и все остальные. А тряпка, с которой всё началось, больше не упоминается; видимо, она не принадлежала Коростик и послужила спусковым крючком всех этих событий случайно. В документе, цитированном Сваном, обнаружение тряпки приписывается Колесникову; возможно, он и вправду приписывал это себе, но больше это похоже на ошибку журналиста, не понявшего слов Колесникова.

⁹ В.Э.: Да ясно же, что собрались они все (включая Колесникова) уже ПОСЛЕ того, как обнаружили труп! И ясно, что началось всё НЕ с Колесникова – и НЕ «с точностью до наоборот». (Ну как можно строить целую «теорию заговора» на основании одного путанного интервью, явно написанного какой-то вертихвосткой).

¹⁰ В.Э.: Потому, что эта фамилия значилась в первой десятке списка подозреваемых и даже (наряду с другими) обсуждалась еще раз недавно накануне. А все остальные фамилии, зафиксированные Рыбаковым и другими постовыми, были ничего не значащими: ну записал проезжавших – ну и что?

образом, Чикатило становится главным подозреваемым уже вечером 13 ноября, другие же возможные фигуранты, также «засветившиеся» на ст. «Лесхоз», вообще не рассматривались...¹¹

Прямая речь. Заместитель начальника следственной части Прокуратуры России, старший советник юстиции Исса Костоев:

Время было позднее, дождь лил как из ведра. Я немедленно затребовал у шахтинских коллег дело Чикатило 84-го года. В деле лежал ордер на арест за кражу социалистической собственности и материалы о краже аккумулятора. Но меня заинтересовало то самое признание, которое сделал тогда на допросе Чикатило, – о своей половой слабости, неприличных историях, связанных с детьми, из-за чего он вынужден был оставить профессию педагога. И снова мне припомнился «заслуженный учитель» Сливко.

Изучение личности Чикатило показало, что он проживал в Родионово-Несветайском районе, городах Новошахтинске, Шахтах, Ростове-на-Дону и Новочеркасске, был женат, имел двоих детей. Ранее работал руководителем спортивного общества, преподавателем в школе-интернате, преподавателем физкультуры, воспитателем. На время проверки был старшим инженером по снабжению Ростовского электровозоремонтного завода. Жена и сын проживали в г. Шахты, а он в отдельной квартире в г. Новочеркасске, с семьей поддерживал периодические связи. Заставляли задуматься и другие факты из послужного списка Чикатило: он начал работать в Ростове в августе 1984 года, как раз тогда, когда там началась волна убийств.

Изучив и проанализировав старые оперативные материалы на Чикатило, я всё больше убеждался в мысли, что это должен быть тот, кого мы так долго и безуспешно ищем. Больше всего поражало описание слежки за Чикатило на вокзале, когда его задержали Ахматханов и Заносовский и когда при аресте были обнаружены нож, веревки и вазелин.

Всё совпадало, всё, кроме... группы крови и спермы! Но ведь в анализ могла вкратиться ошибка. К тому же среди биологов существует мнение о том, что в редких случаях у людей кровь и сперма могут быть разных групп. Или, при определенных условиях, группы крови и спермы достигают той границы, за которой могут считаться разными.

Разумеется, что при наличии полученных сведений, даже с учетом несовпадения группы крови, оперативная группа придавала исключительно важное значение проверке Чикатило на причастность к совершению убийств по делу «Лесополоса».

Прямая речь. Следователь Ростовской прокуратуры Амурхан Яндиев:

Меня вызвал Костоев и велел не шуметь до поры до времени, а выяснить, где был и что делал этот самый Чикатило 14 мая 1988 года, в день убийства Воронько в Иловайске. Без шума узнали где он работает сейчас и где работал прежде, послали сотрудницу в Новочеркасск на электровозостроительный завод, проверить в отделе кадров командировки, и всё совпало...

Информация о служебных поездках Чикатило свидетельствовала, что у него была практическая возможность оказаться на месте любого из совершенных преступлений в те самые дни, когда они были совершены. 17 ноября Костоев поручил ростовской милиции установить за маньяком постоянное наблюдение.

Прямая речь. Начальник УВД Ростовской области Михаил Фетисов:

... Когда появилась у нас уверенность, взяли мы Чикатило под систематическое наблюдение. Он никак себя не проявлял – два первых дня не могли его вообще зафиксировать. Вел себя спокойно, а потом снова стал «дергаться», выходить на контакты – то с мальчиками, то с женщинами. Похоже, выискивал очередную жертву.

Находясь под наблюдением, Чикатило с сумкой на плече постоянно рыскал по пригородным поездкам, охотно вступал в контакты с женщинами и подростками, однако криминального поведения, свидетельствующего о возможной подготовке к убийству, сотрудники не зафиксировали. Парадоксально, но в процессе наблюдения возникли серьезные опасения уже за жизнь самого Чикатило. Дело в том, что «объект» (позже он сам не раз говорил об этом на допросах) отличался рассеянностью, особенно когда пребывал в состоянии полового возбуждения. В этом состоянии он ничего не замечал вокруг себя и запросто мог угодить под машину, что с ним однажды едва и не случилось.

¹¹ В.Э.: А что их рассматривать – этих грибников? Мало что ли автоводителей перебрали? Ясно, что все остальные уходят в тень, если «засветился» подозреваемый из первого десятка когда-то составленного списка. А дальнейшая «прямая речь» Костоева вообще до предела убедительна.

В штабе розыска вскоре был составлен план операции, подготовлены оперативно-следственные группы не только для задержания подозреваемого, но и для производства других неотложных следственных действий: обысков на квартирах Чикатило и его жены, на его рабочем месте; выемки на всех предприятиях, где он работал, документов, подтверждающих нахождение либо отсутствие Чикатило на работе в интересующие следствие даты совершения убийств, объединенных делом «Лесополоса»; допросов отдельных свидетелей, показания которых имели значение для первоначальной работы по изобличению подозреваемого; спецмероприятий и оперативной разработки; подготовки списков и фотоснимков образцов, похищенных у некоторых потерпевших предметов; оперативных установок по отдельным адресам и т.д.

Был зарезервирован транспорт, специальная техника. Инструктажи оперативных групп решено было провести непосредственно перед операцией, чтобы преждевременно не допустить возможного разглашения мероприятий, что нередко случается в практике милиции. Прошло еще несколько дней безрезультатного наблюдения, если не считать фиксации его попыток вступить в контакты с тремя подростками, которых в условиях конспирации оперативные работники опросили. Полученная от них информация подтверждала, что у Чикатило явно был какой-то нездоровый интерес к этим детям.

Надо отметить, что все проверки и продолжающееся наблюдение не предоставили следствию однозначных прямых доказательств причастности Чикатило к серийным убийствам. Всё, что было в руках Костоева – это ряд совпадений.¹²

Учитывая тот факт, что Чикатило уже был под следствием и сумел уйти от ответственности, оперативники не спешили рисковать с его задержанием без надежных улик и предложили продолжать за ним слежку, чтобы взять с поличным.

Прямая речь. Следователь Ростовской прокуратуры Амурхан Яндиев:

В милиции сказали: он найдет очередную жертву заведет в лес, а мы тут как тут. Конечно, есть известный риск, но при аккуратной работе мы его опередим.

Прямая речь. Заместитель начальника следственной части Прокуратуры России, старший советник юстиции Исса Костоев:

Конечно, было заманчиво вести за ним наблюдение до очередного преступления и взять с поличным. Но где гарантия, что он не заметит наблюдения и не покончит жизнь самоубийством? Или, почуввав неладное, ляжет на долгие месяцы, как с ним уже было однажды, после первого ареста за хищение аккумулятора. Словом, это был мучительный анализ. А самое главное в том, что не было улики¹³ о совершении им этих преступлений.

Костоев боялся примерно того же, чего и ожидал от слежки, – что Чикатило застанут на месте преступления. Что-то говорило ему, что Чикатило не выйдет живым из этой передрыги, что он либо покончит с собой, либо его застрелит не в меру ретивый милиционер.¹⁴

Костоев понимал, что если и существуют какие-то веские улики, то их, скорее всего, следует искать в квартире Чикатило, либо в одном из тех мест, куда он имел доступ. Эти квартиры нельзя было обыскать до ареста Чикатило. Но как же его арестовать, не располагая серьезными доказательствами?

Если строго исходить из содержания закона (ст. 122 УПК РСФСР, ст. 91 УПК РФ), то Чикатило нельзя было задерживать. На месте преступления он не был застигнут, никто из

¹² В.Э.: Это называется не совпадениями, а косвенными уликами.

¹³ В.Э.: То есть, прямых улик.

¹⁴ В.Э.: В процитированных Сваном словах Костоева есть некоторая недоговоренность. Что значит «взять с поличным»? Если позволить Чикатило увести в лес чужого и ничего не подозревающего ребёнка, то главный риск заключается в том, что Чикатило-то «возьмут с поличным», но ребёнка он успеет зарезать. (Ведь для этого ему нужно всего несколько секунд – а сколько нужно оперативникам, чтобы к нему приблизиться из такого места, где он их не видел?). Можно подсунуть ему «наживку» – переодетую в проститутку сотрудницу милиции (к тому же вооруженную). Тогда риск, что она пострадает, в общем-то невелик (Чикатило, скорее всего, опешит бы, увидев пистолет в руке у жертвы). Но тогда на первое место выступает риск потерять самого Чикатило – а вдруг он все-таки кинется на неё, и ей придется стрелять? Или бросится бежать и прыгнет под поезд, прежде чем его поймут? То, что Костоев рассуждает только о риске для Чикатило, показывает, что они вариант с ребёнком даже не рассматривали, а имели в виду только вариант с «наживкой».

потерпевших, очевидцев на него не указывал, явных следов преступления на нем, при нем, в его жилище не имелось. Личность его была известна, он имел место жительства и на побег не покушался. В то же время обстоятельства складывались так, что Костоев всё больше укреплялся в своем мнении, что Чикатило и есть тот неуловимый преступник, которого искали на протяжении многих лет.

В конечном итоге решение о задержании приняли на достаточно высоком уровне, что и было единственно правильным. Более того, Чикатило арестовали в порядке ст. 90 УПК РСФСР, т.е. до предъявления обвинения на десять суток, но в этом был большой риск. Если бы не удалось добиться признания, Чикатило пришлось бы отпустить, и, опять же в соответствии с законом, его нельзя было бы вновь арестовать по подозрению в совершении тех же самых преступлений...¹⁵

Возникает вопрос: если бы решение о задержании Чикатило было принято не высшими должностными лицами прокуратуры и МВД, а следователем районного звена? Как в этом случае мог поступить прокурор района? Он имел бы полное право освободить подозреваемого, ибо отсутствовали не только процессуальные доказательства, но и основания задержания. И не только освободить, но и принять к следователю меры прокурорского реагирования. Но тут был не рядовой случай, и соответственно меры были предприняты неординарные...

Решающим днем стало 20 ноября 1990 года. В этот день Чикатило вел себя более активно, чем в предыдущие дни наблюдений. Примерно в 13 часов¹⁶ в парке Новочеркаска встретился с мальчиком, гулял и разговаривал с ним в уединенных местах более получаса, затем оставил его, зашел в свою квартиру. Получив такую информацию, оперативные работники пригласили мальчика в машину, увезли его в безопасное место, тщательно опросили. Им оказался 12-летний школьник Никита М. Он рассказал, что «дядя» пообещал ему достать кассету модного видеофильма, пошел за кассетой, а его попросил ожидать в парке.¹⁷ Идти на встречу мальчику оперативники запретили.

В это время в УВД собрали оперативные группы. Вместе с прокурором области и его заместителем, начальником УВД М.Г. Фетисовым, руководителем следственной группы Прокуратуры РСФСР И.М. Костоевым был проведен инструктаж и объявлена готовность номер один. Задержание преступника поручили возглавить заместителю начальника УВД В.И. Колесникову. Примерно в 15 часов Чикатило вышел из квартиры с небольшой матерчатой сумкой в руках, побродил по парку и, не встретив Никиту М., пытался вступить в контакт с другими подростками, завязывал с ними разговоры. Когда рядом оказывались люди, тут же отходил от мальчика и держался от него на расстоянии. Затем он направился в сторону лесопарковой зоны. Это осложняло ситуацию, преступник мог совершить преступление и скрыться. Чтобы не допустить очередного убийства, угроза совершения которого была налицо, так как приближались сумерки и наблюдение осложнялось, была дана команда задержать Чикатило.

Прямая речь. Оперативный работник уголовного розыска Анатолий Евсеев:

Чикатило брали 20 ноября 1990 года, в 15 часов 40 минут. Заместитель начальника УВД Ростовской области Владимир Ильич Колесников и офицер уголовного розыска Владимир Семенович Першиков и я с ними. Само задержание было очень прозаичным – брали Чикатило прямо на улице в Новочеркасске.

Напротив Новочеркасского электровозостроительного завода есть парк, примыкающий практически к проходной. Чикатило шел от Дворца культуры по аллее, направляясь, видимо, к своему дому. Мы пошли за ним. У него была синяя сумка из плащевой ткани в руке. В сумке – трехлитровая банка.¹⁸ Мужчина был без головного убора, в коричневой куртке, сером костюме с галстуком. На пальце – повязка...

¹⁵ В.Э.: ... при тех же доказательствах. (Если добыть новые улики, то можно арестовывать и за те же преступления; я не читал российского закона, но так это должно быть по логике).

¹⁶ В.Э.: 20 ноября 1990 года был вторник. Почему Чикатило не был на работе, а весь день шлялся по паркам?

¹⁷ В.Э.: Однако видеокассеты при нем не было, когда его задержали. Что он сказал бы Никитие М., если бы им позволили встретиться? Видимо, сказал бы, что кассеты дома не оказалось, надо идти за ней на дачу... Зачем ему надо было заходить домой? Видимо, потому, что в 13 часов с ним не было орудий убийства... (Но это опровергает утверждения Ростовского суда, что он всегда, когда выходил из дома, был готов к убийству {CHKA1}).

¹⁸ В.Э.: С этой знаменитой банкой тоже неясность. Откуда она взялась? Он её взял с собой из дома? Но ведь, судя по всему, он шел убивать Никиту М. Тогда трехлитровая банка в сумке – страшная помеха. Или он её купил только в кафе, где покупал пиво, когда убийство не состоялось?

Вот он зашел в кафе. Мы с Першиковым остановились у входа, стали между собой разговаривать. Колесников, руководитель группы захвата, прошел в кафе. Когда этот человек собрался уходить, я стал спиной к выходу. Он хотел меня обойти, Першиков сделал шаг назад и объект оказался между нами. Владимир Ильич Колесников спросил фамилию, Чикатило ответил. Мы с Першиковым перехватили его руки и защелкнули наручники. Арестованный не сделал ни малейшей попытки к сопротивлению, не произнес ни слова, он даже не удивился происшедшему.

20 ноября 1990 года. В кабинете начальника УВД Ростовской области слева направо: начальник Ростовского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, эксперт высшей категории Евгений Маслов; Андрей Чикатило; заместитель начальника областного УВД Владимир Колесников; оперативные работники и заместитель начальника отдела по расследованию особо важных дел Прокуратуры РСФСР, руководитель операции «Лесополоса» Исса Костоев (крайний справа)

Продолжал он молчать и в машине, был какой-то отрешенный.¹⁹ Только когда проехали половину дороги до Ростова, произнес странную фразу: «Да, это лишний раз говорит, что не надо ссориться с начальством». Мы запретили ему разговаривать. Но он как бы не слышал и опять повторил: «Все-таки с начальством ссориться нельзя». И замолчал до самого Ростова.

Подъехали мы прямо к УВД и завели его в кабинет начальника управления Михаила Григорьевича Фетисова. Там помимо него были руководитель следственной бригады И.М. Костоев, начальник уголовного розыска МВД Российской Федерации, прокурор области, его заместитель, начальник бюро судебно-медицинской экспертизы.

Исса Костоев предложил Чикатило сесть, представил всех присутствовавших, попросил ответить на вопросы. Они были обычными, процедурными: фамилия, имя, отчество, где проживает, где раньше жил, откуда родом и т.д. В тот момент я заметил некоторую заторможенность Чикатило. Ему задают вопрос, он начинает отвечать, потом останавливается. Задают следующий – продолжает отвечать на первый. Создавалось впечатление, что думал он в то время совершенно о другом. Резало слух – косноязычие, обилие слов-паразитов, и опять же поражала абсолютная отстраненность от всего происходящего...

Объявили о том, что необходимо провести следственные действия. Эксперты отобрали на исследование слюну, с разных участков тела состригли на анализ волосы. Прибыла «Скорая помощь», медсестра взяла кровь...

К аресту Чикатило была заранее приготовлена одежда. Его вещи изъяли. Трехлитровая банка, находившаяся в сумке, была наполовину заполнена пивом. При обыске в карманах обнаружили пеньковый шпагат толщиной примерно в половину пальца, свернутый кольцом. Еще тесьму, около

¹⁹ В.Э.: Ну естественно – мозг интенсивно обдумывал дальнейшую стратегию поведения. И решено было изобразить арест как месть «начальства» за жалобы, которые он писал; об этом он начинает говорить уже в машине, и об этом будет писать в первых заявлениях Прокурору. Это была его первая линия защиты; её ломает Бухановский, и Чикатило займет вторую линию защиты: он невменяемый псих. А на суде, когда его все-таки признали вменяемым, занял третью линию: отправить дело на доследование, поэтому отказываться от одних убийств, в которых ранее признался, и брать на себя новые – пусть расследуют и пусть время идет!

метра. Какие-то документы, носовой платок, обрывки газет. И еще, очень хорошо помню, острозаточенный нож «белочка».

Вещи, изъятые у А. Чикатило при обыске 20 ноября 1990 года

Прямая речь. Начальник Главного управления уголовного розыска МВД РСФСР Н.П. Водько:

Мы ожидали встречи с преступником в кабинете начальника УВД, всем хотелось скорее увидеть этого типа. В комнату завели человека чуть выше среднего роста, в очках, стройного и крепкого физически, совсем не похожего на ломброзовский тип убийцы, но это был он. Мы утвердились в подозрении, получив результаты личного обыска. В карманах куртки Чикатило находился острый перочинный нож, тесемки и две бечевки из шпагата, точно такие, какие обнаружили на некоторых местах осмотров трупов; паспорт и служебные пропуска.

Чикатило был ошарашен задержанием, часто вздыхал, волновался. Казалось, он был готов к разговору по существу. Его надо было и начинать, но этого не сделали по просьбе И.М. Костоева, который пожелал вести первый допрос наедине, чтобы в будущем избежать заявлений подследственного о давлении на него со стороны. Возможно, это и имело резон, но элемент внезапности, важный в подобных ситуациях, был упущен.

Около восьми вечера 20 ноября оперативники, задержавшие Чикатило, препроводили его в следственный изолятор Комитета госбезопасности, к дежурному. Почему именно КГБ? – Причину объяснил А. Яндиев. Она оказалась сродни той, по которой они с Костоевым решили брать Чикатило, не откладывая в долгий ящик: некоторым людям предстоящее следствие, а потом суд могли стать поперек горла. Им желательно было иметь убийцу не живым, а мертвым. Не ровен час, найдут его повешенным в камере, как свердловского маньяка Фефилова, и тогда можно будет объяснить это гневом сокамерников, местью родственников или тем, что у самого убийцы не выдержали нервы...

Итак, Чикатило поместили в следственный изолятор госбезопасности. Сидел Андрей Романович не в одиночке, а с сокамерником, который сказал ему, что взят по крупному хозяйственному делу, за экономическое преступление.²⁰ Можно предположить, что это был не совсем обычный подследственный, а специально подобранный для такого случая. За время следствия соседи Чикатило менялись не раз, но, судя по всему, никакой существенной информации

²⁰ В.Э.: Не путаница ли здесь? В фильме «Криминальная Россия. По следу сатаны» (ч.2, 21-я минута) есть краткое интервью с бывшим сокамерником Чикатило, который говорит, что это Чикатило сказал ему, что сидит за экономическое преступление (растрату); сокамерник говорит далее, что если бы он тогда знал, КТО такой Чикатило, то задушил бы его собственными руками.

следователям они не передали: Чикатило совсем не собирался откровенничать с соседями по камере.

На следующий день 21 ноября 1990 года дома у Чикатило был произведен обыск, который напугал его семью, но не дал никаких результатов; никаких вещей, принадлежащих жертвам, не было найдено. Тем не менее, при обыске в его доме обнаружили 23 кухонных ножа (до сих пор точно не известно, использовались ли они для убийств) и обувь, отпечаток которой в общих чертах совпадал с отпечатком, найденным около трупа одной из жертв. Была изъята и одежда, которую предполагали использовать для последующих опознаний.

Ножи, изъятые при обыске в квартире А. Чикатило 21 ноября 1990 года²¹

Таким образом, обыск не предоставил следствию никаких очевидных козырей, с помощью которых Костоев рассчитывал в первые же дни однозначно доказать вину Чикатило. Тот факт, что не было найдено вообще ничего, что напрямую связывало бы Чикатило с преступлениями, стал серьезным ударом для следователя. Теперь главной задачей было разработать такую стратегию допросов, в которых сконцентрировалось бы всё то, что было известно Костоеву о Чикатило и его преступлениях. Учитывая, что по многим делам о без вести пропавших предполагались убийства, а трупы обнаружены не были, тактика допросов была построена так, чтобы не избличать Чикатило последовательно в каждом убийстве, поскольку это можно было сделать лишь по нескольким эпизодам, а довести его до полного признания в совершении всех преступлений, начиная с первого.

Ожидание результатов обыска и выработка новой стратегии ведения диалога с подозреваемым существенно отодвинули начало допросов. Первый допрос начался только в 16.00 21 ноября в кабинете 211 следственного изолятора КГБ. Чикатило держался холодно и равнодушно. В ответ на объявление Костоева о том, что он содержится под стражей по подозрению в

²¹ В.Э.: Нож № 15 – главное орудие убийств до 1984 года. (Точнее – его двойник: собственно тот кровавый нож был изъят у Чикатило при его аресте 13 сентября 1984 года и не возвращен, а в милиции затерян).

убийствах на сексуальной почве женщин и детей, Андрей Романович написал жалобу в прокуратуру:

«Возникшие против меня подозрения считаю полностью ошибочными. Считаю, что меня преследуют следственные органы из-за того, что я написал жалобы в различные инстанции за незаконные действия отдельных руководящих работников г. Шахты, которые решили построить гаражи во дворе дома, в котором живет мой сын».

Еще при задержании следователи обратили внимание на странную, достаточно свежую ранку на пальце Чикатило. При ближайшем рассмотрении судебно-медицинский эксперт Евгений Маслов однозначно заявил, что это след зубов человека. Но даже эта серьезная улика не заставила Чикатило пойти на сотрудничество со следствием. Чикатило всё отрицал и объяснил травму бытовыми причинами (поранился при погрузке контейнеров на работе).

Многое стесняло действия Костоева, он был вынужден в первый день оставить про запас и без того крайне скудные улики и показания свидетелей, иначе в конце концов остался бы вообще ни с чем. В то же время и подозреваемый не горел большим желанием «облегчить душу чисто-сердечным признанием». В итоге первый день допросов закончился безрезультатно.

22 ноября Чикатило отказывается от государственного защитника и пишет новое заявление на имя Генерального прокурора России:

«В извращенных сексуальных проявлениях я чувствовал какое-то бешенство, необузданность, не мог контролировать свои действия, потому что с детских лет не мог проявить себя как мужчина и полноценный человек. Это давало мне уже не половое, а психическое, душевное успокоение на длительный срок. Особенно после просмотра видеофильмов, где показывают извращенные половые сношения и всякие жестокости, ужасы...»

23 ноября следует дополнение к этому заявлению:

«...Мне приходилось часто бывать на вокзалах, в поездах, электричках и автобусах... Там бывает много всяких бродяг, молодых и старых. Они и просят, и требуют, и отбирают. С утра где-то напиваются... Эти бродяги втягивают и несовершеннолетних. С вокзалов расползаются по электричкам в разные стороны. Приходится видеть и сцены половой жизни этих бродяг на вокзалах и в электричках. И вспоминалось мне мое унижение, что я не мог никогда проявить себя как полноценный мужчина. Возникал вопрос: имеют ли право на существование эти деклассированные элементы?.. Знакомиться с ними не составляет труда, они сами не стесняются, лезут в душу, просят деньги, продукты, водку и предлагают себя для сексуальной жизни. Я видел, как они уходили с партнерами в укромные места...»

После таких откровений казалось, что Чикатило уже готов дать признательные показания, но перед тем, как поведать следствию нечто важное, он попросил дать ему небольшую передышку. Следующие 2 дня были выходными, и он хотел собраться с мыслями перед решающим шагом. 24 и 25 ноября допросов не проводилось.

В это же время собирались с мыслями и следователи – после детального анализа всех преступлений заместитель начальника следственной части прокуратуры Ростовской области вынес постановление об объединении нескольких дел об убийствах мальчиков (Фомин, Макаров, Муратов, Кравченко и Громов) в одно производство и передал его в следственную группу И.М. Костоева, таким образом общий список жертв ростовского маньяка стал включать уже 36 фамилий. Впоследствии число жертв будет всё пополняться и пополняться и в конечном итоге больше чем в 2 раза превзойдет количество жертв, приписываемых ростовскому потрошителю 13 ноября.²²

После того, как ему предъявили обновленный список жертв в понедельник 26 ноября 1990 года Чикатило пишет очередную жалобу и отказывается от своего пятничного обещания:

²² В.Э.: Что-то здесь с арифметикой плохо. Согласно списку самого Свана (Приложение в конце настоящего тома), к 13 ноября по «Лесополосе» был 31 эпизод (Коростик – последний). Даже если отбросить Головаху и Погорелову, остаются 29. Умножить на два = 58. В таком количестве убийств Чикатило никогда не обвинялся.

– Действительно, 23 ноября я сам, своей рукой, написал о том, что сегодня, 26 ноября, намерен сделать признание относительно моих преступлений. Ничто меня к этому не вынуждало, но тем не менее сегодня я заявляю, что мне не в чем признаваться. Преступлений я не совершал.

Теперь пришло самое время следствию выкладывать свои козыри. Одним из первых Костоев стал раскручивать убийство Алеши Воронько в Иловайске, совершенное как раз в те дни, когда Чикатило ездил в Артемовск по служебным делам. Все обстоятельства совпадали настолько, что, по мнению следствия, не могли быть простым стечением обстоятельств. Но Чикатило отрицает факт совершения им этого убийства, напротив, утверждая, что все предъявленные следствием факты не больше, чем совпадение.

Он отрицает и то, что был 6 ноября на станции «Лесхоз», и странный рапорт И. Рыбакова в этом случае не может оказать большую помощь следствию.

Отрицает Чикатило и показания свидетелей, которые видели 31 октября неподалеку от станции «Кирпичная» высокого мужчину в очках и с перевязанным пальцем. Мужчина вынырнул из леса и остановился рядом с ними на платформе. Было четыре часа утра. Свидетелями были трое рабочих, которые выезжали на работу ни свет ни заря и каждый день садились в утренний поезд. Кроме них, в это время на платформе никого никогда не бывало. Они заметили, что мужчина испуган, он хромал и подволакивал ногу, словно та была повреждена. Костоеву было известно, что накануне вечером в этом районе было совершено убийство Виктора Тищенко. Сильный, атлетического сложения парень, как подозревал Костоев, мог укунить Чикатило за кончик пальца и, может быть, повредить в борьбе его ногу. Но доказать это было невозможно. И даже свидетели, которые опознали в Чикатило того мужчину, который крутился возле В. Тищенко на станции Шахтная в день его смерти, не изменили ситуацию. Ведь опять никто не мог точно сказать, что именно с Чикатило отправился к месту своей гибели Витя Тищенко.

Таким образом, немалое количество косвенных улик и совпадений подтверждали, что Чикатило мог быть тем самым ростовским потрошителем. И хотя по большей части это были ничем недоказуемые факты, сыщики в своем желании верить в то, что они наконец-то разыскали опасного убийцу и успешно завершили долгую работу, придавали этим косвенным уликам гораздо большее значение, чем они того заслуживали.

Но с другой стороны, следователи не могли не видеть и других очевидных фактов, вступающих в противоречие с вышеизложенными. Все знали, что Чикатило исключили ранее из списка подозреваемых из-за несовпадения группы крови, а значит по всем постулатам криминалистики не мог Чикатило быть «тем самым маньяком». Кроме того, у следствия практически не было свидетелей – никто не видел, как он убивал, ни одна живая душа не может засвидетельствовать, что именно он нанес смертельный удар ножом. Да, он был замечен недалеко от мест убийства последних жертв,²³ но никто даже не видел, как он входил в лес с жертвой, а выходил – один.

Что же касается ножей, изъятых при обыске, то можно ли их вообще рассматривать как улику? Ведь эксперты не могли дать окончательного и однозначного заключения: убийство совершено именно этим ножом.²⁴ Они говорят лишь, что изученным ими ножом могло быть совершено то или иное убийство. А между «совершено» и «могло быть совершено» есть известная дистанция.

Подходил к концу уже 6-й из 10 возможных дней содержания Чикатило под стражей, а у Костоева по-прежнему, не клеилась работа. Без чистосердечных признаний самого Андрея

²³ В.Э.: Здесь есть тонкость. Если на станции X совершено убийство и кого-то видели на этой станции в это время, то это еще не является доказательством его вины. Однако, если он утверждает, что в это время на станции X не был, но каким-то путём установлено, что он там был, то это уже становится доказательством его вины, потому что установлено, что он лжет. Именно в такую ситуацию попадает Чикатило, если он утверждает, что 31 октября утром не был на станции «Кирпичная», а трое рабочих опознают его как бывшего там. Весь вопрос только в том, насколько доверять свидетельствам рабочих, но три независимых опознания – это уже сила (в противоположность единичному опознанию, где может быть и ошибка). Вероятность ошибки при трех независимых опознаниях ничтожна, и в таком случае отрицание Чикатило своего присутствия поворачивается уже против него.

²⁴ В.Э.: С этими ножами тоже странность. Ведь складным ножом «белка» были совершены несколько предыдущих убийств. Следовательно, нож был в крови. Но складной нож невозможно отмыть так, чтобы в его пазах не осталось микроскопических следов крови. Почему эти следы не изучались? Почему нет упоминаний об этом? Похоже, тогдашняя советская криминалистика в области трассологии была на столь низком уровне, что не могла это сделать...

Романовича²⁵ дело разваливается. Как не было, так и нет ни одной прямой улики, связывающей подозреваемого с убийствами. Все проведенные мероприятия не добавили Костоеву никаких достоверных сведений о преступнике, и он не может доказать ему ни одного эпизода. В ближайшей перспективе перед следствием забрезжил вполне очевидный тупик, как и в 1984 году.

Прямая речь. Следователь Ростовской прокуратуры Амурхан Яндиев:

Каждый вечер Исса Магометович уходил с допросов как выжатый лимон. Чикатило молчал. Ему, как я понимаю, просто страшно было начать рассказывать. Он был подавлен. Есть протоколы допросов, есть магнитофонные записи, где он просит: «погодите немного, дайте мне время, мне страшно говорить».

Исса Костоев ведет допрос А. Чикатило

27 ноября Чикатило заявляет, что обдумал ситуацию и решил дать показания по поводу своих преступных деяний. Он рассказывает следствию о давних случаях сексуальных домогательств, объектом которых были дети – ученики школы-интерната.

Костоев, разумеется, понял двойственность сделанного Чикатило заявления. Тот пояснял свои прежние слова насчет «преступных деяний», утверждая, что он имеет в виду совращение детей в семидесятые годы. Чикатило знал, что следствию известно об этих случаях, поэтому такое признание вряд ли явилось откровением для Костоева, но в то же время это было продолжением исповеди Чикатило, его очередным признанием. На сей раз он признал свою сексуальную страсть к детям.

28 ноября 1990 года после долгой беседы со следователем Чикатило пишет новое заявление на имя Генерального прокурора России:

«Мое непоследовательное поведение нельзя рассматривать как попытку уйти от ответственности за содеянное. Может создаться мнение, будто я и после ареста не осознал опасности и тяжести совершенного. Дело мое исключительное по своему характеру. Не боязнь за ответственность заставляет так вести себя, а мое внутренне психическое и нервное напряжение... Я готов давать показания, но прошу не терзать меня деталями и подробностями, так как моя психика этого не выдержит... У меня и в мыслях не было что-то скрывать от следствия... От всего, что я совершил, меня бросает в дрожь... Только чувствую благодарность к органам за то, что меня схватили».

Невозможно однозначно сказать, что же на самом деле происходило в следственном изоляторе КГБ в те десять ноябрьских дней 90-го года между Костоевым и Чикатило. Мы знаем лишь общую канву событий, а точнее то, о чем посчитал нужным сообщить сам Костоев.

По небольшим отрывкам документов понятно только одно – Чикатило чуть ли не с первого дня допросов начал признаваться, и заявления с различного рода признаниями следовали от него практически каждый день. В рассказах о допросах Чикатило рефрен очевидцев одинаков:

²⁵ В.Э.: Черт возьми! – называть этого детоубийцу по имени-отчеству, как будто он какой-нибудь почитаемый учитель...

грозный следователь требует от маленького ничтожного человечка признаний, и тот безропотно признается, причем каждый день в чем-то новеньком или добавляет новые краски в прежние признания. Собственно, зная характеристику личности Чикатило, в таком поведении нельзя усмотреть ничего необычного.

По свидетельствам многих знавших его людей – Чикатило был слабым, бесхарактерным человеком, который не мог оказать сопротивление обидчику, элементарно постоять за себя. Чикатило сам говорил: «оскорбляли меня на работе все, и простая девчушка и начальник». Известен случай, когда он однажды пришел к начальнику с заявлением об очередном отпуске, но тот не только не разрешил, но и избил его.²⁶ Эти примеры можно дополнить и фактами из семейной жизни: жена Чикатило утверждала, что много раз колотила скалкой своего мужа, да так, что он даже не возвращался ночевать домой,²⁷ но в то же время он никогда не проявлял ответной агрессии. Когда его сын Юрий учился в средних классах, он относился к отцу презрительно, называл козлом, иногда даже бросался на него драться, однако Чикатило и на это никак не реагировал.²⁸

Во всех описываемых обстоятельствах Чикатило пассивен и подчинен настолько, что не может дать сдачи никому из своих обидчиков – на работе, в семье, армии, во время случайных конфликтов. Более того, во многих отзывах о нем отмечается вежливость и предупредительность, что можно расценить как его стремление предпринять упреждающие шаги, чтобы не вызвать никакой агрессии против себя из-за страха перед ней.

Конечно же, следователи (тем более такие опытные как Костоев) способны мгновенно вычислить, когда такой слабохарактерный, безвольный человек оказывается перед ними и добыть его признания в короткий срок не является для них сложной задачей. Скорый успех чувствовал и Костоев в день ареста Чикатило. Видимо, поэтому он в категоричной форме настаивал на том, что допросы должен проводить он сам, и его не пугала перспектива отложить начало допросов на следующий день или сделать перерыв на выходные. Ведь он прекрасно понимал, что Чикатило не сможет сопротивляться его напору.²⁹

Всё случилось так, как и планировал Костоев – признания лились рекой, только эти признания не устраивали его. Чикатило день за днем уточнял и дополнял свои показания, но всё это было не то, что нужно Костоеву.

Чикатило уже признался, что совершил некие преступления, рассуждал Костоев. Допустим, он возьмет на себя несколько убийств. Но что из того? – Серия ведь опять останется не раскрытой. Вот, например, дурачки из специнтерната, хоть и путали орудия убийства, возраст жертвы и всё остальное, что можно было спутать, тоже брали на себя убийства. Грош цена таким

²⁶ В.Э.: Эти «многие знавшие его люди» – это в основном сам Чикатило: такую легенду он о себе создавал. А в Приговоре записано так ([л.202–203](#)): «свидетели ГУБЕРНАТОРОВ В.В., ПИЛЕНКО Л.В., ГОЗУНОВ П.В., МЕТЕЛКИН В., СУХАРЕВ А.А., ЛИСИЦКАЯ В.И., УСИНА М.Н., МАКОВСКАЯ Л.С., КОВАЛЕВ М.А., КУЗЕИНА О.М., МАСАЛЬСКИЙ А.Б. – сослуживцы ЧИКАТИЛО по разным местам его работы, показали, что общаться с ЧИКАТИЛО неприятно, в работе он типичный робот – исполнитель, не проявляющий никакой инициативы. ЧИКАТИЛО абсолютно равнодушно относился к упрекам в его адрес за упущения в работе. У ЧИКАТИЛО железные нервы, ни в какие обмороки после критики он не падал, об этом даже смешно подумать тем, кто его знает». О том, что у Чикатило железные нервы, свидетельствуют хотя бы его дела: ну кто из нас смог бы ножом убить 55 женщин и детей, даже если это по каким-то причинам было нужно и правильно? И действовать так нагло и дерзко, под носом у милиции, как при убийстве Коростик, или у прохожих, как при убийстве Дьяконова! Любому, кто хоть что-то понимает в психологии, достаточно посмотреть многочисленные телевизионные интервью с Чикатило, чтобы рассмеяться: вот ЭТОТ тип был застенчивым, «слабым, бесхарактерным человеком, который не мог оказать сопротивление обидчику, элементарно постоять за себя»? – ха-ха-ха! (Да это же типичнейший нахал – до мозга костей!).

²⁷ В.Э.: Это она так думала, что он поэтому не возвращается ночевать, а у него на уме было совсем другое.

²⁸ В.Э.: Одначев – шурин Чикатило (брат жены) – на суде показывал, что Чикатило очень трусливый человек ([л.205](#)). Он показывал также, что Чикатило спал с его женой (видимо, Одначев за это бил Чикатило, а тот от него прятался и убегал). Более точно поведение таких типов, как Чикатило, можно охарактеризовать так: игнорировать упреки и нападки тогда, когда отвечать не выгодно («толстая кожа», «железные нервы»; многими это воспринимается как трусость или неспособность «постоять за себя») и вести себя нагло, когда это выгодно.

²⁹ В.Э.: Более правдоподобны всё же слова Водько: «Костоев (..) пожелал вести первый допрос наедине, чтобы в будущем избежать заявлений подследственного о давлении на него со стороны».

признаниям – нужны были совсем другие признания с подробным рассказом, с объяснением мотивации. А такого рассказа как раз и не было. Порой складывалось полное ощущение, что простой обыватель Андрей Романович Чикатило, который был замешан в приставаниях к детям и контактах с проститутками, просто не имел понятия о том, что же именно происходило на местах преступлений, куда исчезали внутренние органы жертв, какая мотивация должна была двигать этим маньяком. И рад был признаться Андрей Романович, да вот беда, не знал, какие именно признания от него требуются.³⁰

Видя, что на девятый день после ареста Чикатило складывается тупиковая ситуация – следственными действиями доказать его вину невозможно, а сам Чикатило, кажется, просто не понимает, в чем именно он должен признаться, Костоев сделал поистине блестящий ход. Он решил прибегнуть к помощи посредника, который не имеет прямого отношения к органам внутренних дел, не связан никакими условностями вроде протоколов, волен самостоятельно выбирать те методы воздействия на подозреваемого, которые нужны для того, чтобы добыть его признание. И в то же время этот посредник обладает научной степенью в сфере психиатрии, да к тому же досконально изучил все нюансы поведения ростовского Потрошителя.

Костоев приглашает к Чикатило доктора Бухановского.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС

Ректору Ростовского мединститута тов. Чернышеву В.Н.

Прокуратура РСФСР расследует уголовное дело об убийствах на сексуальной почве женщин и детей, имевших место в Ростовской и ряде других областей страны. Материалами следствия в совершении этих преступлений изобличен и в настоящее время содержится под стражей Чикатило А.Р. Характер совершенных преступлений, поведение обвиняемого на месте преступления свидетельствуют о возможных нарушениях его психики садистско-мазохистского характера. С учетом этого и некоторых других обстоятельств расследуемого дела прошу Вашего разрешения на привлечение при производстве некоторых следственных мероприятий в качестве консультанта ассистента кафедры психиатрии и наркологии Вашего института тов. Бухановского А.О. К сведению сообщаю, что тов. Бухановский А.О. ранее проводил психолого-психиатрическое исследование по данному делу.

Зам.начальника отдела по расследованию особо важных дел Прокуратуры РСФСР,
ст.советник юстиции И.М. Костоев

Прямая речь. Ассистент кафедры психиатрии и наркологии Ростовского медицинского института Александр Бухановский:

Я понятия не имел, что вновь кто-то задержан, когда меня неожиданно срочно вызвали из клиники утром 29 ноября. В штабе следственной бригады объяснили, что задержан человек, которого столько лет искали. Но ситуация была вновь тупиковая – не раскрывается, прямых улик против него нет, а уже 9-й день содержания под стражей и на 10-й придется выпускать – положено по УПК России. Именно тогда я впервые узнал о роковом для следствия значении этого срока. Поэтому и обращались за помощью к психиатру, уже давно работавшему в этом деле. Речь шла о сложностях допроса. Малопонятная речь не в плане вопроса, а о чем-то своем, личном, т.п. Работа началась и потом проходила в кабинетах следственного управления КГБ. Костоев поставил ряд актуальных для него задач, которые мне приходилось решать и ранее при работе с подозреваемыми: искомый ли это человек, совершал ли он убийства и где, каким способом уводил свои жертвы, почему они за ним шли, когда и как начинал агрессию, что, в какой последовательности и зачем с этими людьми делал и т.д. Для меня это была не первая подобная работа (первая только с Костоевым, но не первая по ходу расследования). Я поставил условия морально-этического свойства. А именно: я – врач, а не следователь, и получать признательные показания от подозреваемого не должен; работать буду не под протокол, а с глазу на глаз с ведением только своих собственных записей; если преступником окажется Чикатило, его признания, данные мне, не должны использоваться против него, ведь речь шла не о допросе, а фактически об исповеди. Условия были приняты. Итак, 29 ноября я работал с Андреем Романовичем вдвоем с утра (примерно с 9.30) и до позднего вечера с обязательным перерывом на обед.

В самом начале беседы я, в соответствии с законом, представился как врач-психиатр, дал ему свою визитную карточку, рассказал о своей работе с милицией и о работе над портретом, который был представлен нам Костоевым, лежал на столе и мы несколько раз возвращались к его отдельным фрагментам.

³⁰ В.Э.: Знал, какие признания требовались – правда.

Фрагмент интервью А.О. Бухановского:

– Чикатило был в наручниках?

– Нет.

– Когда вы поняли, что он – тот самый серийный убийца, вам не стало страшно?

– Страшно не было. Видите ли, он становился убийцей лишь в определенных обстоятельствах. Я уже достаточно хорошо представлял себе его характер. По ходу беседы с ним степень совпадения реальных черт Чикатило с моими предварительными разработками оказалась практически полной.

– Сколько времени вы с ним разговаривали?

– Весь день. Мы сидели друг против друга. Сначала я объяснил ему, что я врач и моя задача – помочь ему. Я не следователь и не судья, говорил я, поэтому я не собираюсь оценивать ваши поступки с точки зрения права или морали. Может быть, то, что с вами произошло, – не вина ваша, а беда. И лучше врача никто этого не поймет... Я положил перед ним некоторые выборочные места из моего заочного исследования – там, где я описывал его детство и юность, его семью, родителей. Он прочитал и разрыдался. Во время нашего разговора он вообще часто плакал. Как ребенок. Я дал ему выговориться. Он говорил сначала сумбурно, а потом всё более связно и подробно. Уже к середине первого дня он впервые в жизни рассказал, что с ним происходило, чем это начиналось, как случилось первое убийство в 1981 году, как это мучило его, о своей тяжелой жизни и о многом другом.

– Вы фиксировали его рассказ?

– Процессуальных документов для таких случаев тогда не было. Я вел не протокол допроса, а историю болезни. К сожалению, она оказалась невостребованной, так до сих пор она и лежит у меня. Хотя там есть уникальные вещи. Кроме того, по моей просьбе он написал что-то вроде сочинения, используя те слова, которые я ему продиктовал. Мы часто используем такой прием психологического тестирования. Это сочинение тоже находится у меня.

Таким образом, из многочисленных интервью и выступлений А.О. Бухановского можно сделать весьма неоднозначные выводы – к Чикатило, который никак не может дать удовлетворяющие следствие подробные признания во всех 36 инкриминируемых ему убийствах, вызывают эксперта, который активно сотрудничал со следствием и имел неограниченный доступ к материалам уголовных дел об убийствах, совершенных в период 1982–84 гг., и даже написал два проспективных портрета преступника, в которых детально рассматривались все нюансы действий маньяка, которые не мог³¹ объяснить Чикатило.

Далее еще интереснее: после вызова в следственный изолятор КГБ, работа Бухановского с подозреваемым никак официально не оформлялась, никакого протокола допроса не велось (поскольку, как объясняет сам Бухановский, это был не допрос, а как бы беседа с пациентом), следователи во время этой беседы не присутствовали и единственное, что мы знаем о данной беседе со слов того же Бухановского, что он зачитывал подозреваемому фрагменты из проспективного портрета предполагаемого преступника, а говоря другими словами, объяснял и раскладывал по полочкам для Чикатило все особенности поведения ростовского маньяка, то есть фактически внушал ему всю необходимую для следствия информацию.³²

Выступление Бухановского на судебном процессе (1992 г.):

Вечером, завершая работу, я высказал свою точку зрения, сказав, что считаю всё случившееся болезненным расстройством (об этом я сказал тогда же Костоеву, в своей точке зрения убежден и сейчас)³³. Уже 29-го Костоев категорически запретил мне сообщать какие бы то ни было сведения о

³¹ В.Э.: Не хотел.

³² В.Э.: Боже! – ну и чушь! (Такое внушение вообще невозможно: – человеку, который убийства не совершал, внушить, что он маньяк. Притом еще за один день! Что за бред!). На самом деле Бухановский дал Чикатило надежду и вывел его на вторую линию обороны – играть на то, что он психически болен и невменяем. А для такой линии обороны было выгодно признаваться: чем больше преступлений и чем они страшнее, тем скорее его признают невменяемым. (Так, по крайней мере, рассчитывал Чикатило – ошибочно рассчитывал, но вот эту мысль о такой линии обороны Бухановский действительно внушил Чикатило).

³³ В.Э.: Разумеется, это «болезненное расстройство», но как-то создается впечатление, что Бухановский то ли не понимает, то ли намеренно скрывает разницу между болезнью и невменяемостью. Психическая болезнь еще не означает, что человек невменяем (то есть, что он не подлежит судебной ответственности). Лишь сравнительно немногие псих-больные признаются невменяемыми (те, у кого есть определенные синдромы бреда). Это азбука психиатрии, и об этом можно прочитать в любом учебнике

работе с Чикатило членам оперативной группы. Хотя и было известно, с каким нетерпением они ожидают, невзирая на поздний час, результатов моей работы, подводившей итог их многолетнему титаническому труду. Я не смог быть столь жестоким и нарушил распоряжение, тем паче, что 29 ноября моя работа никак официально не оформлялась, и я не был связан подпиской о неразглашении. Тогда ни я, ни они этого запрета понять не могли и по этому поводу недоумевали. Тогда же я обещал Чикатило, что если суд сочтет необходимым прибегнуть к моей помощи, я постараюсь и в суде объяснить механизм поломки его мозга и психики. Обещал выполнить его просьбу и объяснить всё это членам его семьи, которые также являются жертвами его преступления. Семья – одно из немногих, чем по-настоящему дорожил Чикатило. Я был свидетелем того, как он плакал, получив 30 ноября первую записку от жены. Рыдая, он искренне сокрушался, что причинил столько горя своим близким.³⁴ Эта работа помогла ему преодолеть внутренние психологические препоны, и со следующего дня, насколько мне известно, он начал сотрудничать со следствием.

Прямая речь. Адвокат Марат Хабибуллин:

Давайте подумаем, чем может быть продиктовано всё последующее поведение Чикатило на следствии, его многочисленные признания. Ведь каждому человеку свойственно желание жить и выжить. Почему же оно в этом случае бездействует, почему Чикатило на следствии признает всё, в чем его обвиняют? Ну, какие могут быть резоны? Какая может быть надежда на снисхождение, если речь идет о нескольких десятках убийств? А каждое карается и смертной казнью. При всей трагичности дела нелепо, если бы суд разъяснял Чикатило содержание статьи 38 Уголовного кодекса, напоминая ему, что чистосердечное раскаяние и активное способствование раскрытию преступления являются при назначении наказания обстоятельствами, смягчающими ответственность.

«Признания» Чикатило не могли быть сделаны без какого-то вынужденного расчета.³⁵ Представьте себе состояние арестованного человека, обвиняемого в страшных преступлениях и еще не признанного виновным, но уже всеми рассматриваемого как виновного! Человека, знающего, что из-за его ареста и обвинения в опасности семья. Чикатило же знал, что его близкие вынуждены поменять фамилии, уехать в новый город, поменять место своего нахождения. Я не знаю, почему именно признавался Чикатило в предварительном следствии. Может, речь шла о каких-то сиюминутных побрякушках, благоприятных перспективах...

Как и адвокат Хабибуллин, не зная истинной подоплеку событий, мы можем лишь выдвинуть некоторые версии относительно того, почему же Чикатило, который вначале упорно обходил тему убийств молчанием, потом внезапно стал признаваться в многочисленных преступлениях, причем делал это так охотно, что впоследствии даже не мог никак остановиться.

Конечно же, Чикатило опасался, что к нему после признаний в убийствах может быть применена исключительная мера наказания – смертная казнь, и всячески старался избежать подобной участи и сохранить себе жизнь. Одним из возможных путей остаться в живых было признание Андрея Романовича невменяемым и направление вместо тюрьмы на принудительное лечение. Возможно, между Костоевым и Чикатило было достигнуто некое джентльменское соглашение о том, что Чикатило помогает закрыть это громкое дело, взяв на себя вину за все нераскрытые преступления, а Костоев гарантирует сохранение ему жизни.³⁶ В этой связи вполне логичным выглядит приглашение в следственный изолятор врача-психиатра как гаранта того, что Костоев держит свое слово. И именно врачу Чикатило дает свои первые показания, озвучивает свои жалобы на психическое здоровье.

(например, в {[L-EGUIT](#)}, по которому психиатрию изучал я), и меня удивляет, сколько вокруг этого простого вопроса может быть накручено пустословия – даже психиатрами.

³⁴ В.Э.: Ну вот, тут очень хорошо видно, КАК Бухановский (желая того или не желая) «сломал» Чикатило. Тот 9 дней пребывал в максимальном стрессе, не видя никакого выхода (первая линия обороны – «меня оклеветали из-за жалоб начальству» явно не сулила победы), а тут, наконец, засиял «свет в конце тоннеля»: «ты болен, ты псих, ты невменяем»... Гигантское облегчение, слезы радости – и Чикатило стремглав бросился признаваться.

³⁵ В.Э.: Этот расчет очевиден, и я его уже объяснил.

³⁶ В.Э.: Обеспечить такие гарантии не было в силах Костоева; такие гарантии могли быть только ложными, и Костоеву незачем было идти на такое. Костоев сделал умный и правильный ход – через Бухановского вывел Чикатило на вторую линию обороны (расчет на невменяемость), внушив ему надежду на это, но не дав никаких обещаний. В определенном смысле Костоев, конечно, «кинул» Чикатило – надул его. Но ведь Чикатило никогда никто не заставлял признаваться в том, что он НЕ совершал; он признавался только в том, что он действительно СОВЕРШИЛ. Поэтому всё здесь правильно и справедливо.

При оценке событий ноября 1990 года нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, о котором поведал сын Чикатило в одном из своих интервью.

Прямая речь. Юрий Чикатило:

После армии я вернулся домой, уже в Новочеркасск, куда за время моей службы переехали родители. Начал отмечать с друзьями дембель, в итоге, как обычно, не хватило денег – хотелось ведь и в ресторан, и девочек, и напитков хороших... Короче, через неделю мы с друзьями-тяжелотелами (я тоже тогда таскал штангу, кандидат в мастера спорта) решили ограбить вьетнамских челноков, промышлявших поддельными японскими часами «Сейко». Пришли к ним в общагу, загнали вьетов под кровати и забрали четыре баула с часами и шмотками (всего тысяч на 10 долларов). Но погулять толком не успели, милиция быстро вышла на одного из нас, он раскололся, и нас повязали.

Я тогда взял всё на себя, так что парней отпустили. А статья была серьезная – ограбили иностранцев! Мои родители продали всё, что могли, вплоть до золотых цепочек и перстней, в итоге меня откупили. До суда, правда, дело довели, но дали всего два года условно (до того отсидел два месяца в СИЗО). Вышел в октябре 1989 года.

Таким образом, на момент ареста Андрея Чикатило у его сына был условный срок. И это тоже могло стать одним из инструментов воздействия на несговорчивого Андрея Романовича.

Как бы то ни было, чистосердечное признание непременно должно было последовать из уст Чикатило. Несмотря ни на что: есть ли улики или нет таковых, в состоянии ли свидетели, видевшие мельком какого-то мужчину 8 или даже 12 лет назад, опознать именно Чикатило или нет, несмотря на разницу в группах крови и т.д. В противном случае вся 8-летняя огромная работа теряла свой смысл. Нет сомнений, что из Чикатило выжали бы эти чистосердечные признания любым способом,³⁷ но выпустить из тюрьмы его уже никак не могли – никаких других подозреваемых у следствия попросту не было. Совпадения по нескольким эпизодам были несомненными, просто надо было подтолкнуть его к признанию. А ждать еще несколько лет, когда появятся очевидные улики против Чикатило или кого-то другого, было совершенно нерационально и недопустимо.

³⁷ **В.Э.:** Глупости – нет сомнений, что «любым способом» (т.е. пытками) выжимать из Чикатило «чистосердечные признания» никто не стал бы; это был не 1937-й и даже не 1982-й год, а 1990-й. Если бы не хитроумный ход Костоева (который мы должны признать просто великолепным!), то следствие (и дальше суд) находилось бы в весьма затруднительном положении. Из-за чрезвычайно низкого уровня трассологии того времени (нет анализов ДНК, не могут обнаружить замкнутые следы крови на ноже и одежде) прямых улик против Чикатило фактически не было. Скорее всего, его всё равно осудили бы (косвенных улик было просто невообразимое количество, и вероятность того, что всё это просто совпадения, становится исчезающе малой с каждой новой косвенной уликой). Но тогда у нас остались бы сомнения – а действительно ли Чикатило был тем самым маньяком-убийцей из «Лесополосы»? А справедливо ли его осудили? Тогда мы могли бы сомневаться: ведь сам он всё отрицал до последнего! Но благодаря ходу Костоева, теперь мы сомневаться НЕ МОЖЕМ. Чикатило **БЫЛ** тем самым убийцей. Он не просто признавался; он среди шести фотографий каждый раз безошибочно указывал свою жертву, он точно и уверенно выводил на место убийства, он то же самое проделал с десятками таких убийств, которые ему не вменяли и о которых следствие даже не знало, многие из которых вообще не числились убийствами – и всё подтверждалось. Инсценировать подобное у следствия не было ни возможности, ни надобности. Чикатило до последнего продолжал подтверждать, что он – убийца. На суде он отказался от шести эпизодов, но взял на себя 4 других, таким образом продолжая подтверждать 51 убийство. Уже после суда, уже приговоренный к смерти, он давал множество интервью различным киногоруппам, и – каждый может это сам посмотреть! – там он не плачется как невинно осужденный: «Ох, я не убивал, меня несправедливо приговорили!» Нет – вместо этого он объясняет, почему он убивал. (Правильны или неправильны эти объяснения – сейчас не важно; важно, что он перед миллионами зрителей подтверждает свои убийства, подтверждает, когда никакое следствие уже не давит на него, когда всё уже позади...). Так что в действительной виновности Чикатило не может быть никаких сомнений.

7. Чистосердечные признания (1990–1991)

30 ноября 1990 года Чикатило было предъявлено обвинение в совершении в 1982–1990 гг. 36 умышленных убийств женщин и детей обоего пола, сопряженных с изнасилованием жертв и гомосексуальными актами.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 30.11.90 (С 10.45 до 16.35)

Обвиняемый Андрей Чикатило

...Полностью признаю себя виновным в совершении изложенных в постановлении преступлений. Сейчас, глубоко раскаиваясь в содеянном, хочу искренне рассказать о себе, своей жизни и обстоятельствах, приведших меня к совершению тяжких преступлений на протяжении целого ряда лет. Со дня моего ареста в моей душе шла борьба. С одной стороны – я хотел рассказать о себе всё. И главное, о тех чувствах, которые толкали меня на совершение страшных преступлений. С другой – терзал позор перед семьей, близкими и знакомыми, когда они узнают, что я натворил. Сегодня я пришел к твердому решению говорить правду и только правду и своими правдивыми показаниями помочь следствию в установлении истины.

К такому решению, помимо всего прочего, я пришел потому, что я не единственный, наверное, человек, который совершал или в будущем совершит такие тяжелые преступления. И в таком случае моя искренность на следствии поможет органам правосудия пресекать это в самом начале преступной деятельности таких лиц.

За пять последующих дней А. Чикатило кратко описал убийства, изложенные в обвинении, указывая только наиболее существенные детали: время, место, где был установлен контакт, место самого убийства, характер нанесенных ран.

Таким образом, с 30 ноября по 5 декабря 1990 года Чикатило признался в совершении 34 из 36 известных следствию случаев убийств в Ростовской области,³⁸ категорически отказавшись только от двух эпизодов 1986 года – убийств Л.П. Головахи в Мясниковском районе Ростовской области и И.Н. Погореловой в г. Батайске.³⁹

На допросах Чикатило рассказывал о своих побуждениях, которых якобы сам не мог понять, говорил и о том, что так глубоко попал под власть сил, которым не мог сопротивляться, что иногда, уходя с места преступления, был настолько погружен в свои собственные мысли и переживания, что даже шел прямо под идущие автомашины. Но всё это можно было обсудить позднее, а на тот момент у следователей было другое, куда более важное дело: за 2 недели работы с Чикатило у группы Костоева не появилось ни одного надежного вещественного доказательства, которое могло бы бесспорно указать на виновность Чикатило. Всё, что было в руках следствия – это только чистосердечные признания самого Андрея Романовича, не подкрепленные более ничем; даже многочисленные обыски дома и на работе у Чикатило не позволили найти каких-либо улик, связывающих Чикатило с серией убийств. Понимая, что в какой-то момент Андрей Романович может попросту отказаться от своих показаний и тогда дело полностью развалится, Костоев старался найти объективные и неоспоримые доказательства его вины.

Вполне вероятно, что на счету у маньяка помимо уже известных следствию жертв, были и не зафиксированные в милицеских сводках неопознанные трупы. Расчет следователей в этой связи мог строиться на том, что Чикатило не только укажет на не попавший в поле зрения правоохранительных органов случай убийства, но и сможет точно указать место захоронения жертвы, которое без его помощи невозможно было бы вычислить.

³⁸ В.Э.: Из этих 36-ти в Ростовской области было только 34; согласно списку самого Свана (конец настоящего тома) из предъявленных Чикатило тогда убийств одно состоялось в Москве, а одно в Ивайловске Украинской ССР.

³⁹ В.Э.: И эти убийства в дальнейшем ему никто и не вменял. Это однозначно показывает: 1) что чужие убийства Чикатило на себя не брал; 2) что следствие и суд чужие убийства на него не вешали. Всё, в чем он признался и за что его осудили, – он СОВЕРШИЛ.

Думается, что случаев бесследного исчезновения людей в многомиллионной Ростовской области⁴⁰ насчитывался не один десяток. Вполне вероятно, что один из них мог быть на совести Чикатило. Так, например, в милиции лежало заявление о том, что в августе 1989 года пропал 10-летний Леша Хоботов. С тех пор о мальчике ничего не было известно. Особую значимость и интерес для следствия этот эпизод приобретал, поскольку было известно, что мальчик исчез в городе Шахты, где до того произошло десяток убийств, вину за которые Чикатило уже взял на себя.

7 декабря 1990 года стоит считать одним из ключевых дней в расследовании серии убийств в лесополосах.

Как впоследствии И. Костоев рассказывал журналистам, в этот день, проводя допрос, он упомянул о том, что если есть трупы, которые остались не погребены, о них необходимо надлежащим образом позаботиться. На эту реплику Чикатило охотно ответил, что одну из жертв он похоронил в могиле, которую рыл для себя на городском кладбище в г. Шахты.⁴¹ До заявления Чикатило ни об этом трупе, ни о месте его захоронения, ни о самом факте убийства правоохранительным органам ничего не было известно – существовало только заявление об исчезновении мальчика.

Костоев прекрасно понимал, что если Чикатило сможет вывести следователей к трупу, это и будет тем самым бесспорным доказательством вины Чикатило, которое сцементирует предыдущие чистосердечные признания в единое целое.

Икона видеозаписи: Чикатило показывает место захоронения Хоботова

⁴⁰ В.Э.: В середине 1970-х годов в Ростовской области было 4 миллиона жителей. Площадь – 100,8 тысяч км². (Если Латвию принять за 100 %, то Ростовская область – 158 % по территории и 164 % по населению).

⁴¹ В.Э.: Суд, однако, не поверил, что Чикатило эту могилу рыл для себя, и счел, что он заранее вырыл могилу для жертвы, а потом заманил её на кладбище и убил. С психологической точки зрения версия суда неизмеримо достовернее версии Чикатило (которая явно играет на тогдашнюю его линию защиты «я – псих»). Ну представьте, читатель, что Вы роете могилу для себя, потому, что решили покончить с собой. Даже если Вы и совершите самоубийство, то как Вы потом в этой могиле себя захороните? Глупости это – не мог Чикатило рыть могилу для себя; для жертвы рыл. А сказочку про «могилу для себя» он выдумал потому, что вообще он последовательно отрицал все факты, которые свидетельствовали, что он тщательно готовился к убийствам и планировал их, и которые подрывали его версию, что действовал он, мол, в порыве безумной страсти, не владея собой, и т.д. Поэтому он отрицал, что заранее рыл могилу для жертвы, что заранее брал с собой молотки для убийства (почему у него с собой нож, можно легко объяснить: командировки, консервы, еда в сухомятку и т.д.; но зачем с собой молоток? – значит, не было с собой молотка! – бил он жертву камнем, случайно подобранной железкой и т.д. – это проходит через многие эпизоды). Ростовский суд совершенно правильно определил эту линию Чикатило.

Естественно, что следственный эксперимент не стали откладывать в долгий ящик. В тот же день следственная группа во главе с Костоевым выехала в Шахты; у одного из сотрудников была с собой видеокамера. Когда они подъехали к городу, уже темнело, огромные горы шлака на окружающих полях были едва видны на фоне темнеющего неба. Лавируя между каменными надгробьями, мимо могильных оград Чикатило вывел группу прямо к нужному месту. Камера бесстрастно зафиксировала дату – 7.12.90. и время – 16.00. Такие необходимые для следствия доказательства были успешно добыты. По иронии судьбы именно на том самом месте, где Чикатило когда-то сам себе рыл могилу, он фактически и подписал себе смертный приговор.

Но Андрей Романович и не подозревал об этом – жизнь продолжалась, как продолжалась и видеозапись. Последние кадры которой оставляют недоумение. Судя по видеозаписи, Чикатило действительно указал место захоронения трупа 7 декабря примерно в 16 часов, но вот эксгумация останков была проведена только 8 декабря около 12 часов дня. Не совсем понятно, чем было вызвано такое промедление (фактически более 20 часов)⁴² – об этом остались только неясные намеки в письме самого А. Чикатило редакции газеты «Аргументы и факты».

Икона видеозаписи раскопки трупа Хоботова

Прямая речь. Андрей Чикатило:

Меня дрессировали, как артиста-обезьяну,⁴³ перед аудиовидеозаписями, перед опознанием по фото, диктовали мои якобы «собственноручные записи». Понятые могут сделать великую сенсацию, рассказать, как мои карманы перед выездами заполнялись схемами, описаниями, репетировали каждую запись. Историю трупа на шахтинском кладбище могут раскрыть люди, которые ухаживают за соседними могилами.

⁴² В.Э.: Да элементарно! Темно было. Зачем начинать копать, если не успеешь до темна закончить (и охрану тогда надо на ночь ставить у недокопанной могилы – кому это нужно?) С утра засветло и начнем.

⁴³ В.Э.: Да, да – дрессировали его; и Хоботова Костоев за полтора года до этого убил и закопал на Шахтинском кладбище, чтобы только в 1990 году инсценировать выводку Чикатило... (В том же письме Чикатило писал и так: «И, может быть, со мной на остров поедет моя многострадальная подруга, жена Фенечка, она возмёт юридическую ответственность за меня, чтоб я не бросился в океанские волны. Разлучила нас с Фенечкой злая стихия строек коммунизма – вечные командировки, изгнала мафия ассирийская с работы, жилья, замуровали мою чистую белую украинскую хату гадюшниками, лишили меня солнца и воздуха, что даётся нам от Бога, истоптали-порвали выращенные мной цветы жизни, а мою жизнь загубили – загнали меня в психушку и в тюрьму. И в результате – неуправляемые всемирные катаклизмы, и некому вывести заблудшую планету из тупика. Колесо истории – в моих руках, а историю никому и никогда не повернуть вспять» {CHKA4}).

Чем бы ни были продиктованы эти строки – желанием сохранить себе жизнь или нарушениями со стороны органов следствия, которые по мнению Чикатило, имели место при обнаружении некоторых трупов, но обнаружение прежде неизвестного следствию трупа, на который указал сам Чикатило, стало большим шагом вперед в обосновании виновности Андрея Романовича в совершении серии убийств. Теперь уже в руках правоохранительных органов был железный аргумент, который упоминается во всех интервью, начиная с 1990 года и по сию пору, как бесспорно доказывающий вину Чикатило.⁴⁴

После настолько эффективной для следствия поездки в Шахты в деле «Лесополоса» намечается вторая волна откровений Чикатило, снова, как 30 ноября нескончаемым потоком из уст главного обвиняемого полились чистосердечные признания, но если в период с 30 ноября по 5 декабря он признавался исключительно в убийствах, уже известных следствию и совершенных на территории Ростовской области, то в промежутке с 7 по 11 декабря он делает признания исключительно об убийствах, следствию прежде неизвестных и преимущественно совершенных за пределами Ростовской области.

11 декабря 1990 года Чикатило пишет заявление на имя Прокурора РСФСР, в котором перечисляет ранее не упоминавшиеся им убийства. Таким образом, с учетом этих признаний Чикатило взял на себя в общей сложности уже 53 убийства.⁴⁵

Список жертв из заявления, написанного Чикатило на имя Генерального Прокурора РСФСР 11 декабря 1990 года⁴⁶

А уже на следующий день Чикатило неожиданно вспомнил еще одно убийство, впрочем, как случалось много раз и прежде; при этом он спутал многие детали совершения убийства. Он датировал это убийство 1987 годом,⁴⁷ указал, что по способу совершения оно не отличалось от других. Его жертвой в тот раз стала гуляющая девица в красной куртке, которую он завел на левый берег Дона, надеясь получить сексуальное удовлетворение. Как показала более поздняя проверка таких убийств в тот год и в том месте, которое назвал Чикатило, зафиксировано не было...

Весной 1991 года Чикатило установил окончательный счет своим признаниям, когда на выводке в ростовском парке Авиаторов к нему пришло запоздалое воспоминание об убийстве Сармите Цаны. Так набралось 55 признаний.⁴⁸

Если бросить даже беглый взгляд на то, как формировался этот обширный список ужасных злодеяний Чикатило, то сразу же бросается в глаза неравномерность распределения жертв по годам и отсутствие последовательности следователей и каких-либо объективных закономерностей в отнесении жертв мужского и женского пола к одной серии убийств. Так первоначально в списке из 23 жертв 18 – это жертвы женского пола, впоследствии Костоевым к этому списку было добавлено еще 8 эпизодов убийств, в 6 из которых жертвами опять же являлись женщины. Причем, если исходить из динамики убийств, то было заметно, что они совершенно очевидно идут на убыль, а убийца фактически прекратил к 1990 году свою преступную деятельность. По не вполне понятным причинам⁴⁹ уже после ареста Чикатило в список Костоева заместителем

⁴⁴ В.Э.: Он и доказывает эту вину – как и многое другое.

⁴⁵ В.Э.: В списке Свана (в конце этого тома) как принадлежащие Заявлению Чикатило от 11 декабря 1990 года указаны 15 эпизодов. Так как из предыдущего списка Чикатило взял на себя 34, то вместе получается 49. Где еще четыре? (Или список Свана не полный? Тогда какие эпизоды там еще должны быть?)

⁴⁶ В.Э.: На сайте здесь линк, а в моем издании см. этот список в Приложении к настоящему тому в конце книги.

⁴⁷ В.Э.: Суд в своем Приговоре подробно разбирает это обстоятельство. Чикатило действительно первоначально назвал год убийства неправильно (при 55 эпизодах не мудрено и что-то иногда напутать), но он при этом указал, что это было первое из трех убийств, совершенных им на «Левбердоне» (левом берегу Дона) – раньше Алексеевой, убитой 8 июля 1984 года, и раньше Чепеля, убитого 28 августа 1984 года. Так что особых противоречий в общем-то и не было. Причина ошибки тоже понятна: на самом деле это убийство состоялось в начале первой серии (до первого ареста), а Чикатило подумал, что в начале второй серии (когда он возобновил убийства в Ростовской области). Просто перепутал серии.

⁴⁸ В.Э.: Значит, четыре недостающие в списке Свана убийства, о которых говорилось выше, таковы: Закотнова {F1}, Саркисян {F9a}, {F2a} и {F2b}.

⁴⁹ В.Э.: Причины очевидны. До ареста Чикатило действительно не было ясно – то ли орудует один убийца, убивающий и женщин и мальчиков, то ли их двое с различной «специализацией». Поэтому и были колебания с включением тех или иных эпизодов в серию «Лесополоса». Но 13 ноября 1990 года всё прояснилось: убийства Виктора Тищенко и Светланы Коростик с недельным интервалом в одном и том же месте показали, что маньяк убивает как мальчиков, так и женщин. Потому дела и объединили.

начальника следственной части прокуратуры Ростовской области включается 5 жертв только мужского пола. В результате и был сформирован тот список 36 жертв, который предъявили Чикатило первоначально. Впрочем, и в этом списке не обошлось без странностей, по данной статистике выходило, что из общего количества жертв, 25 (70%) были убиты либо в период 1983–84 гг., либо в 1990 г., в остальные же годы количество жертв исчислялось одной или двумя.

Динамика убийств, совершенных ростовским маньяком (по данным следствия на 29 ноября 1990 г.):

год	Количество жертв
1982	4
1983	7
1984	12
1985	2
1986	2
1987	–
1988	1
1989	2
1990	6

Когда же Чикатило отказался признавать свою вину в убийствах 1986 года, то получилась совсем странная картина – в пятилетний период с 1985 г. по 1989 г. его жертвами стали лишь 5 человек, а в 1986–1987 гг. вообще не было зафиксировано ни одного покушения на убийство,⁵⁰ тогда как в 1990 г. последовал новый всплеск убийств, и только за один год жертвами маньяка стали 6 человек, т.е. больше, чем за все предыдущие 5 лет!!!

Если же посмотреть на список чистосердечных признаний, сделанных Чикатило уже в декабре 1990, то остается поражаться, насколько удачно эти признания помогли следователям заполнить лакуны, имеющиеся в предыдущих списках. В новых признаниях нашлось место и убийствам периода 1987–1989 гг., что позволило заполнить и частично объяснить перерыв в серии убийств, произошедший сразу после 1984 года, нашлось и место для более ранних убийств, таким образом, деятельность маньяка растянулась более чем на 10 лет. Благодаря новым признаниям, удалось скорректировать и гендерную статистику жертв.⁵¹ Но и здесь получилось не всё так просто, обращает на себя внимание тот факт, что для этого следователям пришлось переосмыслить подходы к расследованию этой серии убийств и выдвинуть предположение, что убийства могли совершаться и в других регионах страны, а не только в Ростовской области.⁵² В результате с 7 по 11 декабря 1990 года Чикатило сделал чистосердечные признания в 8 убийствах, совершенных по всему Советскому Союзу, тогда как до этих сенсационных признаний в «Лесополосе» был один-единственный случай, когда убийство Н. Похлистовой, совершенное в Подмоскovie, с высокой долей вероятности можно было отнести на счет ростовского маньяка.

Такое непоследовательное и порой даже странное формирование списка преступных деяний Чикатило, в ходе которого не раз кардинально менялись и пересматривались подходы следствия к определению основных мест совершения убийств, предпочитаемых маньяком жертв, динамике совершения убийств по годам, вызывает некоторое недоумение.⁵³ Невольно прихо-

⁵⁰ В.Э.: ...что следователям было очень легко объяснить арестом Чикатило в сентябре 1984 года и его испугом после этого.

⁵¹ В.Э.: Да только всё это следователям было не нужно. Зачем им «заполнять» какие-то «пробелы» и «корректировать» какую-то «гендерную статистику» (слово-то какое! – истинно русское...)? Совершил человек более 30 убийств – ну и засудят его за это. Хоть бы и только одно убийство – всё равно засудят.

⁵² В.Э.: Такое предположение следователи действительно должны были выдвигать (если они умные), и наверняка спрашивали Чикатило об этом, но, во-первых, Чикатило мог бы ответить «нет» (и всё застопорилось бы в этом направлении) и, во-вторых (и главное!), Чикатило уж никак не мог бы из головы сочинить такие эпизоды убийств, которые не только не числились по «Лесополосе», но и не числились вообще нигде как нераскрытые убийства, но при проверке потом оказывалось, что в названных Чикатило обстоятельствах (за тысячи километров от его теперешнего места пребывания) действительно исчезали люди, находились останки и т.д.

⁵³ В.Э.: У кого вызывает недоумение? У меня не вызывает: всё происходило так, единственно как это и могло произойти.

дится задаваться вопросом: – существовали ли у следствия четкие критерии и методика, которые позволяли бы во всем массиве информации, сконцентрированной в деле «Лесополоса», обоснованно и аргументировано выделить признаки одной определенной серии убийств, а возможно, и нескольких серий? Или в данном расследовании, «благодаря» людям, стремящимся как можно скорее закрыть это давнее и, казалось, почти уже неразрешимое дело,⁵⁴ мы имеем дело с искусственным нагромождением разных преступлений в одном гигантском уголовном деле?

* * *

Весь декабрь Чикатило допрашивал только Костоев. Чикатило говорил об убийствах так, словно рассказывал, как сходил в магазин за хлебом. Костоев заметил, что Чикатило часто использовал в своей речи пассивные и безличные формы. Он как бы говорил не о том, что он сделал, а о том, что с ним случилось – тогда его горло пересыхало, его начинало трясти, словно какие-то силы овладевали им. А затем он, человек, который бледнел при виде капли собственной крови, превращался в маньяка, для которого кровь была самым возбуждающим зрелищем. Это могло накатить на него в любую минуту.

Протокол допроса Чикатило:

Костоев: – Вы дали показания по всем эпизодам?

Чикатило: – По всем, по всем.

Костоев: – Может быть, что-то укрыли?

Чикатило: – Я не то, что укрыл, я даже... я могу гарантировать следствию, что даже ошибки не допустил. Я назвал всё, ну как сказать, как почтил память, как на исповеди...

Костоев: – Из ваших показаний и других материалов, собранных следствием, видно, что вы совершили 34 убийства лиц женского пола и 21 убийство мальчиков. Скажите, все ли эти преступления вами совершены на сексуальной почве?

Чикатило: – Я не знаю так... Ну, в общем, я не обращал внимания, где женского пола, где мужского... Мне всё равно было. Да, в основном, да, получается, да, сексуальные. Осложненные травлей этой самой. Избиением. Меня избивали... Ну и вообще травили руководящие отдельные работники. Такие условия, истощение нервное. Я как затравленный волк, и с работы меня вытравливали. Сколько раз... Ну, и сексуальная была какая-то неполноценность.

Костоев: – Если вы говорите, что вас кто-то преследовал, что это был ваш внутренний протест, что вы не могли видеть одиноко стоящего человека и пройти мимо, как получается, что в 1979-м, 1980-м и до сентября 1981-го вы никаких преступлений не совершали? Значит, вы могли себя сдерживать. Остановиться?

Чикатило: – Ну, так-то объяснить... Это надо вспомнить. Какая обстановка с работой, с жильем. Мы вместе с женой работали, да. И на работе был с женой, и дома. Никуда не ездил, не выходил из дома...

Костоев: – И в течение этих трех лет не встретили одиноко стоящую девочку или мальчика?

Чикатило: – Никуда не ездил, да...

Костоев: – Вам было известно, что за ваше первое убийство привлечены и арестованы другие лица. Так это?

Чикатило: – Ну, как сказать... Да.

Костоев: – Я вам объявляю, что следствие длилось в течение двух с половиной лет, возвращалось на доследование и т.д. Не потому ли вы не совершали преступлений?

Чикатило: – Да нет, я этому как-то не придавал значения... Для меня это общий кризис был, какой-то сексуальный, в связи с психическим.

Костоев: – Какие такие социально-семейные обстоятельства были у вас в 1982 году, когда вы совершили 7 убийств? Вы переехали в новую квартиру...

Чикатило: – Так командировки у меня эти навалились...

Костоев: – Ну и что?

Чикатило: – Бешеные эти командировки, ненормальные всякие...

Костоев: – Убийство Бакулиной – куда вы ездили? На переправу купаться. Какая командировка? Волобуевой и Пожидаева – вы ездили в Краснодар в санаторий. Стальмаченок – вы поехали к родственникам. Вы же понимаете, эти вещи не укладываются в ваши объяснения.

Чикатило: – Значит, ездил, ага.

Костоев: – Более того, если в первоначальных эпизодах – меньшее количество ножевых ранений, то со временем оно увеличивается. Связано это с вашими сексуальными вопросами?

Чикатило: – Наверное, связано, раз так получается. Значит, тянуло. Это уж понятно. Уже по результатам получается, что я уже больше зверел. Одичал и озверел. Получилось, что с работы меня

⁵⁴ В.Э.: Для закрытия дела «Лесополосы» не нужны были убийства в Узбекистане, на Урале, в Запорожье на Украине и в Ленинградской и Владимирской областях России. Они только осложняли дело.

вытравили, как фашиста, свидетели есть, травили в коллективе, сфабриковали дело, что я линолеум похитил. И мне некуда деться, я оказался на вокзалах, в электричках, и мне некуда было деваться. И жалобы писал и в ЦК, и в обком...

Костоев: – Как вас понять, убийства вы совершали как протест, что ли?

Чикатило: – Я не хочу сказать, при чем же тут невинные жертвы? Просто я в таком состоянии затравленном был, нервно-психическом...

Костоев: – В 1986-м вы не совершили ни одного убийства.

Чикатило: – У меня был подъем в работе. В честь 50-летия приветственный адрес мне вручили. Нормальная психика была.

Костоев: – В 1987 году вы совершили три убийства. Все за пределами области. Вы не можете сказать, что вас не «тянуло»?

Чикатило: – Ну, это уже было... Я не знаю...

Костоев: – Не потому ли вы не совершали убийства в эти годы в Ростове, что, разыскивая вас, следственные органы осуществляли сплошное физическое прикрытие в электричках, на автовокзалах и т.д.?

Чикатило: – Знал, да, что ищут, знал...

Костоев: – Вы меняли места?

Чикатило: – Я не выбирал, нет... Были случаи, по пять километров ходил в горном лесу, вместе шли и шли, а потом задержался, затрясло.

Костоев: – Вы же вели с собой жертвы, чтобы совершить убийства?

Чикатило: – Ну, получалось, конечно, так, убивал. Я думал, уже так выработалось, с целью физической сексуальной разрядки... С этой целью уводил, а то, что убивать, я не формулировал, нет. Как вижу одинокого человека, так уже должен увести его в лес.

Костоев: – Что являлось для вас критерием выбора жертв? Возраст? Внешний вид?

Чикатило: – Я никакого значения не придавал...

Костоев: – Если вы не выбирали, то чем объяснить, что когда у вас так «задрожало», так «затрясло», вы ни разу не напали на мужчину какого-нибудь, на женщину 50 лет? Более того, почти все женщины, которых вы «уводили», были либо опустившиеся, бродяги, либо с психическими отклонениями. Значит, был выбор?

Чикатило: – Значит, да, получается... Которые шли со мной...

Костоев: – Вы искали их?

Чикатило: – Нет, я жертв не искал, без дела ходил, как затравленный волк...

Костоев: – Ваши сослуживцы рассказывали, как, садясь в электричку, вы рыскали по вагонам, не сидели на месте...

Чикатило: – Я не возражаю, да. Я ходил по вокзалам. Меня носило, да.

Костоев: – Вы искали жертв?

Чикатило: – Да, получается, да...

Прямая речь. Адвокат Марат Хабибуллин:

...Назвать слова Чикатило признанием очень трудно. Бросается в глаза какая-то отрешенность, безразличие, согласие на всё. Признания сами по себе, если прочитать внимательно, довольно зыбкие, размытые, окрашены безразличием, какой-то отрешенностью и желанием побыстрее избавиться от этих незатейливых вопросов. Очень хорошо это видно на видеозаписи следственных экспериментов, проверки показаний на месте. Чикатило всё время твердит: да, да, кивая головой, при этом вопросы с готовым содержанием ответов формулирует следователь. Чикатило подтверждает, поддакивает, кивает, в лучшем случае повторяет формулировки следователя, в очень редких случаях говорит что-нибудь самостоятельное. При таких неуверенных и расплывчатых, слабеньких признаниях во многом блекнут и уходят на задний план все производные доказательства, последующие результаты следственных экспериментов, опознания потерпевших по фотографиям и многое другое.⁵⁵

Но даже, несмотря на желание активно сотрудничать со следствием, несмотря на то, что Чикатило уже взял на себя вину за более чем полсотни жестоких убийств, некоторые вещи он никак не желал (или не мог?) объяснить Костоеву. Так, например, оставалось загадкой, куда

⁵⁵ В.Э.: Ну, адвокату же надо что-то говорить в защиту клиента; раз ничего лучше не придумал, значит, это и сказал. Признания Чикатило очевидны. Человек, который убийства НЕ СОВЕРШАЛ, говорил бы совсем иначе – пусть он хоть сто раз безвольный и ведомый. А то, что Чикатило не хотелось об этом всё говорить, – так это понятно: кому хочется рассказывать о ТАКИХ своих делах!

девались ампутированные органы, которые на местах преступлений никогда не находили,⁵⁶ было непонятно, каким образом он уговаривал таких разных людей следовать за ним в уединенные, безлюдные места, где им могла грозить опасность.⁵⁷

Признав факты многочисленных убийств, Чикатило молчал о самом механизме совершения преступлений и многих мелких, но важных для доказательства его вины, деталях своего ритуала убийств. Но в отличие от первых дней пребывания под стражей перед ним уже не стояла дилемма признаться или не признаться. Он давно уже признался во многих преступлениях, каждое из которых каралось смертной казнью, так что же останавливало его от дальнейшего уточнения своих признаний⁵⁸?

Прямая речь. Ассистент кафедры психиатрии и наркологии Ростовского медицинского института Александр Бухановский:

Сотрудничество Чикатило со следствием не было беспредельным. Возникала необходимость в обсуждении принципиально новых, необычных явлений, и он опять замыкался. Например, когда следствие дошло до выяснения судьбы пропавших вырезанных органов. Сразу хочу высказать убеждение – Чикатило не уклонялся от сотрудничества со следствием, во всяком случае, по тем проблемам, в решении которых участвовал я. Здесь препоны психологического свойства, лежащие внутри него самого. Таким образом, в последующем еще не раз я привлекался к работе с Андреем Романовичем – когда на день, когда на пол дня, каждый раз, когда следователь сталкивался с непреодолимыми для него психологическими трудностями, блокировавшими дальнейший ход следствия. Так, 30 ноября официально было оформлено постановление о привлечении меня в качестве специалиста, и в тот день мы работали вначале, но недолго, вдвоем, потом опять наедине. Работа продолжалась 13 декабря, когда я был вызван официально через ректорат. В этот день решались вопросы развития криминального сексуального поведения, его возникновения, что было очень важно для следствия. Еще одной из задач на этот день было выяснение смысла повреждений и судьба удаляемых органов. Использование специальных знаний и методов и на этот раз помогло ему преодолеть себя и впервые в своей жизни рассказать о том, чего не мог поведать не только следователю, но избегал вспоминать сам. Путь был проторен, Чикатило – психологически подготовлен, и в последующем начал откровенную работу со следователем и по этой тематике. День 18 января был посвящен, по заданию следователя, анализу и выявлению легенды, которая обеспечивала ему беспрепятственную проводку жертв от места контакта с ним до места происшествия.

Необходимо отметить, что в процессе этой работы мною, как специалистом, давались советы Костоеву по психологическим особенностям ведения следствия, подхода к обвиняемому. И это тоже задачи специалиста в уголовном деле. Так, например, была показана возможность использования письменной продукции. Например, задания по типу «сочинение на заданную тему». Каждый раз привлечение специалиста происходило по инициативе следователя и каждый раз решались сложные вопросы, непосильные в той ситуации следователю. Причем решались так, что на следующий день тот же следователь получал возможность продуктивной работы с обвиняемым.

Как следует из слов Бухановского, и что даже более ярко подтверждает стенограмма допроса, проведенного Костоевым, Чикатило практически никогда не мог без подсказки и внушения со стороны следователей дать сколь-нибудь полных и развернутых ответов на интересующие следствие вопросы.⁵⁹ В основной своей массе реплики Чикатило – это всего лишь

⁵⁶ В.Э.: Суд, вслед за экспертом-психиатром Ботневой считал наиболее вероятным, что Чикатило эти органы поедал. Однако это предположение не играло никакой роли в самом вынесении Приговора. Ясно, что Чикатило проделывал с этими органами какие-то манипуляции, и ясно, что признание в них как-то ухудшало его позицию защиты. Но какие именно манипуляции и как именно ухудшало – это, к сожалению, осталось нераскрытым. Возможно, что и не поедал, а делал что-то другое. Вообще для всех преступлений Чикатило характерна априорная ненависть к жертвам (возникающая из зависти) – удары ножом в лицо, удаление носа, половых органов и т.п. Скорее всего, манипуляции с органами продолжали эту линию ненависти; возможно, он вскармливал их собакам или делал что-то подобное.

⁵⁷ В.Э.: То есть, было непонятно следователям на тот момент. Но вообще, теперь, на многочисленных примерах абсолютно ясно, КАК Чикатило уводил свои жертвы, – в том числе и на примерах неудавшихся попыток.

⁵⁸ В.Э.: Он признался в преступлениях и занял определенную позицию защиты: он – невменяемая жертва психических расстройств и безумных страстей. И всё, что противоречило этой позиции защиты, надо было скрывать.

⁵⁹ В.Э.: Не следует такое утверждение ни из протокола допроса, ни из слов Бухановского. И из сказанного Бухановским, и из протокола ясно, что Чикатило не хочется рассказывать о своих делах (что

подтверждение того, что до этого говорит ему следователь или психиатр, и невнятные попытки развить мысль этих специалистов.⁶⁰

Такие особенности ведения допросов Чикатило, как мы видим, характерны для всего периода следствия, начиная с самого дня ареста. В этой связи можно вспомнить, что в начале Андрей Романович и вовсе не понимал, в чем его просят признаться следователи, в результате не о каком самостоятельном признании речи и не было – это признание было буквально вытянуто из Чикатило на 10 день после ареста при весьма сомнительном участии консультанта-психиатра. Можно вспомнить и тот факт, что Чикатило, легенда о великолепной памяти которого так усиленно поддерживается следователями группы Костоева, на протяжении двух недель после своего первоначального признания никак не мог уточнить список своих жертв, и даже когда всё же дал эти показания, многие важные детали в описании 18 убийств, не значившихся дотоле в предварительном списке Костоева (список 36 жертв), оказались настолько вопиюще не соответствующими действительности, что уточнить их удалось гораздо позднее, и даже сделано это было, как обычно, с подсказки следователей после того, как они лично смогли детально ознакомиться с материалами уголовных и розыскных дел из других регионов.⁶¹

И в довершении ко всему этому, Чикатило не может абсолютно ничего сказать о самом механизме выслеживания жертв и подробностях совершения убийств, т.е., подводя итог первым дням допросов Чикатило, мы можем сделать вполне очевидный вывод – не на один из самых важных и принципиальных для следствия вопросов Чикатило не способен был дать полный самостоятельный ответ, без подсказки со стороны.

Но, как и прежде в таких случаях, следствие использует уже апробированное ранее ноу-хау – очередное приглашение поучаствовать в следствии в статусе независимого эксперта получает доктор Бухановский. Опять, как 29 ноября, идет долгая беседа с подозреваемым, в ходе которой А. Бухановский делает необходимые разъяснения арестованному, и на следующий день тот, вооружившись необходимыми знаниями, уже в состоянии обсудить дотоле неразрешимый для него вопрос со следователями.

Как нерадивый студент, не выучивший билеты к экзамену, Чикатило ничего не может сказать сам, и способен дать ответ только с помощью наводящих вопросов профессора Бухановского! Сам же Бухановский во всей этой истории каждый раз появляется как некий посредник, не связанный необходимостью вести протокол, допрашивать обвиняемого, он всего лишь консультант, который ведет некоторые записи бесед с Чикатило чисто из научного интереса исключительно для себя и вскоре после этих визитов как по мановению волшебной палочки следствие выходит из тупиковой ситуации.

Согласитесь, весьма любопытная и странная закономерность в организации работы с подозреваемым.⁶²

В период с 20 ноября многие обрушивались на Костоева с критикой за непонятные методы следствия. За отчужденность от всех служб, в том числе даже от генералов МВД СССР. Предсказывали провал дела. Но к середине декабря Чикатило дал достаточное количество вполне надежных доказательств, и стало понятно, что уголовное дело «с большой бородой», на раскрытие которого до недавнего времени не было практически никаких шансов, в один момент превратилось чуть ли не в самый большой успех не только ростовской, но и даже всей советской правоохранительной системы; тогда-то и были проинформированы органы власти.

вовне понятно и естественно), и речь идет только о том, как этот барьер преодолеть, а не о том, чтобы подследственному что-то «внушить» или «подсказать».

⁶⁰ В.Э.: Вообще в процитированном Сваном протоколе допроса очень хорошо чувствуется чикатиловская манера говорить. Есть много телевизионных фильмов с данными им интервью перед камерой, и там он говорит точно так же – причем не только о своих преступлениях, но и о детстве и других нейтральных вещах.

⁶¹ В.Э.: Когда Сван говорит такие вещи, то он оспаривает всю ту систему представлений о деле, которая установлена судом, а за ним и средствами массовой информации. Но недостаточно просто оспорить такую систему; нужно противопоставить ей ДРУГУЮ систему, так же хорошо и непротиворечиво объясняющую ВСЮ совокупность фактов. А такой альтернативной системы у Свана НЕТ. Если не верна «ортодоксальная» система представлений, то как же было на самом деле? Чикатило вообще не убивал никого? Следователи всё выдумали, подсказали и внушили? Или как? Пока Сван не выдвинет цельную и непротиворечивую альтернативную систему, объясняющую всю совокупность фактов не хуже (возможно, лучше) «ортодоксальной» системы – пока Сван такую систему не выдвинул, его слова в общем-то невозможно сколь-нибудь серьезно воспринимать.

⁶² В.Э.: Не согласимся. Всё совершенно элементарно и очевидно с психологической точки зрения.

Секретно

Председателю Областного совета народных депутатов Леониду Иванченко

13 декабря 1990 года

На территории Ростовской области в период 1982–1990 гг. совершено более 30 убийств детей и женщин с особой жестокостью по сексуальным мотивам. 20 ноября 1990 года в процессе осуществления оперативно-поисковых мероприятий, задержан гражданин Чикатило Андрей Романович, 1936 года рождения, уроженец Сумской области Украинской ССР, украинец, образование высшее, в 1970 году окончил филологический факультет ростовского государственного университета, член КПСС с 1960 года, в 1984 году исключен из рядов КПСС в связи с привлечением к уголовной ответственности за хищение, женат, имеет 2-х взрослых детей, проживал с семьей в г. Шахты, Новошахтинске, а на момент задержания – в г. Новочеркасске.

По окончании университета работал: председателем комитета физкультуры и спорта Родионово-Несветайского райисполкома в 1970 году, учителем русского языка в школе-интернате г. Новошахтинска до 1974 года, мастером производственного обучения СГПТУ № 39 г. Новошахтинска до 1978 года, воспитателем СГПТУ № 33 г. Шахты до 1981 года, начальником отдела материально-технического снабжения в производственном объединении «Ростовнеруд» (1981–1984), начальником отдела МТС в объединении «Спецэнергоавтоматика» (1984), начальником бюро металлов Новочеркасского электровозостроительного завода (1985–1990), а с февраля 1990 года инженером отдела внешней кооперации Ростовского электровозоремонтного завода.

Чикатило арестован. Ему предъявлено обвинение в совершении убийств, в том числе и за пределами области. Расследование по делу продолжается.

Начальник управления внутренних дел, полковник милиции М.Г. Фетисов

Попав в облизполком, информация под грифом «секретно», разумеется, стала тем самым сообщением, о котором обычно говорят по секрету – всему свету. В стране обстановка изменилась, бессмысленными и абсурдными оказались попытки секретить то, о чем говорят на каждом углу. Чуть позже устную молву о поимке сексуального маньяка смогли подтвердить и журналисты, получившие сведения из первых рук о задержании и признании Андрея Ч. на пресс-конференции.

Поимка опасного преступника закономерно стала предметом внимания печати. Газета «Правда» за 31 декабря 1990 года опубликовала интервью «Двойник» с руководителями УВД и прокуратуры Ростовской области и следственной группы Прокуратуры РСФСР. Сообщая о задержании убийцы, длительное его неразоблачение они объяснили читателям уникальностью дела и феноменальными качествами преступника, «парадоксальным выделительством», вследствие которого групповая принадлежность выделений не совпадала с группой крови, как у всех людей, что якобы и ввело следствие в заблуждение. Затем откликнулись «Комсомольская правда», «Резонанс», «Московская правда», «Щит и меч», «Рабочая трибуна» и даже «Советский спорт».

Как пришел конец «Джеку потрошителю» (одна из первых статей о Чикатило в СМИ) {CHKA4}.

Завершив первоначальные допросы по всем эпизодам убийств, Костоев передал Чикатило следователю А. Яндиеву для дальнейшей работы по делу «Лесополоса»...

Прямая речь. Следователь Ростовской прокуратуры Амурхан Яндиев:

У меня не было негативного чувства к Чикатило. Ведь если бы такое чувство было, то дело застопорилось уже на первоначальном этапе. Я просто постарался его понять, и не с точки зрения того, какой он зверь, убийца... А понять, почему он именно такой. Я тогда сказал ему: «Романыч, ты больной человек». После этого у нас с ним наладился контакт и работа пошла. Чикатило, не таясь, стал рассказывать о своих преступлениях.

Физически он выглядел здоровым, но психика у него явно была нарушена. Это видно было и по тому, как он часто вспоминал своего брата. Иногда Чикатило начинал смеяться над тем, что было совсем несмешным. И мне, поддерживая его, тоже приходилось смеяться. Делал это затем, чтобы, не дай бог, ему не вкралась мысль, что я не «его партнер».

Всю зиму, пока продолжались допросы, следователи подбирали документы в канцеляриях, гостиницах и кассах, вызывали свидетелей на очные ставки и опознания, эксперты сличали группы спермы и крови, проводили экспертизу возможных орудий убийств и др. Чтобы исключить неточности, недоговоренности и подтасовки следователям необходимо было заново пере-

жить вместе с обвиняемым все инкриминируемые ему эпизоды убийств, посетить каждое из мест, где оборвалась невинная жизнь.

За этот период Чикатило успел побывать и в училище КГБ, куда его привезли, чтобы воспроизвести и записать на видеопленку следственный эксперимент, в ходе которого он демонстрировал свои методы захвата и убийства жертвы. Чикатило выглядел утомленным, почти расслабленным. Если раньше он говорил, что удары его ножа были дикими, вышедшими из-под его контроля, то теперь вяло тыкал манекен деревянным ножом. Следователи знали: и описания, и демонстрации Чикатило были обманчивыми. Многие раны он наносил очень медленно – это граничило с пыткой, тогда как другие наносились в ярости – в тот момент когда он лежал на теле жертвы и, как он говорил, пытался имитировать «жалкое подобие полового акта».

Поздней зимой 1991 года начались следственные действия по воспроизведению показаний Чикатило. Официально они называются «следственный эксперимент на месте преступления», а для краткости просто «выводка». Нужно было не просто получить у Чикатило показания, подтверждающие его преступления. Суду необходимо было представить видеоматериал, из которого следовало бы, что обвиняемый действует по своей воле, никто его не принуждает, показания даются без колебаний и сомнений, уверенно.

Икона видеосъемки следственного эксперимента

Для сопровождения Чикатило оперативники придумали такой вариант. Наручники распилили на две части, раздобыли тонкий трехметровый тросик и припаяли концы к каждой части. Провели испытания на прочность. Отработали варианты блокировки ведомого, если он вдруг попытается покончить с собой: например броситься под машину или электричку. Конвой был вооружен.

...Утром в конце февраля 1991 года две машины прибыли на пляж в Новочеркасске, где не так давно был убит Ваня Фомин. Чикатило воспроизвел события того трагического дня. Но тут случилось непредвиденное: кто-то заметил действия милиции, с расположенного неподалеку мелькомбината начали подходить люди, среди них было много женщин. Чикатило первым почувствовал неладное, начал рваться на поводке. Женщины, подошедшие на довольно близкое расстояние, были настроены на решительные действия. Конвойные поняли это по тому, что люди подходят молча, не кричат, не обзывают арестованного всяческими словами. А это обозначало прямую угрозу, решимость начать расправу. К машине путь был пока свободен, кто-то тихо скомандовал: «Бегом!» Впереди всех бежал, натянув поводок, Чикатило. Последними хлопнули дверцами конвойные, и автомобили тронулись. Только через несколько минут всем удалось прийти в себя, осознать то, что с ними только что могло произойти. И главное, они были бы бессильны что-либо предпринять: не будешь же в женщин стрелять...

Конвойные только теперь начали понимать, что именно предчувствовал, чего опасался Чикатило, заинтересованно, настойчиво выясняя, куда и когда предстоят очередные выводки. Он

прекрасно ориентировался, где есть открытая местность, где не исключались скопления людей или возможность случайных встреч, даже просто с прохожими. И если к его доводам не прислушивались, уходил в себя, становился неразговорчивым, задумчивым, им овладевала какая-то тихая паника. Когда приезжали туда, где, по его расчетам, встреча с населением не исключалась, да и вообще на любой открытой местности, он суетился, торопился, рвался на поводке вперед, стараясь быстрее скрыться в чащобе.

Едва ли не больше других общался в те дни с Чикатило Анатолий Иванович Евсеев, начальник конвоя на выводках, о котором сам Чикатило на суде говорил: «Анатолий Иванович мне как родной человек».

Анатолий Евсеев

Показания А. Евсеева, данные суду во время процесса над А. Чикатило (1992 г.):

В следственном изоляторе, давая показания, Чикатило к каждому эпизоду сам рисовал схему: подробную, с выкладками, откуда шли, куда направлялись, где свернули... Схемы эти были порой чрезвычайно сложными, отражали мельчайшие детали, что само по себе было удивительным: рассказывалось ведь о преступлениях, совершенных много лет назад. Пятнадцатилетнего Сергея Маркова он убил в конце декабря 1983 года. На теле учащегося профтехучилища из города Гуково было зафиксировано свыше семидесяти ранений. Совместный путь их был долгим. Чикатило вышел с мальчиком на станции Персиановка. Прошли по территории сельскохозяйственного института, потом по аллее к автотрассе Новочеркасск-Шахты, свернули на грунтовую дорогу. Чикатило, поддерживая беседу, искал удобное место и всё не мог найти. Снова свернули. Миновали косогор. Новый поворот – направились к скоплению деревьев... Дорога заняла больше часа, так вспоминает Чикатило, всё посчитав...

Когда проходила проверка с выездом на место, Чикатило, не имея в руках нарисованной им схемы, точно прошел указанным маршрутом. Несмотря на изменения, происшедшие на местности за все эти годы, он вывел группу к месту убийства, указал его. Ошибся всего на 10 метров. Расчет времени тоже совпадал с показаниями.

Он практически ни разу сильно не ошибся в описании маршрута движения с жертвой, которое готовил по памяти в камере следственного изолятора, а затем и подтверждая его на месте. Он всегда называл изменения, происшедшие на местности за долгое время: какое-то строение, забор, огород, новые кустарники или деревья, дороги, траншеи – ничто не ускользало от его взгляда.

На выводках никогда не молчал. Увидев реку, начинал говорить о том, какая должно быть здесь хорошая рыбалка, мечтал о том, как бы сейчас было хорошо оставить все дела, сесть на бережку да забросить удочку...

Именно в этот момент кто-то из ребят сказал:

– Андрей Романыч, да у тебя была возможность посидеть, а ты другим занялся...

Он наклонил голову и долго, как всегда в таких случаях, не произносил ни слова. Потихоньку забывшись, снова вступал в разговор, переводил его на темы, в которых разбирался. Любил говорить о шахматистах. Знал всех чемпионов мира, рассказывал всевозможные истории. Любил анекдоты, сам многие вспоминал. Говорил на хорошем языке, часто шутил.

На одной из выводов, когда Андрей Романович особенно разошелся, опять кто-то напомнил о подростке, которого он убил.

И снова Романыч надолго опустил голову и замолчал, стал отрешенным, создавалось впечатление, что не слышит разговоров. И конвой, и следователи уже знали: «отключился». «Включаясь», он некоторое время будет беспредельно косноязычным. Долго «входит в русло».

Вопросы к Евсееву участников судебного заседания:

– *Так он уверенно находил места преступлений?*

– Настолько уверенно шел прямо к месту, что иногда мы опасались: а не ошибается ли. Был пример: в Ташкентской области на кукурузном поле он убил девочку. Во время вывода там росла люцерна. Перед приездом на поле был произведен полив. Подошли. Остановились. Пришлось разуться, подвернуть брюки. На первых же шагах работник милиции упал. А Чикатило шел будто посуху, уверенно привел, указал: «Вот здесь». В другом месте не могли найти обувь потерпевшего. Обычно он всё разрезал, кромсал, разбрасывал. А тут сначала уверенно указал место убийства, потом пошел в другом направлении. Метров семьдесят отошли, остановился: «Вон там смотрите». Посмотрели. Действительно, аккуратно стояли сандалики...

– *Вы с ним общались. Какой вывод могли бы сделать, в бытовом обыденном понимании он нормальный человек?*

– Лично мое мнение – мы все без исключения ненормальные. Кто установил вообще норму? Уверен: у него – сексуальная болезнь. И в другом тоже уверен: у нас очень и очень много больных на сексуальной почве. Но не все же совершают преступления...

– *Судя по тому, что вы рассказали, Чикатило как бы на двух языках изъясняется?*

– Да, на отвлеченные темы говорит на чистейшем языке культурного человека. Он постоянно читал газеты. Просил не отбирать у него очки. В Москве обычно останавливались в Бутырской тюрьме. Он мечтал: «Мне бы попасть в «Матросскую тишину» и встретиться там с Лукьяновым. У меня накопилось к нему много вопросов, хотел бы их задать в неформальной обстановке...»

Но стоило заговорить о его преступлениях, вдруг сразу перед нами предстал тот, кого мы каждый день видим и слушаем в суде: односложные предложения, нечленораздельное мычание, нелогичные обрывки фраз: «Всё правильно», «Как записано, так и было», «Я говорил – на дачу, мол» и т.д.⁶³

– *А проявлялось ли его отношение к содеянному? Например, раскаяние?*

– Такого чувства не приходилось замечать ни разу. Он на выводе вел себя так, будто вместе с коллективом проводит обычную работу. Обычный рабочий момент, вот и всё.

– *В суде речь шла об особой чувствительности обвиняемого. Как здесь говорили: подробностей обсуждения деталей не выдержит. Чуть не падал в обморок даже от матерного слова своего начальника на работе.*

– Мы тоже не святые, но при общении с нами он не падал. На месте преступления был деловит. С «куклой» работал без комплексов, показывая, что и как делал, как удары наносил. Его не тошнило, он даже не был удручен или смущен. Не высказывал жалости к жертвам, мне кажется, он ее не испытывал. Когда возвращались, продолжал разговаривать на отвлеченные темы: «Смотрите, какая красивая дача! Вот бы в такой пожить... Действительно, здесь хозяева настоящие... Смотрите, как ухожен огород...». Такое иногда удивляло: отстраненность, будто это не его жертвы...

– *Вы работали с оперативной информацией во время операции. Всё ли для вас прояснилось?*

– Раньше действительно было многое неясно. Потом поняли, для чего совершались преступления. Каково мое личное мнение? Человек больной на сексуальной почве, хотя вполне вменяем.⁶⁴ Сознал, что совершает, ведя свою жертву, что будет потом. Но настолько сильно это влечение, что остановиться не мог. Это сильнее его: пересохло во рту, затрясло, как он сам говорит... Как-то он говорил, что чувствует себя партизаном, берущим «языка». Но кем бы себя ни чувствовал, задание при этом у него одно – убить. Задание – оправдывающее его перед внутренним сопротивлением. Задание – сильнее, он – подчиненный...

– *При выводах возвращались тем же путем?*

– В том всё и неудобство: машины оставляли в одном месте, выходили в другом. Чикатило объяснял просто: он входил с жертвой в лес в одном состоянии, подавленный, забитый, чувствуя какое-то угнетение. А возвращался совершенно другим: одухотворенный победитель, торжествующий и даже властный. Он объяснял: я, дескать, выходил другим человеком. И не мог возвращаться путем, каким шел прежний Чикатило. Разные у них дороги...

⁶³ Еще раз обратите внимание на эту деталь работы с Чикатило. Как и в первые дни после ареста, так и в дальнейшем его ответы не являются самостоятельными, а всего лишь констатируют то, что ранее сказано за него следователем. – прим. авт. – В.Э.: Всё это естественно: Чикатило не хочет говорить о своих преступлениях и замыкается; так себя вел бы каждый на его месте.

⁶⁴ В.Э.: Вот – простой охранник дает правильную оценку.

В июле 1991 года следственные эксперименты и допросы Чикатило подходили к концу. К этому времени их дополнили показания тех, кто знал его в родной украинской деревне, тех, кто помнил его по школе, людей, с которыми он служил в армии, его учеников, его коллег и сослуживцев; женщина, с которой он работал в одном кабинете в 1984 году в самый пик серии убийств, вспоминала, что от него исходил тогда ужасный запах, ни на какой другой совершенно не похожий. Дело занимало 225 томов,⁶⁵ содержащих свидетельские показания, результаты судебно-медицинских экспертиз, доказательства и т.д.

Рассмотрим более детально, какие же именно доказательства вины Чикатило смогло получить следствие за этот период?

Остановимся в первую очередь на результатах медико-биологических исследований, поскольку именно неопределенность в этом вопросе, по мнению многих специалистов, долгие годы мешала поймать преступника, и проследим, каким образом это прежде неразрешимое противоречие удалось устранить в 1991 году.

Нужно отметить, что первые биологические вещественные доказательства в серии убийств были обнаружены еще в январе 1984 года по делу мальчика С. Маркова. Экспертизу по этому делу проводила эксперт Бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава РСФСР С.В. Гуртовая, которая сделала вывод, что сперма «...в случае происхождения от одного человека – АВ(IV) группы». 10 января того же года в Ростове-на-Дону нашли труп Н. Шалопининой, при осмотре которой также обнаружили сперму во влагалище и на комбинации. Эксперт Ростовского областного судебно-медицинского бюро Нуйкина установила: «...в содержимом влагалища обнаружена сперма АВ(IV) или В(III) группы». Заключение же по сперме, обнаруженной на комбинации Шалопининой, почему-то появилось лишь в январе 1985 года, в нем констатировано: «...на комбинации потерпевшей обнаружена сперма АВ или В(III) группы крови». В дальнейшем материалы исследования были направлены в Москву С.В. Гуртовой, которая исключила альтернативные сомнения эксперта Нуйкиной, сделав следующий вывод: «...сопоставление пятен на комбинации и тампона не исключает происхождение спермы от человека с АВ группой крови, при условии принадлежности одному лицу». Вывод сверхосторожный, однако, он, как видим, ориентирован на первое заключение С.В. Гуртовой.

С.В. Гуртовая

По делу об убийстве М. Рябенко в Ростове-на-Дону С.В. Гуртовая в результате исследования определила: «...на подкладке пальто, на головном платке обнаружена сперма, которая могла произойти от мужчины с любой группой крови по системе АВО». Экспертизу по делу об убийстве Димы Пташникова проводила первоначально специалист из Ростова-на-Дону Булкина, которая в июне 1984 года установила: «...на майке сперма с примесью крови, в случае происхождения от одного человека – АВ(IV) группы крови с антигеном Н или без него». В декабре 1984 года эксперт С.В. Гуртовая поправила свою коллегу и зафиксировала результат исследования

⁶⁵ В.Э.: Ср. {CHIKA1}.

следующим образом: «...в одном из участков крови на майке потерпевшего обнаружена примесь спермы, если от одного человека, то группа АВ(IV)».

Эксперт Архипова по делу Лемешевой, убитой 19 июля 1984 года, сделала следующий вывод: «...на внутренней поверхности ластовицы трусов обнаружена сперма АВН». Заметим, снова появляется антиген Н. По делу Н. Голосовской, убитой в августе того же года в Парке Авиаторов г. Ростова-на-Дону, сперма исследовалась ростовским экспертом Козловым. Его результат: «...на кружевных розовых трусах обнаружена сперма, которая может происходить от мужчины с любой из четырех групп крови по системе АВО». Это заключение появилось лишь в феврале 1985 года. Эксперт Гуртовая и это заключение подкорректировала под свои первоначальные выводы и определила: «...на ластовице кружевных трусиков обнаружена сперма, не исключена возможность происхождения спермы от человека с группой АВ (IV), если произошла от одного человека». Заключение эксперта Архиповой по делу Алексеевой, убитой 10 августа того же года, было аналогичным заключению по делу Лемешевой: «...на платье потерпевшей обнаружена сперма, смешанная с кровью. В случае происхождения от одного человека – группа АВ(IV) с сопутствующим антигеном Н или без него».

28 августа всё в том же 1984 году в Ростове-на-Дону был убит мальчик Саша Чепель. Эксперт Туркова определила: «...на рубашке обнаружена сперма с примесью крови, если от одного человека, она должна относиться к группе АВ(IV), как с сопутствующим антигеном Н, так и без него». Эксперт Блохина по делу об убийстве Лучинской 6 сентября заключила: «...на внутренней поверхности юбки обнаружена сперма без примеси крови. При условии происхождения от одного мужчины относится к группе АВ(IV)». Эксперт Гуртовая в ноябре того же года в основном согласилась со своей коллегой и в заключении определила: «...на юбке потерпевшей обнаружена сперма с примесью влагалищных клеток. В случае происхождения от одного человека относится к АВ (IV) группе с сопутствующим антигеном Н».

Таким образом, уже к моменту первого задержания Чикатило 13 сентября 1984 года следствие располагало результатами исследований биологических выделений преступника по девяти убийствам серии «Лесополоса». Однако даже беглый анализ выводов специальных исследований по датам и исполнителям-экспертам показывает, что эта работа была плохо организована. Экспертизами занимались семь специалистов-биологов: шесть из Ростовской области и один из Москвы.

Мы намеренно привели утомительные, но подлинные формулировки результатов исследований. Из них видно, что отдельные индивидуальные мнения ростовских экспертов «причесывались» под более авторитетные решения в Москве. В то же время, специалисты низовых экспертных учреждений, находясь под «прессом» авторитета С.В. Гуртовой, явно осторожничали и избегали выводов, противоречащих ее заключениям, а, следовательно, грешили. Именно таким образом одним из главных поисковых признаков неуловимого убийцы стали считать наличие у него четвертой группы крови.

В дальнейшем следы спермы были обнаружены еще на 10 трупах и в каждом случае следы биологических выделений были идентифицированы как принадлежащие человеку с четвертой группой крови. Именно этими данными располагало следствие, когда 20 ноября 1990 года был вновь арестован А. Чикатило, имеющий 2 группу крови. Этот факт, казалось бы, должен был автоматически снимать с него обвинения в перечисленных выше убийствах, поскольку всем известен непреложный закон, что биологические выделения соответствуют группе крови человека, и не бывает людей с несколькими группами крови сразу.

Но как мы знаем от обвинений в адрес Чикатило, несмотря на такое вопиющее противоречие, в 1990 году не отказались, а попытались творчески переосмыслить данный факт. Всем было понятно, что имеет место явное несоответствие законам биологии, требующее какого-то объяснения, и такое объяснение было найдено.

В июле 1991 года была проведена комиссионная судебно-биологическая экспертиза с участием ведущих биологов страны. Согласно ее заключению в крови Чикатило содержатся антигены А, Н и агглютинин «бета», что соответствует II группе крови, а в его выделениях (пот, слюна, сперма) – А, В и Н, что соответствует IV группе.

То есть, для того, чтобы привязать Чикатило к большинству эпизодов серии, советские ученые вынуждены были официально подтвердить наличие явления якобы качественного несоответствия между антигенами крови и выделений, которое ученым Г. Морганти ранее было названо «парадоксальным выделительством».

Это заключение, как и ряд других, также подвергалось анализу экспертной комиссией Главного бюро судебно-медицинских экспертиз Минздрава РСФСР. Комиссия также пришла к выводу: *«...если все преступления, совершены одним человеком, то на основании имеющихся материалов этим человеком мог быть Чикатило А.Р.»*.

Так Чикатило стал парадоксальным выделителем.

Прямая речь. Начальник Главного управления уголовного розыска МВД РСФСР Н.П. Водько:

Надо отметить, что версия о «парадоксальном выделительстве» импонировала следствию. Это был выход, чтобы достойно объяснить причину допущенных экспертной и следственной ошибок. Следует полагать, что и ведущие биологи страны корпоративно подтвердили выводы о наличии антигенов А, В, Н в выделениях Чикатило, поскольку в случае определения выделений как относящихся ко второй группе, предыдущие заключения теряли значимость для дела. Они уже не доказывали бы вину Чикатило, а напротив, оправдывали его.

Возникает и такой вопрос: почему в 1984 году не исследовали сперму Чикатило, а только кровь? Ведь в случае правильности тезиса о «парадоксальном выделительстве» следствие могло получить доказательство этого «исключительного в мире» случая. Но ни следователи, ни эксперты не пошли на это. Видимо, потому что хорошо знали азбучные истины биологии – кровь и выделения человека всегда одной группы.

Прямая речь. Кандидат медицинских наук Т.В. Стегнова:

То, что в выделениях человека присутствуют лишь те антигены системы АВ0, которые имеются и в его крови, факт, установленный генетикой этой системы. Учеными он подтверждался в разных странах, в том числе и в СССР, на протяжении многих десятилетий. Однако некоторые исследователи иногда наблюдали случаи как бы качественного несоответствия между антигенами крови и выделений. Такое несоответствие однажды заметил итальянский ученый Морганти и обозначил это явление «парадоксальное выделительство». Судебные медики разных стран стали выяснять, что бы всё это значило, и вскоре убедились – в этом нет ничего необычного. Кровь на исследование берут из вены или пальца, она «чистая», а выделения смешиваются с бактериями, «чужими» белками, другими посторонними примесями. В общем, нет никакого «парадоксального выделительства». Потому что в природе нет людей, имеющих разные группы крови и выделений.

Прямая речь. Адвокат Марат Хабибуллин:

Возьмем, казалось бы, такое важное косвенное доказательство, как установление у Чикатило крайне редкого свойства – парадоксального выделительства. Когда кровь второй группы, а выделения – слюна и сперма – четвертой. Пока шло судебное разбирательство, я имел возможность узнать мнение по этому поводу одного очень крупного известного специалиста. Так вот, этот специалист сказал, что столь резкого качественного скачка – от второй группы к четвертой – быть не может. Такие случаи наукой не подтверждены. Группа выделений должна быть та же, что и группа крови.

То есть, эффект парадоксального выделительства в случае Чикатило – чепуха. Выводы ненаучны. Но давайте посмотрим, а на каком основании обвинение делает свой вывод. Бумага об этом, датированная 4 декабря 1990 года, никак не озаглавлена. Не на бланке, а полностью напечатана на машинке. Причем, не первый экземпляр, не содержит никаких атрибутов судебно-экспертного заключения. Я думаю, это не случайно. Так вот, из этих «записей» следует, что составляли их биологи, имеющие отношение к судебно-экспертной работе. Но называть их заключением судебно-биологической экспертизы нельзя, и доказательственной силы эти выводы иметь не могут. Тогда наиважнейший вопрос: какая же группа выделений у Чикатило? Получается, твердого ответа нет. Предположим, что группа крови соответствует группе выделений: вторая. Тогда вина его по большому количеству эпизодов совершенно исключается.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, какую же правомерность имеет приговор суда по делу Чикатило, в котором содержатся перлы наподобие этого {CHKA1}:

«Самая главная причина длительного неразоблачения Чикатило заключается в том, что он был парадоксальным выделителем, то есть, имея 2 группу крови, все выделения Чикатило – сперма, слюна, пот – относились к 4 группе. Это чрезвычайно редкое (обычно эти группы у людей совпадают) в природе явление, о котором сам Чикатило знал и изощренно использовал для запутывания следствия (!!!) – постоянно уничтожая все улики на месте убийства, по которым

можно было бы выйти на него следственным органам, свою сперму Чикатило демонстративно всегда оставлял на жертве или ее одежде»⁶⁶.

Если настолько вольно трактовали такой объективный показатель, как группа крови, базирующийся на непреложных и много раз доказанных и подтвержденных научных законах, то остается только догадываться, в какой степени другие, менее объективные доказательства, не избежали подгонки под уже заранее намеченный результат.

Можно вспомнить, что и показания о преступлениях Чикатило давал довольно путанные и противоречивые, и только «благодаря» усилиям следователей, эти показания впоследствии начинали соответствовать тем обстоятельствам, которые были зафиксированы в протоколах осмотров мест происшествия и заключениях экспертов.

Так, например, в эпизоде с убийством Л. Ткаченко первоначально на следствии Чикатило рассказал о том, что встреча произошла летом 1987–88 года и он наносил удары ножом. Но, как известно, это убийство произошло в 1981 г., и причиной смерти жертвы не были ножевые раны.⁶⁷ Более того, и способ убийства не характерен для остальных эпизодов серии.⁶⁸ На следующем допросе «противоречия устраняются», и показания Чикатило по времени начинают соответствовать фактическим обстоятельствам. Что же касается способа, то недавно заявлявший о ножевых ударах, он говорит, что не помнит. Дальнейшие показания всё в большей степени привязываются к фактам. Нельзя избавиться от впечатления, что Чикатило толком не знает, о чем говорит. Очень уж существенно расходятся первоначальные показания с фактами. Очень уж просты объяснения и устранение противоречий. Чем же подтверждается вина? Опознанием по фотографии.⁶⁹ Приказом о приеме на работу в ПО «Ростовнеруд». Сведениями, что по произ-

⁶⁶ В.Э.: Насчет «парадоксального выделения» суд просто доверял экспертам, давшим такое заключение; на тот момент это считалось «последним словом науки». На самом деле, конечно, имели место просто ошибки предыдущих экспертиз, не учитывавших загрязнение образцов {CHKA4} (особенно ошибки Гуртовой, навязавшей свое мнение и другим экспертам). Но поскольку эксперты 1990–1991 гг. были те же самые, что и в 1980-х (или близкие им люди), то они, естественно, не хотели свои ошибки признавать и желали их как-то оправдать; для такого оправдания теория «парадоксального выделения» как раз очень подходила. Насчет того, знал ли о таком «выделительстве» Чикатило, можно с уверенностью сказать, что до 1984 года он, естественно, не знал. Но после задержания 1984 года Чикатило же должен был как-то себе объяснить то чудо, по которому его, уже психологически готового во всем признаться, вдруг освободили. Нет материалов о том, что именно ему при этом было сказано насчет групп его крови и спермы на трупах (ср. также сообщение Свана о враче Русове {CHKA2}, сидевшем тогда в одной камере с Чикатило, у которого последний выпытывал всё про экспертизы крови и спермы), но, так или иначе, Чикатило должен был понять, что сперму на трупах следователи и эксперты не могут связать с его кровью. Именно это обстоятельство и следует понимать под процитированной Сваном формулировкой суда (действительно недостаточно точной – но и не игравшей никакой роли в принятии решения судом). Вообще, если образцы сохранились, то за последние два десятилетия можно было бы провести несравнимо более точные (но недоступные во времена Чикатило) экспертизы ДНК – для рассеивания сомнений. Но нигде в доступной мне литературе не упоминается не только о такой экспертизе, но даже и о мысли о ее проведении и об исследовании возможностей (есть ли где-то образцы и т.д.).

⁶⁷ В.Э.: Как раз это и доказывает, что никакого «внушения» и «подсказки» не было. Если бы они имели место, то следователи «внушили» бы и «подсказали» бы всё правильно. Зачем им путать даты и орудия убийства, которые зафиксированы в деле? Чтобы запутать собственное следствие? Чтобы оправдать Чикатило? Или как?

⁶⁸ В.Э.: Свой «почерк» Чикатило выработал не сразу. Убийство Ткаченко, по-видимому, было всего лишь вторым – первым после Закотновой (ср. {CHKA4}). И он тогда еще действительно не планировал убийство изначально, как делал это потом; в тот раз он и в самом деле хотел просто совершить половой акт с разгульной девицей, но не смог, и она над ним смеялась, и тогда он ее убил, всунув ей в половые органы палку (см. Приговор {D2}), испытал ликование за удавшуюся месть – и стал убийцей серийным, мстителем миру за свою половую слабость. Эта легенда Чикатило, которую он поддерживал и на суде, и перед кинокамерами потом, действительно имеет некоторую реальную основу, и эта реальная основа яснее всего проявляется именно в эпизоде Ткаченко.

⁶⁹ В.Э.: Три главные доказательства: 1) Чикатило указывает место убийства, неизвестное следствию, и только потом выясняется, что на этом месте действительно был найден труп, фигурирующий в уже приостановленном нераскрытом деле; 2) среди нескольких фотографий Чикатило указывает одну как убитую им на этом месте девушку, и оказывается, что это действительно та самая, труп которой нашли на указанном месте; 3) Чикатило называет факты из биографии девушки, которые он узнал, пока разговаривал с ней, и при проверке оказывается, что эти факты верны. (См. Приговор {D2}).

водственным делам неоднократно бывал в Ростове.⁷⁰ Заключением судебно-медицинской экспертизы тела погибшей (следы Чикатило не обнаружены) и характеристикой, что она могла поступать легкомысленно. Точно так же уточнялись и подгонялись другие показания. Как следствие этих уточнений Чикатило вынужден был неоднократно менять свои показания, в результате, порой, окончательный вариант описываемых событий кардинально отличался от того, что он говорил первоначально.

Но в некоторых случаях даже усилий всей следственно-оперативной группы оказывалось недостаточно, чтобы «уточнить» многочисленные чистосердечные признания Чикатило. Так его признания в убийствах в начале 80-х гг. двух женщин в городе Шахты так и не получили никакого объективного подтверждения.⁷¹ Тем не менее, следствие установило, что в окрестностях г. Шахты в начале 1983 года были найдены неопознанные женские останки, но опять же никаких сведений или заявлений о без вести пропавших женщинах за данный период не имелось. Была только информация, что из интерната в 1982 г. пропал подросток С. Кузьмин.⁷² В дальнейшем была проведена повторная экспертиза останков, в ходе которой женские останки превратились в мужские, а список жертв Чикатило пополнил С. Кузьмин.

По схожей схеме идет расследование исчезновения подростка на Урале. В милиции с мая 1987 года было заведено розыскное дело на без вести пропавшего Олега Макаренкова, которое в течение 3-х лет так и не сдвинулось с мертвой точки. В том же 1987 году, правда в июле, в лесном массиве г. Волчиха были обнаружены неизвестные женские останки, которые в течение 3 последующих лет также не были опознаны. Итак, на счету уральских коллег имелось два «глухаря», которые не имели никаких шансов когда-либо быть раскрыты, но тут, как нельзя кстати, пришла вторая волна чистосердечных признаний Чикатило,⁷³ сделанных 11 декабря 1990 года. Далее всё прошло по уже апробированной схеме – выезд на место обнаружения неизвестных останков, следственный эксперимент, осмотр места происшествия, в ходе которого находятся и другие костные останки и неизвестно каким чудом сохранившийся в течение 4 лет носок, который мать Олега Макаренкова опознает как принадлежащий ее сыну. А потом была проведена экспертиза останков, правда, не совсем понятно, каких именно – тех ли, что были найдены в 1987 или тех, которые нашли в 1991?⁷⁴ Тем не менее, выводы экспертов были однозначными – найдены останки мальчика. И еще одно убийство дополняет список преступлений Чикатило.⁷⁵ Причем в данном случае следствие ничуть не смущает, что место командировки Чикатило на Урале отделяет от места преступления более 100 км.⁷⁶

⁷⁰ В.Э.: Это просто, чтобы показать, что у Чикатило нет алиби.

⁷¹ В.Э.: {F2a} и {F2b}. Ну, и зачем же следствие «внушало» Чикатило эти эпизоды?

⁷² В.Э.: По тому, как это описано в Приговоре суда, всё происходило совсем иначе. Независимо от каких-то «двух женщин», Чикатило признался, что в сентябре 1982 года убил мальчика, сбежавшего из интерната. Указал место убийства. На этом месте 8 января 1983 года действительно были найдены кости человека, которые тогда приняли за женские. Стали проверять интернаты и установили, что в сентябре 1982 года сбежал и пропал Сергей Кузьмин. Дали Чикатило 6 фотографий, среди которых был и Кузьмин, и спросили, есть ли здесь мальчик, которого он убил в сентябре 1982 года. Чикатило показал на Кузьмина. По найденному в 1983 году черепу восстановили портрет убитого и заключили, что это Кузьмин.

⁷³ В.Э.: Ну, и зачем Чикатило эти признания делал, если он на самом деле не убивал? Следователи заставляли? Которые – ростовские, заботясь об уральских «глухарях»? Или уральские, каким-то образом оказавшиеся в Ростове? (Нет ответа у Свана).

⁷⁴ В.Э.: Судя по тому, что написано в Приговоре суда, основной скелет был найден 12 июля 1987 года (три месяца после убийства), а в 1991 году при дополнительных поисках по делу Чикатило были найдены еще 25 отдельных костей (по-видимому, растасканных животными). (Как известно, в скелете человека более 200 костей). В подростковом возрасте (15 лет) мужской скелет очень трудно отличить от женского, так как формирование типичных отличий еще не завершилось. Видимо, уральские следователи в 1987 году (как и шахтинские в 1983 году над останками Кузьмина) нашли более вероятным, что убили девочку, поэтому и посчитали останки женскими. Но при дополнительных поисках 1991 года нашли мужской носок и прядь волос (не девичьих). Тогда и заключили, что останки принадлежат мальчику.

⁷⁵ В.Э.: Зачем Свану нужно всё время искажать действительный ход событий? (Чтобы утвердить свою «теорию заговора»?) Очевидно же, что на самом деле ход событий был такой: Чикатило сказал, что 16 мая 1987 г. на Урале убил мальчика; спросили где; проверили; труп там действительно был найден, но считался женским; устроили дополнительный поиск... и т.д.

⁷⁶ В.Э.: Да, около 130 км – 2 часа хода электрички. С 1985 по 1990 год Чикатило работал начальником бюро металлов Новочеркасского электровозостроительного завода (с 1990 – электровозоремонтного), имел удостоверение МПС {CHKA1} (Министерства Путей Сообщения), которое, видимо, давало

Впрочем, «междугородние» убийства – это вообще особая глава в деле «Лесополоса». В эпизоде убийства Биловецкого следствие утверждает – «поехал по служебным делам» – но никаких данных нет. Ни командировки, ни приказа. Ни сведений, что предприятие Чикатило в то время имело связи с Запорожьем. Очень характерный эпизод: хорошо видно, как по бездоказательному эпизоду следствие добивается видимости правдоподобия. Чикатило говорит сначала очевидную чушь, что, находясь в отпуске, поехал в Днепропетровск за продуктами. Следствие понимает, что в это никто не поверит: за 600 км, когда совсем рядом Мариуполь, Донецк, Ворошиловград?!⁷⁷

При проверке показаний Чикатило по убийству Ю. Терешонка в 1991 г. Чикатило вместе с участниками следственного действия проехал не один десяток маршрутов и ж/д остановок,⁷⁸ прежде чем на ст. Лемболово с привлечением большого числа военнослужащих было найдено 2 небольших фрагмента костей, что оказалось достаточным, чтобы и это убийство включить в общий список.⁷⁹ Но и это еще не был пик профессионализма. Высшей точки следствие достигло, когда обвинило Чикатило в убийстве Олега Пожидаева, совершенном в Краснодарском крае, при том, что тело мальчика вообще никогда не было найдено.⁸⁰

Зная эти факты, не вызывает особого удивления позиция одного из гособвинителей на судебном процессе по делу Чикатило Александра Куюмджи, который до сих пор убежден, что на Андрея Романовича «навесили процентов 20 всех убийств»...

* * *

Когда закончились все следственные действия по делу Чикатило, были проверены все заявления подследственного, ему 7 августа 1991 года было предъявлено второе обвинение по 52 убийствам, в нем вновь отсутствовал эпизод убийства Е. Закотновой.⁸¹

ему право бесплатного проезда во всех электропоездах СССР. Вот, он этим правом и пользовался и катался туда-сюда в электричках, выискивая жертв.

⁷⁷ В.Э.: В Приговоре Ростовского суда содержится законченная и непротиворечивая картина произошедшего в эпизоде убийства Биловецкого. Сван эту картину оспаривает, но у него ОТСУТСТВУЕТ какая-либо законченная и непротиворечивая картина того, что же произошло – по его мнению – на самом деле. Зачем Чикатило признается в этом убийстве, если он его не совершал? Откуда он знает, что такое убийство – в другой республике – вообще произошло в указанное им время в указанном им месте? Следователи заставляют признаваться и подсказывают подробности? Зачем они это делают, если этого убийства НЕТ среди тех 36, которые они сами предъявили Чикатило? И сами они откуда знают, что произошло в другой области другой республики 4 года назад? В СССР каждый год происходит 20 000 убийств; за 5 лет – 100 тысяч. Зачем ростовские следователи из ста тысяч советских убийств последних пяти лет выбрали для Чикатило именно это убийство? Отсутствие у Свана какой-либо законченной картины событий не дает возможности даже начать серьезный анализ его версии, не говоря уже о том, чтобы закончить этот анализ в пользу Свана, а не в пользу Ростовского суда.

⁷⁸ Складывается полное ощущение, что искали наобум – прим. авт. В.Э.: Это в Ленинграде; для Чикатило это чужая область, и он не помнил название станции, на которую увез мальчика, помнил только визуально. Потому и искали, пока Чикатило не узнал станцию. Тогда от станции он отшел на место убийства, и там стали искать. Нашли несколько человеческих костей со следами зубов грызунов. Остальные кости, видимо, были съедены крысами.

⁷⁹ В.Э.: Это убийство не только не числилось по «Лесополосе», но не числилось вообще нигде. Терешонка был в розыске. Естественно, у Свана по-прежнему нет никакой картины о том, почему же Чикатило признавался в таком убийстве, если не совершал его, как он мог указать место за тысячу километров, где найдут человеческие кости, как это могли знать следователи – если это они «внушали» и «подсказывали» Чикатило; зачем они это делали, если убийство нигде не числилось.

⁸⁰ В.Э.: Труп Пожидаева, когда искали через 9 лет после убийства, действительно не нашли. Но: 1) Чикатило, когда его в этом никто не обвинял, сам назвал время и место в Краснодаре, другой области России, где он увел и убил мальчика, который ехал купаться; 2) именно в этот день именно в этом месте пропал мальчик Олег Пожидаев, который ушел купаться и не вернулся, и которого поэтому сочли утонувшим в реке Кубань; 3) когда Чикатило предъявили несколько фотографий, он уверенно указал на одну, сказав, что именно этого мальчика он тогда убил, – и это была фотография Олега Пожидаева; 4) Чикатило действительно в это время находился в Краснодаре, в отпуске и жил в санатории «Горячий ключ». В сочетании с общим обликом Чикатило, Ростовский суд счел это убийство доказанным.

⁸¹ В.Э.: Отсутствовал, но не потому, что Чикатило в нем не признался и о нем не было речи на следствии. Речь была, и Чикатило в этом убийстве давно и много раз признавался (по собственной инициативе). Но с этим делом, в отличие от всех остальных, были сложности. По остальным эпизодам чикатиловских убийств никто не был осужден, и препятствий к тому, чтобы вменить их Чикатило, не было. А в этом эпизоде – препятствия были. Там был осужден и расстрелян другой человек, и, чтобы вменить это

Приближалось время, когда надо было писать обвинительное заключение. Это означало, что И. Костоеву необходимо будет собрать воедино всё самое существенное и с безупречной, железной логикой изложить фабулу каждого из 52 убийств, предъявленных Чикатило. Эту работу нельзя было закончить, пока не будет получено заключение из Института им. Сербского.

20 августа 1991 года на второй день путча в Москве, когда жители города оправились от первоначального шока и стали собираться на баррикадах вокруг «Белого дома», Андрея Чикатило доставили в институт им. Сербского.

Чикатило освидетельствовала целая группа психиатров. Видя такое повышенное внимание к своей персоне, Чикатило всегда был рад возможности рассказать историю своей жизни. Затаив в глубине души надежду, что его могут признать невменяемым, Чикатило в своих рассказах подчеркивал ужасы детства, войны, бомбежек, смертей и самое страшное – историю своего старшего брата, которого съели во время голода в тридцатые годы. Однако, несмотря на все усилия следователей, не были найдены никакие документы о рождении Степана Чикатило, и жители села Яблочное не могли вспомнить такого мальчика. Впрочем, сестра Чикатило Татьяна подтвердила, что их мать в детстве рассказывала эту историю много раз, и каждый раз при этом плакала.

Была ли это правда или просто мать Чикатило хотела страшной историей заставить его остерегаться чужих людей во время голода, свирепствовавшего после войны, – в любом случае эта история стала частью выдуманной жизни Чикатило, как и его пребывание в партизанском отряде. Ведь он сам говорил о себе:

– Я сочинил свою жизнь и порой не мог отличить фантазию от действительности.

Он охотно говорил об этой «выдуманной жизни», но убийства обсуждал «холодно и спокойно», как было сказано в заключении. Вспоминая о них, он говорил, что раскаивается, но такое случалось нечасто. Во всем, что он писал и говорил, Чикатило представлял себя «затравленным волком», которого доводила до безумия его импотенция и который мстил за это людям. Он представлял себя личностью, чьи «надежды были столь высоки и который пал так низко».

Андрей Ткаченко

Прямая речь. Член экспертной комиссии института им. Сербского Андрей Ткаченко:

Мы проследили весь его путь от рождения до сегодняшнего момента и выявили ряд психических расстройств. Кроме того, результаты указывают на органические поражения головного мозга. Случай рассматривался на общей конференции врачей института и только после этого шесть психиатров подписали заключение о его вменяемости.

убийство Чикатило, нужно было сперва разобраться, как быть с тем – другим – судом и осужденным. Потому и медлили и не включали этот эпизод в список обвинений.

История болезни А. Чикатило

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

комиссии Научно-исследовательского института общей и судебной психиатрии им. Сербского

...комиссия приходит к заключению, Чикатило Андрей Романович хроническим психическим заболеванием не страдает, обнаруживает признаки психопатии мозаичного круга с сексуальными перверсиями, развившейся на органически неполноценной почве. На это указывают данные анамнеза о наличии у испытуемого врожденной церебрально-органической недостаточности, проявлявшейся в диспластичности, близорукости, ночном недержании мочи и склонности к обморочным состояниям.

На фоне указанных расстройств у испытуемого в детском возрасте сформировались патологические особенности в виде замкнутости, ранимости, повышенной тревожности, склонности к фантазированию. В условиях психогенно травмирующих ситуаций к указанным особенностям присоединились невротические и сверхценные расстройства, что проявлялось детскими страхами, юношеской эндо-реактивной диморфманией, убежденность в собственных физических недостатках, сутяжная деятельность, а также аффективные колебания преимущественно по типу тревожно-дистимических расстройств настроения. В подростковом возрасте на фоне явлений психического инфантилизма у испытуемого появились нарушения полового развития, которые выражались в нарушении биологической базы сексуальности, ослабленное половое влечение, недостаточность эрекции, претордации психосексуального развития с фиксацией на эротической фазе формирования сексуальности и склонности к эротическому фантазированию садистического характера. В дальнейшем у испытуемого на фоне явлений нарушения гетероексуальной адаптации произошло формирование сексуальных перверсий, которые на ранних этапах (до 1978 года) проявлялись частичной реализацией садистических фантазий на педоэфебофильных объектах, эпизодах фроттажа и вуайеризма. В последующем наблюдалась прогрессирующая динамика синдрома сексуальных перверсий при полной реализации садистического влечения некросадизмом и каннибализмом. Реализация влечения сопровождалась аффективными нарушениями брутальной дисфорической структуры и последующими астеническими проявлениями.

Данный диагноз подтверждается также и результатами настоящего клинико-психиатрического обследования, выявившего у испытуемого наряду с органической неврологической симптоматикой, эндокринной дисфункцией и сексуальными расстройствами такие личностные особенности, как замкнутость, несинтонность, ранимость, сензитивность, а также ригидность и обстоятельность мышления, эмоциональную маловыразительность, явления слабодушия. Однако указанные особенности психики при отсутствии продуктивной психопатологической симптоматики, болезненных нарушений мышления, памяти, интеллекта и сохранности критических способностей

были выражены не столь значительно и не лишали Чикатило во время совершения инкриминируемых ему деяний способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Как показал анализ материалов уголовного дела в сопоставлении с результатами настоящего клиническо-психиатрического обследования, в периоды, относящиеся к совершению инкриминируемых ему деяний, Чикатило не обнаруживал также и признаков какого-либо временного болезненного расстройства душевной деятельности. На это указывают данные о последовательности и целенаправленности его действий, наличие борьбы мотивов с тенденцией к первоначальному подавлению возникающих побуждений, длительность подготовки к каждому акту с применением мер предосторожности, соответствующим выбором жертв, дифференцированным поведением в период нахождения в поле зрения возможных свидетелей, сохранности воспоминаний о происходящих событиях, а также отсутствие психотических расстройств.

Поэтому Чикатило, как не страдавшего какими-либо психическими заболеваниями и сохранявшего способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими в отношении содеянного, следует считать вменяемым. Выявленные индивидуально-психологические особенности Чикатило не оказывали существенного влияния на планирование и реализацию непосредственно криминальных действий, о чем свидетельствует дифференцированность его поведения. Он избирательно подходил к выбору объекта, учитывал специфику обстановки, в соответствии с этим корректировал свои действия. Однако при совершении агрессивно-насильственных сексуальных действий «энергетическая заряженность» влечения в сочетании со слабостью морально-этических запретов могли найти отражение в его поведении. По своему психическому состоянию Чикатило также может отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. В применении принудительных мер медицинского характера он не нуждается.

25 октября 1991 г.

Председатель комиссии, доктор мед. наук, профессор Б.В. Шостакович.

Члены комиссии: доктор мед. наук, профессор Ф.В. Кондратьев, доктор мед. наук Ю.Л. Метелица, кандидат мед. наук А.А. Ткаченко, психолог-эксперт, кандидат психологических наук М.Б. Симоненкова. Врач-докладчик И.М. Ушакова.

Но был ли действительно вменяем Чикатило? Многие психиатры, особенно в то время, полагали, что школа, представляемая Институтом Сербского, весьма тенденциозна: многие годы институт занимался не столько наукой, сколько политикой, признавая невменяемыми инакомыслящих...⁸²

Фрагмент интервью А.О. Бухановского

– Во время судебного процесса над Чикатило я задал вам вопрос, на который вы тогда отказались отвечать. Я повторю его сейчас: Чикатило был болен?

– Вы же знаете, как на этот вопрос ответили психиатры из Института имени Сербского.

– Я спрашиваю не их, а вас.

– По моему мнению, он был болен.

– Чем?

– На этот вопрос нельзя ответить односложно. Наши исследования показывают, что у серийных убийц предрасположение к болезни состоит как бы из трех компонентов. Первый – морфологический: органическое поражение головного мозга. Другой компонент – половая конституция. Третий – социальные факторы.

– Вы сказали, что Чикатило был болен. Почему же его все-таки расстреляли?

– Наличие психической болезни еще не означает, что человек будет признан невменяемым.

– Спрошу по-другому: когда Чикатило убивал – он отдавал себе отчет в том, что делал?

– У меня есть формальная причина не отвечать на ваш вопрос: я не участвовал в психиатрической экспертизе.

– Но у вас может быть личное мнение на сей счет – мнение специалиста.

– Тогда я отвечу вам так: по новому Уголовному кодексу Чикатило мог быть признан ограниченно вменяемым. Это означает назначение принудительного лечения в условиях отбывания наказания.

Прямая речь. Врач-психиатр высшей категории, председатель Алтайской краевой судебно-психиатрической экспертизы Владимир Майорчик:

Кем был, по-вашему, знаменитый ростовский потрошитель Андрей Чикатило?

Самый настоящий маньяк. Причем, с психическими отклонениями, несмотря на то, что официальная пропаганда пыталась представить его как нормального, если можно так сказать,

⁸² В.Э.: Ну, тут пахнет такой безграмотностью в психиатрии, что не будем это разбирать...

серийного убийцу. Всем известно, что судебно-психиатрическая экспертиза над Андреем Чикатило, проведенная в институте имени Сербского, признала его вменяемым. Но очень немногие знают о том, что Андрей Чикатило дважды находился на стационарном лечении в Ростовском психдиспансере, где ему был поставлен диагноз «шизофрения»⁸³. Этот факт сознательно скрывался, чтобы лишний раз не будоражить общественное мнение.

Прямая речь. А. Чикатило:

Свидетель майор Таршин рассказал, что я лечился в психбольнице. Свидетель майор Евсеев сказал о моих сексуально психических заболеваниях. Но судья сделал всё, чтобы сорвать суд и затянуть процесс. Не запросил мои документы и не вызвал врачей из психбольницы, несмотря на требования адвоката.

На судебном процессе гособвинитель А. Куюмджи от всех судмедэкспертов упорно добивался объяснений, почему серийный маньяк признан ими вменяемым.

«Все эксперты отводили глаза. Если признать, что Чикатило – психически больной, то никакой прокурорской славы не получишь. В юридическом смысле это провал, потому что итог дела – не приговор, а направление на принудительное лечение. Это как наказать тигра за то, что пожирает людей... Приговор должен быть неординарным, он должен греметь! Поэтому из больного Чикатило делают нормального адекватного человека...»⁸⁴

* * *

Костоев сидел и ждал, пока Чикатило, переведенный в Бутырскую тюрьму перед отправкой в Ростов, прочтет обвинительное заключение, напечатанное мелким шрифтом на 19 листах. С остальными материалами дела Чикатило и его защитник уже ознакомились.

Чикатило был потрясен, когда, читая экспертное заключение, дошел до слова «вменяем» выделенного крупным шрифтом.

– Я не вынесу суда, я повешусь – сказал он.

– Решать будет суд, а не институт Сербского – сказал Костоев, который хотел, чтобы Чикатило предстал перед судом здоровым и невредимым. – Просто скажите правду в своем признании, и суд взвесит всё. Только суд имеет право вынести решение о судьбе подсудимого.

– Я хочу еще раз прочитать свое обвинительное заключение – потребовал Чикатило.

В окончательном варианте обвинительного заключения, подписанного И.М. Костоевым и утвержденного генеральным прокурором России В.Г. Степанковым, содержалась информация о 5 случаях приставания к малолетним, а также о 53 из 55 убийств, в которых Чикатило сознавался на следствии (два тела так никогда и не были найдены). Кроме того, поскольку в начале ноября Верховный суд России отменил смертный приговор по делу Александра Кравченко, Костоев смог включить в окончательный вариант документа эпизод с убийством Е. Закотновой в декабре 1978 года.

Борьба между Верховным судом и генеральным прокурором по данному эпизоду продолжалась с января по ноябрь 1991 г. и заслуживает отдельного описания.

⁸³ В.Э.: Здесь, видимо, неправильно. Надо полагать, Чикатило дважды лечился в стационаре, а в остальное время состоял на учете в психдиспансере. Что же касается диагноза «шизофрения», то классической шизофрении (прогредиентной, с приступами бреда) у него, конечно, не было. Но понятие «шизофрении» вообще растяжимое. Те расстройства, которые у него были, могли некоторыми врачами обозначаться и этим термином.

⁸⁴ В.Э.: Кто говорит эти глупости – Куюмджи, что ли?

8. Шахтинское дело (Убийство Е. Закотновой, 1978)

Описанию расследования убийств А. Чикатило посвящено множество книг и статей. В одних делается акцент на работе оперативно-следственной группы, в других анализируется биография самого убийцы, в третьих в центре внимания находятся процессы формирования девиантного поведения и др. Однако в одном все авторы сходятся единогласно – свое первое убийство Чикатило совершил в 1978 году в городе Шахты, именно отсюда принято отсчитывать его преступный путь. Тем не менее, во время следствия и судебного процесса было накоплено много фактов, которые не позволяют сделать столь однозначный вывод. Чтобы понять, что же происходило на самом деле, попытаемся реконструировать события того времени.

...На десятый день после ареста Андрей Чикатило начал давать показания. К тому времени по операции «Лесополоса» набралась серия убийств, сходных по почерку. В этом страшном списке первое убийство было обозначено 1982 годом. Потому и все рапорты, донесения по «Лесополосе» писали так: «Начиная с 1982 года в Ростовской области в лесных массивах находили трупы...». Заместитель начальника отдела по расследованию особо важных дел Прокуратуры России Исса Костоев предъявил арестованному обвинение в 36 убийствах. Чикатило с предъявленным списком ознакомился и тут же часть его отверг: вот эту, в Мясниковском районе, и эту, в Батайске, он не убивал. Осталось 34. Но в тот же день рассказал еще о трех жертвах, о которых следствие до сих пор не подозревало. Среди них, как утверждал Чикатило, была девочка, которую он потом бросил в реку Грушевка.

Протокол допроса Андрея Чикатило 30 ноября 1990 года:

«Дату точно я не помню, но в конце декабря 1978, вечером, я от центра города на трамвае приехал на остановку «Грушевский мост». Было это вечером, и начинало темнеть. Выйдя из трамвая на указанной остановке, я направился по улице Межевой к своему домику. Совершенно неожиданно я увидел, что рядом со мной идет девочка лет 10–12 с ученическим портфелем. Некоторое время мы шли рядом по темной неосвещенной улице, вдоль речки. В пути следования я заговорил с этой девочкой. Помню, что она говорила, что идет к подруге или от подруги. Когда мы приблизились к растущему на берегу речки бурьяну и несколько отделились от жилых домов, меня охватило неудержимое желание совершить половой акт. Я не знаю, что со мной происходило, но меня буквально начало трясти. Находясь в этом состоянии, я остановил девочку и завалил ее в бурьяне. Она пыталась вырваться, но я буквально был озверевшим, ничего с собой не мог сделать и в таком состоянии спустил с нее трусики, залез руками в половые органы. Одновременно, желая успокоить ее, я, видимо, зажимал, ей горло и в этом состоянии разорвал ей половые органы руками. Тогда у меня и произошло семяизвержение. Полового акта, как такового, я с ней не совершал... Когда я понял, что девочка мертва, я снова одел ее и труп сбросил в протекавшую рядом речку. Туда же я сбросил и её портфель. После этого я помыл себе руки, привел немного в порядок свою одежду и, вернувшись к трамвайной остановке, поехал домой. Девочка была одета в темное пальтишко, в руках был портфель. Что было на голове, не помню. Это было мое первое преступление, и я искренне рассказал всё свое состояние в момент его совершения. Происшедшее в эту ночь произвело на меня сильное впечатление. Я даже могу сказать, что самого момента извержения спермы я и не запомнил хорошо. Только потом испытал какое-то сильное ощущение. Я не могу описать более точно это состояние, но это со мной было впервые. Оказался в каком-то беспамятстве, какая-то звериная страсть владела мной в эти минуты. Даже сам факт ее смерти я не заметил и только когда несколько успокоился, я убедился, что она мертва. Через несколько дней меня вызывали в милицию и допрашивали. Меня спросили, где ночевал в ночь убийства. Я ответил, что дома. Моя жена подтвердила это, и нас больше не беспокоили».

В этом чистосердечном признании обращают на себя внимание следующие детали:

1. С девочкой Чикатило встретился не на остановке, а в переулке.
2. Само убийство произошло не в мазанке Чикатило, а на берегу реки, следовательно, не было надобности заходить в дом и включать там свет.
3. Чикатило не упоминает о применении ножа.
4. Нет упоминания о том, что после убийства завязал глаза девочки шарфом.

Чуть позже Чикатило назвал еще 18 своих жертв, о которых следствию ничего не было известно. Все они погибли после 1982 года. А та девочка в сознании следователей была словно заноза: она не значилась в серии, хорошо известной следственной группе. Чикатило назвал дату:

1978 год. Не давала покоя загадка: почему это убийство с характерным почерком, осталось в стороне где-то далеко за пределами «Лесополосы»?

Следственный механизм был приведен в действие и при последующей проверке показаний Чикатило из архива Ростовского областного суда было истребовано уголовное дело по обвинению гр. Кравченко А.П. Из материалов дела следовало, что 24.12.1978 г. в 13 часу гр-н Калужный В.П., переходя р. Грушевка по пешеходному мосту, установленному на ул. Советской Октябрьского района г. Шахты в непосредственной близости от переулка Межевого заметил в воде труп человека. Прибывшая на место происшествия оперативная группа извлекла из реки труп и обнаружила на расстоянии 150 м вверх по течению реки портфель с учебниками. Потерпевшей оказалась Закотнова Лена, 13 ноября 1969 года рождения, ученица 2 класса школы № 11, проживающая с родителями в Октябрьском районе г. Шахты, на улице Парковой в доме № 66, которая ушла днем 22 декабря 1978 года в школу и домой не возвращалась.

Согласно заключению судебно-медицинского исследования на трупе Е. Закотновой были обнаружены следующие повреждения: полоса давления на левой боковой поверхности шеи, множественные поверхностные царапины в виде полуокружностей на правой половине век, массивные кровоизлияния в мышцах, прилежащих к гортани, кровоизлияния под слизистой оболочкой гортани ниже уровня голосовых связок. Точечные, темно-красные кровоизлияния в соединительные оболочки век, мелкопятнистые кровоизлияния под эпикардом, легочной плеврой, жидкая темная кровь в синусах твердой мозговой оболочки. Три проникающих колото-резаных раны живота с повреждением тонкого кишечника, его брыжейки и брюшного отдела аорты (т. 214, л.д. 6–14).

Труп Закотновой

Согласно этому же заключению смерть Закотновой последовала от механической асфиксии вследствие сдавления органов шеи руками, в комбинации с проникающими колото-резаными ранениями живота с повреждением тонкого кишечника, его брыжейки, брюшного отдела аорты с последующим кровоизлиянием в брюшную полость и забрюшинное пространство (т. 214, л.д. 6–14).

В области половых органов и прямой кишки трупа имелись повреждения, а также была обнаружена сперма. Глаза девочки были завязаны ее же шарфом.

В качестве традиционной версии по делам данной категории в 1978 году было выдвинуто предположение о совершении преступления лицом, ранее судимым за аналогичные деяния. В день обнаружения тела Лены Закотновой – 24 декабря 1978 г. – сотрудники милиции «на всякий случай» задержали в качестве подозреваемого А.П. Кравченко, 1953 года рождения, проживавшего в непосредственной близости от места обнаружения трупа, хотя оснований, предусмотренных ст. 122 УПК РСФСР, не имелось.

Тем не менее, шахтинской милиции было, конечно же, известно, что Александр Кравченко в 1970 г. был судим в г. Херсоне за изнасилование и убийство несовершеннолетней девочки. Подробности того дела свидетельствовали, что 13 июля 1970 года в состоянии алкогольного опьянения А. Кравченко совершил изнасилование и убийство десятилетней Гали Ципляк. Зашедшую к нему домой девочку он задушил, уже у мертвой выколол глаза, а тело закопал в огороде. Преступление быстро раскрыли, и уже в ноябре 1970 года Херсонским областным судом Кравченко был осужден к 10 годам лишения свободы. От более сурового наказания Александра

спасло то обстоятельство, что на момент совершения преступления он являлся несовершеннолетним. Так Кравченко оказался в колонии, отбыл в ней 6 лет. Затем определением Белозерского районного народного суда Херсонской области от 12 августа 1976 г. он был условно освобожден из мест лишения свободы и направлен на стройки народного хозяйства или, как говорят в таких случаях, отправлен на «химию». Выражение это бытует со времен Н. Хрущева, намечавшего планы химизации сельского хозяйства. Грандиозным стройкам «большой химии» требовалась дешевая рабочая сила, и лидер страны выдвинул идею пополнять ряды строителей заключенными, вставшими на путь исправления. С тех пор и начали комплектовать объекты рабочими, которые продолжали отбывать наказание, но уже на стройках. Они считаются расконвоированными, живут свободно, хотя обязаны регулярно отмечаться в своих комендатурах.

Александр Кравченко после своего условно-досрочного освобождения в 1976 году был направлен в спецкомендатуру Артемовского района г. Шахты, работал в десятом строительном управлении, в бригаде штукатуров. Взял в жены женщину с ребенком, в 1979 г. жена ждала появления ребенка уже от Александра. Проживал по адресу – переулок Межевой, 19. Этот дом был самым ближним к реке, в которой 24 декабря 1978 г. нашли труп маленькой девочки...

Александр Кравченко

Прямая речь. Начальник отдела особо тяжких преступлений Ростовского УВД Виктор Бураков:

Практика показывает, что однажды убивший уже не остановится. Убив снова, он в точности повторяет свои действия, воспроизводит то, что и называется почерком убийцы. Поэтому, случись что, в первую очередь проверяют: чье может быть дело? Кто таким способом убивал свою жертву?

Если исходить из таких установок, то Кравченко для отработки был первой фигурой, что, по мнению работников уголовного розыска, позволяло с ним особенно не церемониться. Задержанный показал, что 22 декабря 1978 г. он после окончания работы зашел домой к гр-ну Губареву, отдал последнему долг за купленный у него магнитофон, и примерно в 18 час. 15 мин. пришел к себе домой. Изнасилование и убийства Закотновой не совершал, в момент совершения преступления находился дома.

Алиби с небольшими разногласиями подтвердили жена – Г. Кравченко и знакомая – Т. Гусакова, находившиеся с ним весь вечер после 18 час. Да и телесных повреждений на нем, которые могли бы свидетельствовать о сопротивлении жертвы, как подтвердили эксперты, решительно никаких не было. Через три дня, 27 декабря 1978 г., Александр Кравченко был освобожден из изолятора временного содержания.

Однако 23 января 1979 г. А. Кравченко совершил кражу у своего соседа. 24 января сотрудники милиции нашли похищенное на чердаке дома Кравченко. В тот же день его арестовали, он признался в краже, но работники уголовного розыска вновь вернулись к версии о причастности Кравченко к убийству Лены Закотновой.

Прямая речь. Виктор Бут, журналист газеты «Известия»:

Процесс над Чикатило меня, автора этих строк, не раз поражал необычными совпадениями. Вот и тут, надо брать Кравченко – и он очень своевременно, будто выполняя заказ милиции, совершает кражу. В перерыве судебного заседания я не удержался, подошел к только что «отгово-

рившим» свое свидетелям, высказал удивление и предположил: так может кражу милиция подстроила? Они смотрели почти с искренним сочувствием:

– Как же вы не понимаете... Кравченко опытный преступник. Чтобы не привлекли за убийство, решил сесть за кражу, прием известный. Совершил он ее недалеко от своего дома и специально «терял» вещи до самого порога, чтобы вышли именно на него...

Яндиев – следователь опытный. Когда я ему рассказал об этих загадках и высказал сомнение, он просто рассмеялся:

– Да кто же сомневается, что здесь без милиции не обошлось? Вы дело смотрели: человека взяли за кражу, а с первого допроса оперативники ведут речь не о ней, а об убийстве. Дураку ясно, откуда что взялось. Потом: вы заметили, чего от него добывались с первого допроса? Подписать «явку с повинной» по убийству...

Признаться, мне было не совсем понятно: человек уже находится под следствием, о какой явке с повинной можно говорить, куда он явится?

– Эта проблема с большой бородой, – говорит Яндиев. – Чтобы вы поняли ее, приведу пример работы системы госбезопасности. Там в одном ведомстве находятся следователь и оперативные работники. Оперативник без следователя не сделает ни шагу, всё у них в рамках своего ведомства согласовано, выверено, выполняют они одну общую задачу, потому просчеты, ошибки, а тем более нарушения законности просто невозможны. В нашей системе следователь ходит в прокурорском мундире, оперативник – в милицейском. Оперативные работники должны действовать в интересах следствия. Есть приказ Генерального прокурора о необходимости тесного взаимодействия двух ведомств – следствия и дознания – в одном направлении: раскрытии преступления. Но разве можно любить по приказу? Тем более, когда ведомства разные, у каждого свои, корпоративные интересы? Оперативники должны обеспечить работу следователя из другого ведомства, хотя им очень хочется самим, без него раскрыть преступление, тем более что идут они впереди следователя – информацией располагают раньше него. На всякий случай самое выигрышное придерживают у себя. А как это удастся? С помощью многочисленных инструкций все оперативные материалы строго засекречиваются, так, что даже прокурор только в редких случаях может с ними ознакомиться. Если оперативник раскрыл преступление, отрапортовал своему ведомству, ему – звезды на погоны, ордена-медали, денежные премии. Но есть условие, при котором будет считаться, что раскрытие это – именно «его»: та самая «явка с повинной». Человек явился в милицию, признался. Дальше – дело техники. Но явки не было. Значит, задача – организовать ее, даже «выбить», если потребуется...

Методика проверки версии о виновности Кравченко в убийстве Закотновой была традиционно незаконной. Вначале задержали в качестве подозреваемой по «соучастию в краже» жену Кравченко, от которой добывались изменения показаний, подтверждающих алиби мужа на вечер 22 декабря. Задержанной сообщили, что она подозревается, как соучастница, и в убийстве Лены Закотновой. Запуганная женщина изменила прежние показания и дала новые: Кравченко 22 декабря пришел домой не в 18-м часу, а во второй половине 20-го часа, нетрезвый.

После этого в качестве подозреваемой «за дачу ложных показаний» задержали на трое суток свидетеля Т. Гусакову, которая после соответствующей «обработки» также изменила показания и признала, что Кравченко 22 декабря вернулся домой около 20 часов, затем провожал ее на трамвайную остановку и вдруг спросил: может ли Гусакова поверить, что он изнасиловал и убил девочку?

Обе женщины подтвердили свои новые показания на очной ставке с Кравченко, после чего были освобождены из изолятора временного содержания. Сам Кравченко категорически отрицал свою причастность к изнасилованию и убийству Лены Закотновой, однако с 12 февраля 1979 г. в уголовном деле появляются его новые показания о том, что данное тяжкое преступление совершил он.

Прямая речь. Александр Кравченко:

«...На трамвайной остановке «Грушевский мост» выпил из горла еще одну бутылку водки и сидел на лавке. Подошел трамвай. Человек 5–6 вышли. Девочка с портфелем направилась в мою сторону. Спросила, где живет Люба или Люда. Предложил проводить, а меня уже совсем разобрало и стало дурно! Улегся прямо на землю. Девочка стала дергать за куртку: вставай, можешь замерзнуть, я провожу. Стал приставать, но она не уходила. Тут что-то случилось со мной. Зажав рот рукой, стал срывать с нее одежду... Сжав горло руками, я не знаю, сколько держал ее так. И не помню, как вытащил нож и бил. В себя пришел на берегу речки, тошнило. Пошел к тому месту и увидел ее с открытыми глазами, всю в крови. Тут и понял, что случилось страшное. Сняв шарф, завязал ей на голову и стал одевать. Затем взял под руки, чтобы не вымазаться в крови, потащил к речке. Потом вымыл руки и начал чистить одежду. Искал нож, но не нашел».

Затем Кравченко собственноручно написал 2 заявления, в которых он подробно описывал обстоятельства изнасилования и убийства девочки, а также указывал мотивы, побудившие его совершить это преступление.

Первого марта 1979 Кравченко, объясняя непоследовательность показаний давлением следствия, которое прокуратура, вопреки процессуальным требованиям, вела при участии милицеских розыскников, от убийства отказался. Месяц спустя пошел на попятную. За этими признаниями последовало «закрепление» показаний Кравченко аудиозаписью, киносъемкой процесса осмотра места происшествия с участием обвиняемого в присутствии понятых 20 февраля 1979 г. и 5 апреля 1979 г.

Еще через пять месяцев, уже в судебном следствии, снова и довольно решительно отрекся от признаний, объясняя:

«...писал явки с повинной только из-за того, что от некоторых работников уголовного розыска и тюрьмы слышал угрозы в свой адрес. Некоторые детали этого преступления узнал из актов экспертизы. Потому в заявлениях моих и есть подробности, которые узнал от своих следователей».

Кравченко жаловался, что в камере его терроризировали, избивали, принуждали быть более покладистым и сговорчивым. Он называл имена конкретных людей, которые избивали его.

После того, как Кравченко на суде отказался от своих признательных показаний, данных им предварительному следствию, вечером или ночью с ним встречался и работал начальник шахтинского уголовного розыска Шеметов. Не исключено, что уговаривал подсудимого вернуться к прежним показаниям, потому что на следующий день Кравченко повторил суду свои «признания». Сейчас установлено, что руководитель охраны из конвойной роты подтверждал, что такие встречи имели место...

В конечном итоге А.П. Кравченко признал вину в нападении на Закотнову, в совершении кражи, и 16 августа 1979 г. Ростовским областным судом был осужден к смертной казни. После этого он вновь отказался от признания вины по эпизоду убийства школьницы, написал ряд жалоб, объясняя прежние показания незаконным воздействием работников дознания, следствия и сокамерников.

В ноябре 1979 года Верховный Суд РСФСР откликаясь на жалобы осужденного и его адвокатов, вернул дело на доследование. В мае 1980 г. уже Ростовский облсуд вернул дело предварительному следствию. А в декабре 1980 г. коллегия Верховного Суда РСФСР отменила смертный приговор, оставив в силе приговор за совершенную кражу – 15 лет лишения свободы. Но теперь, возмущенная мягкостью приговора, стала рассылать жалобы во все инстанции бабушка убитой В. Закотнова. И ее призывы были услышаны. Впоследствии уголовное дело еще дважды возвращалось судом на дополнительное расследование, отменяя состоявшиеся решения и возвращая дело, судебные инстанции неоднократно указывали на неполноту предварительного следствия, необходимость проверки ряда важных обстоятельств. В частности, доводов Кравченко о применении к нему на следствии и во время судебного рассмотрения мер психического и физического воздействия со стороны работников милиции и сокамерников, склоняющих к признанию. Не раз предлагалось полнее исследовать версии о возможной причастности к убийству девочки других лиц. На многие вопросы ответов нет и поныне...

23 марта 1982 г. Ростовский областной суд, в третий раз, рассмотрев дело, снова приговорил Кравченко к смертной казни. В основу приговора суд положил следующие доказательства:

1. Показания Кравченко про обстоятельства изнасилования и убийства Лены Закотновой, данные им на предварительном следствии и в первом судебном заседании.
2. Протокол опознания Кравченко потерпевшей по ее фотографии.
3. Показания жены подсудимого и ее подруги Т. Гусаковой.
4. Показания следователей, оперативных работников МВД, понятых о том, что к А.П. Кравченко «не применялось» никаких незаконных методов. Анализ этих показаний суд посвятил немало строк в смертном приговоре.
5. Показания допрошенного в качестве свидетеля сокамерника Кравченко, заявившего, что подсудимый ему подробно рассказывал про совершенное посягательство на Закотнову.
6. Заключение судебно-биологической экспертизы о возможной принадлежности Кравченко спермы, обнаруженной на трупе Закотновой, а также о возможности происхождения от Закотновой пятен крови на свитере подсудимого.
7. Заключение криминалистической экспертизы о присутствии на свитере Кравченко и одежде Закотновой однородных частиц растений.

(Приговор Ростовского областного суда от 23 марта 1982 г. по делу Кравченко А.П.)⁸⁵

В мае того же года коллегия Верховного Суда РСФСР оставляет приговор без изменения. В ноябре 1982 г. Президиум Верховного Совета России и соответствующая комиссия Президиума Верховного Совета СССР отклонили ходатайство о помиловании.

(Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 24 мая 1982 г. по делу Кравченко А.П.)⁸⁶

5 июля 1983 г. А.П. Кравченко расстреляли.

* * *

Ознакомившись в 1990 г. с материалами дела Кравченко, И. Костоев прекрасно понимал, что признание, сделанное Чикатило, подводило следствие к довольно непростой ситуации, поскольку, во-первых, за данное убийство был уже осужден и казнен другой человек, а во-вторых, в материалах дела не было не только намека на какие-либо доказательства вины Чикатило, но в нем вообще не упоминалась его фамилия, и в то же время признания, сделанные Андреем Романовичем в 1990 г., не соответствовали материалам дела 1978 г.

Чтобы расследовать этот эпизод и предъявить обвинение в убийстве Закотновой А. Чикатило, необходимо было сначала отменить приговор в отношении Кравченко, тем более, что, как показал анализ материалов дела, в нем было множество несостыковок и противоречий. Отмена приговора, в свою очередь, означала, что уголовное дело будет возбуждено против тех работников правоохранительных органов, по вине которых был осужден невинный человек. Ситуация была неоднозначной и даже скандальной, но совсем не уникальной; такое уже случалось в процессе расследования «Лесополосы», когда за решетку по вине работников правоохранительных органов Ростовской области угодила целая группа умственно неполноценных, один из которых в заключении скончался. Впрочем, не в одной только «Лесополосе» задерживали и впоследствии заставляли взять на себя чужую вину совершенно невиновных людей. Это происходило и в Свердловске, когда за преступления серийного убийцы Фефилова было осуждено несколько человек, а один расстрелян. Сталкивался с такими случаями и сам Костоев при расследовании преступлений другого серийного убийцы Стороженко, но, пожалуй, самый громкий случай подобного рода произошел в советской Белоруссии.

Витебское дело:

В период с 1971 по 1985 год в Белоруссии на сравнительно небольшой территории между Лепелем, Витебском и Полоцком было совершены убийства более 30 женщин. За это время в 11 судебных процессах, по обвинению в совершении этих убийств осудили 14 человек. Один из невинно осужденных был расстрелян, другой пытался покончить жизнь самоубийством, многие отсидели свои сроки: Ковалев отсидел от звонка до звонка пятнадцать лет. Пашкевич – 12. Янченко – 2. Один из осужденных после шестилетнего заключения совершенно ослеп и был выпущен как «не представляющий опасности». Все эти люди признались в якобы совершенных ими убийствах из-за примененных к ним милицией и следственными органами пыток и психологического давления.

Когда же в конце 1985 года был задержан Геннадий Михасевич, который признался в 37 совершенных убийствах и одном покушении на убийство, то пришлось в срочном порядке пересматривать прежние дела, в которых по тем или иным причинам к уголовной ответственности за совершенные Михасевичем преступления привлекались другие лица. В отношении их уголовные дела были прекращены, осужденные реабилитированы. Зато были возбуждены уголовные дела против работников правоохранительных органов допустивших нарушения. Как пишет в своей статье В. Дашук – автор документального фильма «Витебское дело» – разразился настоящий «юридический Чернобыль».

Но вот внутренние механизмы этой термоядерной реакции находились совсем на другом полюсе, бесконечно далеко от преступного мира. Николаю Слюнькову, который в то время был первым секретарем ЦК коммунистической партии Белоруссии, не являясь при этом ни членом Политбюро ЦК КПСС, ни даже кандидатом в члены Политбюро, очень хотелось повысить свой рейтинг среди партийной номенклатуры – и «благодаря» ему пятнадцатилетняя эпопея по поиску Михасевича превратилась в «Витебское дело» с продолжением. Специальная группа Генеральной прокуратуры СССР занялась изобличением следователей белорусских правоохранительных органов, незаконно и необоснованно обвинявших людей в тех убийствах, которые совершал витебский маньяк. 106 сотрудников МВД, прокуратуры и КГБ получили служебные взыскания, были исключены из партии или уволены с работы. На этой волне следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Белоруссии Николай Игнатович стал депутатом Верховного Совета СССР

⁸⁵ В.Э.: На сайте здесь линк, но мы этот документ опускаем.

⁸⁶ В.Э.: Тоже ссылки, и тоже опускаем.

и Генеральным прокурором БССР, а Николай Слюньков перебрался жить и работать в Москву, став секретарем ЦК КПСС и членом Политбюро – впервые в истории коммунистической партии Белоруссии со времен Мазурова. Таков был общий и частный итог Витебского дела.

В Ростове всё повторялось, только общественный резонанс был несравнимо выше, что и подтверждает в своих мемуарах Костоев, акцентируя внимание на действиях работников правоохранительных органов Ростовской области:

«Процесс Михасевича был очень громким. Сказалось и огромное число жертв, и срок, в течение которого совершались преступления, и то, что за решетку сажали невинных... Но, к сожалению, никаких уроков из этого дела никто не извлек. Что и подтвердило еще более нашумевшее дело Чикатило. Всё повторилось в точности так же, только с более безнадежными и ужасными подробностями. Речь в данном случае идет о следственной стороне».

В расследовании убийств в Ростовской области на протяжении 8 лет принимало участие огромное количество сотрудников из ведомств разных уровней, в числе которых были как местные следователи и оперативные работники, так и прикомандированные работники центрального аппарата уголовного розыска и прокуратуры. После долгожданной поимки преступника наступало время подводить итоги проделанной работе, анализировать деятельность этой многочисленной армии специалистов, выявлять вклад каждого в общее дело. В конце концов, нужно было ответить на главный вопрос «Кто же поймал Чикатило?» Поэтому сенсационные и весьма своевременные признания Чикатило явились очень удобным случаем, чтобы четко расставить акценты и выявить, кто же был настоящим героем в этом расследовании, а кто преступником в милицейской форме.

Несмотря на то, что в распоряжении следствия изначально были только чистосердечные признания Чикатило в совершении Шахтинского убийства 1978 года, не подкрепленные более ничем, Костоев с невероятной энергией берется за то, чтобы доказать невиновность Кравченко. Все свои усилия Костоев направляет именно на этот эпизод, перепоручая дальнейшую работу с Чикатило своим помощникам. Насколько важным для Костоева был данный момент расследования, говорит и такой, казалось бы, незначительный факт, что даже в своих мемуарах рассказу о деле Кравченко он уделяет гораздо больше внимания, чем самому расследованию убийств в лесополосах, которым он занимался без существенных результатов на протяжении 5 лет.

Прямая речь. Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РСФСР Исса Костоев:

«Завершив первоначальные допросы по всем эпизодам убийств, я передал Чикатило следователю, а сам вплотную занялся делом Кравченко. Собрали необходимые материалы и обратились в Верховный суд России с просьбой отменить приговор в отношении Кравченко по вновь открывшимся обстоятельствам. Дело в том, что до отмены приговора в отношении Кравченко мы не могли предъявить окончательного обвинения Чикатило. Ситуация осложнялась тем, что за изнасилование и убийство девятилетней Лены Закотновой Александр Кравченко был приговорен к высшей мере.

Первый протест на смертный приговор Кравченко, написанный мной и представленный прокурором России в Верховный суд, был отвергнут. Причем, как мне показалось, не без некоторого злорадства, мол, занимайтесь лучше своими делами. Но я тут же подал второй, дополнив его новыми доказательствами невиновности Кравченко.

Казалось бы, ну что может быть логичней, чем отменить несправедливый приговор: ведь найден же подлинный убийца.⁸⁷ Но у Верховного суда была своя, не пробиваемая никакой логикой позиция. Короче, снова отказ, со ссылкой на то, что в деле Кравченко нарушений не допущено. Я понимал только одно: никто в Верховном суде этого дела толком не читал. И отменить – только подумайте! – смертный приговор – это значило открыто признать, что допущена трагическая

⁸⁷ Что Чикатило подлинный убийца, Костоев уже решил сам, не дожидаясь приговора суда!!! – прим. авт. – В.Э.: Ну, это пустая болтовня. В таком смысле, в каком виновным признает суд (с вытекающим из этого признания наказанием), Костоев Чикатило не мог признать виновным и не признал. В ином смысле, когда человек просто внутренне убеждается в виновности кого-то, Костоев, конечно, признал Чикатило виновным, но мы все так кого-то признаем и кого-то оправдываем. Это не юридическое понятие. А чтобы начать борьбу за отмену приговора Кравченко, именно эта вторая убежденность и нужна, а первого решения в принципе быть не может. Как же Сван это себе представляет: сначала суд признает Чикатило виновным в убийстве Закотновой, а потом Костоев начнет добиваться отмены приговора Кравченко, чтобы можно было выдвинуть обвинение Чикатило! Так что ли?

ошибка и казнен невиновный! А раз так, надо немедленно ставить вопрос о персональной ответственности работников милиции, прокуратуры и наконец – судов нескольких инстанций.

И тогда я решил написать протест не по вновь открывшимся обстоятельствам, а в порядке надзора. Имени Чикатило я вообще не упоминал, а стал методично, факт за фактом, громить дело Кравченко. Теперь уже независимо от вновь открывшихся обстоятельств, которые так, видимо, напугали кое-кого из судей.

Необходимо было снять с давнего дела нагромождения лжи и открыть истину. Вот записано в приговоре: «Кравченко, будучи нетрезвым, около половины восьмого...» Но ведь это же ложь! Александр пришел домой в шесть вечера, сразу после работы, совершенно трезвый. Это на первых же допросах показали жена и ее подруга, причем, что было самым важным, независимо друг от друга и в условиях, когда они никак не могли договориться. У Кравченко было крепкое алиби. Однако его сумели разрушить недобросовестные работники. Каким образом? А вот так. Жена Кравченко продолжала настаивать на своих показаниях, тогда они ее посадили и стали в открытую угрожать, что сделают соучастницей убийства, если она не скажет, что муж явился в восемь, а не в шесть вечера. Читая показания, я видел, как путалась женщина, пока, наконец, не признала того, чего от нее требовали. Впрочем, позднее, когда мы ее допрашивали, она объяснила, почему так поступила: она боялась, что ее засудят как соучастницу.

Подобную операцию провернули и с ее подругой. Ту просто посадили в КПЗ за лжесвидетельство, как ей объяснили. А когда трехдневный срок, отпущенный на задержание без санкции прокурора, прошел, следователь вынес постановление о ее освобождении, однако из камеры не выпустил. Можно себе представить, что было с несчастной женщиной. После такого страшного шантажа нетрудно выбить из человека любые показания. Что и было сделано.

Потом я взялся за «признательные показания» самого Кравченко, которые резко противоречили обстоятельствам дела. Подследственный спутал возраст девочки, неверно описал ее одежду, трижды и всякий раз по-новому описывал место преступления. Показал, например, что убивал ножом, купленным в таком-то магазине, а потом бросил орудие убийства в реку. Но в указанном им магазине подобными ножами не торговали, а в реке, как ни искали, никакого ножа не нашли.

Словом, я старался доказать, что в распоряжении следствия не было ни одного объективного доказательства, подтверждающего признание обвиняемого. И более того, сами его признания резко противоречат обстоятельствам дела».

Но даже всех титанических усилий бригады Иссы Магометовича оказалось недостаточно Верховному суду, чтобы отменить приговор Кравченко, к тому же попытки доказать невиновность Кравченко автоматически еще не доказывали вину самого Чикатило в совершении убийства Е. Закотновой. Для такого опытного следователя, как Костоев, было очевидно, что доказать вину Чикатило в этом убийстве будет весьма непросто и даже вовсе невозможно, если основываться только на его чистосердечных признаниях, поэтому следствию крайне необходимы были объективные доказательства. Естественно, что добыть эти объективные и бесспорные доказательства спустя 12 лет после совершения убийства было весьма проблематично, и тогда И.М. Костоев, используя свои полномочия, добывается возможности ознакомиться с материалами дела оперативного учета, заведенного по факту убийства Лены Закотновой, и имевшего гриф секретности. Непосредственным анализом материалов дела занимался впоследствии следователь ростовской прокуратуры А. Яндиев.

Из материалов дела оперативного учета следовало, что первоначально в списке подозреваемых в убийстве значилось около двух десятков человек. Среди них фигурировал даже дед Лены Закотновой, видимо, потому что девочка неоднократно рассказывала своим подругам о каком-то деде, который угощает ее жевательной резинкой.

Показания свидетелей

Свидетель Колодезная Е.Т. показала, что 21 декабря 1978 г. в 13 час. 15 мин. около здания горкома партии встретила с Закотновой Леной. Во время этой встречи она рассказала ей, что они переехали на новую квартиру по ул. Парковая. В разговоре Лена сказала, что она договаривалась с дедушкой, который ей дает импортные жвачки, что после уроков она пойдет к деду, который живет по пути, ей нужно сойти с трамвая на одну остановку раньше. Лена ей про деда рассказывала еще в сентябре и октябре 1978 г., как только она встречалась с ней, но никогда не говорила, где он живет (т. 212, л.д. 109–111, 138).

Она же на дополнительном допросе подтвердила, что 21 декабря 1978 г. во время встречи Лена рассказала до начала занятий, что она пойдет к бабушке, проживающей на ул. Пушкина. Тогда же она показала ей жевательную резинку и заявила: если ей надо, то она может попросить у этого деда резинку для нее. Этот дед приглашал ее к себе и обещал дать жевательную резинку. О каком деде она вела речь, она не знает (т. 58, л.д. 135–136).

Свидетель Воронко Н.А., – ученица школы № 11 – показала, что 22 декабря 1978 г., идя со школы, она, увидев Закотнову Лену, катающуюся по льду, окликнула ее и вместе пошли домой. Лена зашла к ней в квартиру, ей надо было в туалет. На следующий день Оля Махонина ей рассказывала, что Лена по дороге должна была зайти к бабушке за жвачкой. Кто этот дедушка – она не знает (т. 58, л.д. 142–144; т. 212, л.д. 121).

Но что было более важно для оперативно-следственной бригады Костоева, имелся в списке подозреваемых в убийстве 1978 г. и их нынешний подопечный А.Р. Чикатило. Как выяснил А. Яндиев, Чикатило попал в этот список после того, как в ходе оперативно-розыскных мероприятий 27 декабря 1978 г., т.е. через три дня после обнаружения трупа Закотновой, начальник ОУР Октябрьского ОВД Кравчук в качестве свидетеля допросил Сибирякову Л.А., проживающую в доме № 24 по пер. Межевому. Сибирякова Л.А. на допросе показала:

«... Рядом со мною по пер. Межевому, в доме № 26 проживает сосед, фамилии и имени я его не знаю, также не знают его и соседи, т.к. он ведет себя очень замкнуто. Я слышала о том, что этот дом он купил недавно, якобы для своего отца, а сам там бывает редко... 22 декабря 1978 г. я возвращалась около 19 час. из кино, и когда проходила около дома соседа, то в его доме видела свет» (т. 60, л.д. 27).

Этот протокол допроса Сибиряковой Л.А. в свое время к уголовному делу об убийстве Е. Закотновой приобщен не был и был обнаружен в 1991 г. при изучении материалов уголовно-розыскного дела (т. 60, л.д. 1–3).

После заявления Сибиряковой А.Р. Чикатило 5 или 6 раз вызывали на допрос в органы милиции. По поводу информации, полученной от Сибиряковой, Чикатило на допросе пояснил следователю прокуратуры, что последний раз был в доме в конце декабря, электричества не было и, уходя из дома, он забыл нажать кнопку выключателя, поэтому, мол, свет и мог гореть вечером 22 декабря. Свое же присутствие в доме на Межевом, 26 в названный вечер воспитатель ГПТУ при коротком допросе категорически отрицал. Когда же его жена подтвердила, что в день и час убийства – 22 декабря, от 18 до 20 часов – муж был дома, у следствия вопросов к Андрею Романовичу больше не осталось.

Тем не менее, нельзя сказать, чтобы такое расхождение осталось незамеченным оперативными работниками. Они заинтересовались Чикатило и начали тщательно изучать его личность, получили много интересных, заслуживающих самого серьезного внимания сведений.

В частности, в то время было установлено, что дом № 26 по Межевому переулку г. Шахты он купил для своего отца, а сам проживал в другом месте. Встречи с женщинами в этом доме Чикатило отрицал, однако свидетель Выговская, проживающая по соседству, пояснила, что, купив дом, Чикатило в нем не живет и бывает изредка. Несколько раз летом и осенью приводил в дом молодых девушек. Старушка, проживавшая в соседнем доме, рассказывала, что она заходила к Чикатило домой и однажды видела у него девушку с покалеченной ногой, которая назвалась его племянницей.

Кроме того, в его личном деле нашли запись: еще работая учителем в соседнем Новошахтинске, он был уволен после нескольких жалоб о том, что пристает к детям; значились в его биографии и еще несколько неприятных инцидентов, свидетельствующих о его нездоровом интересе к детям.

Его допросили еще раз. Мучительно краснея, преподаватель училища признался: «Да, было такое, не стану от вас скрывать, я переживал определенные трудности, но поймите, я порядочный человек, у меня любящая жена, прекрасные дети, они мне помогают бороться... Да и возраст уже не тот, когда особенно волнуют половые проблемы...»

29 января 1979 года начальник УВД Шахтинского горисполкома утвердил план мероприятий по проверке Чикатило на причастность к убийству. План, хотя и преследовал правильные цели, однако был формальным и примитивным. В нем не нашли отражения вопросы, вытекающие из добытых по делу достаточно серьезных сведений, требовавших самой тщательной квалифицированной проверки.

Причины такого отношения к проверке Чикатило прояснились несколько позже. Не получив сразу же от Чикатило никаких признательных показаний и имея достаточно противоречивые и непоследовательные показания свидетелей (Сибирякова) сотрудники милиции и прокуратуры переключились на другого подозреваемого, которым, как мы знаем, стал А.П. Кравченко.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу № 18/59639-85 по обвинению Чикатило Андрея Романовича

Допрошенный по поводу проверки Чикатило на причастность к убийству Закотновой бывший заместитель начальника УВД г. Шахты Чернацкий В.Н. показал, что в связи с арестом Кравченко дальнейшая отработка Чикатило была прекращена (т. 57, л.д. 188–193).

Изъятими из уголовного дела об убийстве Закотновой оказались показания самого Чикатило, его жены Чикатило Ф.С. и ряд других документов... (т. 32, л.д. 48–66; т. 60, л.д. 24,25, 26, 27, 28).

А. Яндиев в 1991 году установил, что данные материалы не дошли не только до суда, но работники милиции всё, что касалось других подозреваемых, в том числе и Чикатило, даже не дали следователю прокуратуры, а представили лишь то, что касалось «вины» Кравченко. Следователь же покорно шел на поводу у оперативников.

Анализируя материалы оперативно-поискового дела, А. Яндиев, конечно же, не мог не видеть, что версия о причастности Чикатило к убийству Закотновой не получила в 1978 году приоритета по вполне объективным причинам. Ведь всё, что было в руках у следователей на Чикатило в 1978 году, и всё, что спустя 13 лет предстало перед глазами Яндиева, – это лишь показания соседки о включенном свете в доме Андрея Романовича и сведения о нездоровом интересе Чикатило к детям. Согласитесь, что на таком скудном материале невозможно было выстроить обвинение против Чикатило в убийстве Закотновой. И это прекрасно осознавали следователи, занимавшиеся данным делом в 1979 году, видимо, по этой причине они и предпочли заняться разработкой другой версии.

Но внимание Яндиева привлекли не только материалы оперативно-поискового дела, касавшиеся собственно Чикатило, но и материалы, в которых упоминался некий неизвестный мужчина.

Так, из материалов дела следовало, что на двух допросах, еще в первые дни расследования убийства Закотновой свидетель С. Гуренкова сообщила о том, что:

«20 декабря 1978 г. в 17 час. 40 мин. ее с работы привезли на переулоч Комиссаровский, откуда она пешком направилась к трамвайной остановке «Трампарк». Находясь на этой остановке в ожидании трамвая, около 18 часов заметила девочку и мужчину, стоящих от нее на расстоянии 5 метров.

Незнакомый мужчина что-то говорил девочке, а сам подозрительно поглядывал на нее. Ей казалось, что девочка в чем-то сомневалась, и хотела и не хотела идти, а мужчина продолжал уговаривать. О чем они говорили, она не слышала, говорили они тихо. Затем мужчина пошел вперед, а девочка следом. Девочка была одета в красное пальто с капюшоном, отделанное черным мехом, кроличьей шапке, войлочных сапожках. Позже в милиции по фотографии она узнала в девочке Закотнову. Мужчина был в возрасте 40 лет, ростом 170 см, нос длинный, лицо удлиненное, был одет в пальто длинное, в шапку из меха цыгейки, брюки и туфли. В руке была сумка, в которой были бутылки с вином. Мужчину сможет опознать (т. 212, л.д. 134–135, 136–137).

Она же, дополнительно допрошенная 16 января 1979 г., еще раз подтвердила, что видела Е. Закотнову с неизвестным мужчиной именно 20 декабря. А затем дополнила эти сведения, рассказав, что в день обнаружения трупа Закотновой она с Гнединой и другими сослуживцами, проезжая по Грушевскому мосту, увидела около пешеходного моста скопление народа и работников милиции. Подойдя к мосту, увидела девочку, извлеченную из реки, которую она сразу опознала за ту, которую ранее видела с неизвестным мужчиной на трамвайной остановке. Об этом она сказала Гнединой. После этого случая через несколько дней к ней домой приехали работники милиции и пригласили ее в Октябрьский райотдел милиции. В помещении отдела милиции находился художник, который с ее слов нарисовал портрет неизвестного мужчины. С этого рисунка сделали большое количество фотографий, которые предъявляли гражданам с целью установления личности этого мужчины. Кроме того, она сама вместе с работниками милиции участвовала в поиске этого мужчины (т.58, л.д. 98–99, 100–101).

Мужчина так и не был найден... Мог ли им быть Чикатило – большой вопрос, да к тому же в показаниях значилось 20, а не 22 число, когда была убита Закотнова...

Дальнейшее развитие событий нетрудно предсказать – в 1991 г. вновь необходимо было вызывать тех же самых свидетелей, в робкой надежде, что спустя 13 лет они смогут восстановить в памяти хоть какие-то детали давних событий. Но результат превзошел все самые смелые

ожидания – более поздние показания обросли весьма живописными деталями и оказались куда подробнее тех, что давали те же самые люди непосредственно после убийства Е. Закотновой.⁸⁸

Допрошенная в 1991 году Л.А. Сибирякова не только подтвердила ранее данные показания, но и пояснила, что в октябре 1978 г. она переехала в дом № 24 пер. Межевой. На работе по радио услышала о пропаже Закотновой Елены, которую она знала как подругу дочери в тот период проживания по ул. Пушкина. В день исчезновения Закотновой она со своим мужем Матвеем были на вечернем сеансе в кинотеатре «Аврора». Возвращаясь домой в 19 часов, проходя мимо дома № 26 (дом принадлежал Чикатило А.Р.), увидели, что в доме и на улице над окном горел свет. Окна были зашторены и никого видно не было. Увидев свет, она и Матвей в один голос произнесли: «Вот хорошо, от соседа дорога освещается». Раньше в доме № 26 никогда свет не горел.

Через два дня после обнаружения трупа Закотновой ее и Матвея вызвали в Октябрьское отделение милиции, и там она увидела своего соседа по дому № 26. Извинившись перед ним, она спросила его, был ли он такого-то числа в своем доме. (Спрашивая Чикатило, она имела в виду дату исчезновения Закотновой). Сосед отрицал, что был там в этот вечер. Тогда она ему задала вопрос, если его не было в доме, то почему в доме горел свет? На этот вопрос Чикатило ей не ответил, а лишь моргал глазами (т. 57, л.д. 260–263, 264–267).

И хотя еще в 1979 году Чикатило объяснил следователям обстоятельства по поводу включенного электроосвещения в его доме в день убийства, но в 1991 году этот факт следствием был истолкован в противоположность тому, что было ранее, уже как бесспорное доказательство вины Чикатило.

В 1991 году снова появилась Светлана Гуренкова, которую встревожил разговор между незнакомцем и девочкой... Как мы помним, будучи допрошенной вскоре после убийства Закотновой, Гуренкова в произвольной форме рассказала о событиях, пояснила, что Закотнову видела с мужчиной в 17 час. 40 мин. 20 декабря 1978 г. Она же, при допросе 16 января 1979 г. на прямой вопрос следователя, уточняющий дату этой встречи, подтвердила с конкретной мотивировкой,⁸⁹ что это было именно 20, а не 22 декабря 1978 г. При повторном допросе в 1991 году Светлана Гуренкова кардинальным образом меняет свои первоначальные показания и спустя 12 лет так же уверенно, как в 1979 году, утверждает, что видела Чикатило и Закотнову на остановке, но уже не 20, а 22 декабря. Какова была причина изменения свидетелем показаний спустя 12 лет после дачи ею первоначальных – остается загадкой.

Но всё это не помешало в обвинительном заключении появиться такой убийственной для Чикатило формулировке:

⁸⁸ В.Э.: Подробнее спрашивали, потому и подробнее были ответы. Что же касается воспоминания деталей через 12,5 лет, то, естественно, они забыли бы какой-нибудь обычный день. Но если по соседству произошло убийство, о котором месяцами не умолкают пересуды, и в них все обстоятельства вновь и вновь перебираются «по косточкам», то такое нетрудно вспомнить и через 50 лет. Я, например, тоже могу описать детали таких особых, потрясающих событий, свидетелем которых я был 50 или 40 лет назад. Так что в этом нет ничего удивительного.

⁸⁹ В.Э.: Эту «конкретную мотивировку» чуть ниже Сван передаст нам в формулировке адвоката Хабибулина, и она прозвучит так: «21 декабря был выходной, а 20 декабря, я не могу ошибиться, несколько дней прошло, закончила работу в первую смену». И эта «конкретная мотивировка» как раз и выдает ОШИБКУ Гуренковой. В 1978 году 21 декабря был четверг, а выходной (суббота) был 23 декабря, и за день до этого, 22 декабря, Гуренкова «закончила работу в первую смену»... (Видимо, как тогда повсюду делалось, она работала одну неделю в первую, одну неделю во вторую смену, и в тот день закончилась неделя первой смены). О причинах ошибки легко догадаться. «В день обнаружения трупа Закотновой она с Гнединой и другими сослуживцами, проезжая по Грушевскому мосту, увидела около пешеходного моста скопление народа и работников милиции. Подойдя к мосту, увидела девочку, извлеченную из реки, которую она сразу опознала за ту, которую ранее видела с неизвестным мужчиной на трамвайной остановке». Она не знала, что девочка убита уже 2 дня назад, и решила, что её убили только что. Когда (уже в январе) её допрашивали, она точно не помнила дату, когда видела Закотнову с Чикатило, но знала, что это было за два дня до «скопления на Грушевском мосту», спросила, когда девочку убили, ей ответили, что 22-го, она вычла 2 и получила 20-е число. Просто Гуренкова считала, что убили в тот же день, когда нашли, и не сопоставила названную ею дату с её же словами о выходных. Обычное человеческое недоразумение. А в 1991 году ей показали календарь 1978 года и объяснили, что девочку убили вовсе не в тот же самый день, когда нашли, а на два дня раньше, и тогда она изменила дату в своих показаниях. (Но, к сожалению, Ростовский суд в своем Приговоре не объяснил, почему она изменила показания, и это послужило одним из поводов для Верховного суда, чтобы считать эпизод Закотновой «недоказанным»).

При проведении опознания Гуренкова среди других, предъявленных ей на опознание лиц, уверенно опознала Чикатило А.Р. за того мужчину, которого она видела вместе с Закотновой за два дня до обнаружения трупа на трамвайной остановке «Трампарк» (т. 58, л.д. 109–111).

«За два дня» – означало, что Гуренкова видела Чикатило с Закотновой непосредственно перед убийством последней.⁹⁰

В 1991 году А. Яндиеву не только удалось уточнить давние показания ряда свидетелей, но, что совершенно удивительно,⁹¹ даже добыть новые. Так в деле появились показания директора ГПТУ № 33 Андреева И.П.

Допрошенный в 1991 г. в качестве свидетеля Андреев И.П. показал, что после обнаружения трупа девочки в конце декабря 1978 г. к нему в кабинет зашел работник милиции в звании старшего лейтенанта, фамилию его он не помнит, который сообщил, что ищут человека, совершившего убийство девочки. В разговоре с ним работник милиции показал фоторобот человека и спросил его – не знает ли он этого человека. Он сразу сказал работнику милиции, что это Чикатило Андрей Романович. Фоторобот настолько точно был нарисован, что у него не было никакого сомнения, что это именно Чикатило. Работник милиции его предупредил, чтобы он об этом никому не говорил. Какой-либо документ, свидетельствующий о встрече работника милиции с директором ГПТУ в 1978 году и об опознании по фотороботу Чикатило до 1991 года, попросту не существовал, но теперь появился...

В материалах оперативно-розыскного дела наряду с другими документами по отработке Чикатило находился и рапорт оперуполномоченного Шахтинского УВД Файмана В.В. о том, что 27 декабря 1978 г. работниками милиции у дома № 25 по переулку Межевому, т.е. напротив дома № 26, принадлежащего Чикатило, были обнаружены и изъяты следы крови (т. 60, л.д. 21–23).

Допрошенный по существу этого рапорта Файман В.В. показал, что в первые дни после обнаружения трупа Закотновой он вместе с другими работниками делал подворный обход жилого массива, примыкавшего к месту обнаружения трупа. При этом возле дома № 25 они действительно обнаружили след крови, который при участии эксперта был изъят. По какой причине эта кровь не была исследована экспертным путем и почему в самом уголовном деле отсутствуют сведения об обнаружении этой крови, ему не известно. Тем не менее, хотя результатов экспертизы не было, но и факт обнаружения следов крови был трактован как доказательство вины Чикатило.⁹²

Остается поражаться, насколько схожи дело Кравченко 1978 г. и дело Чикатило 1991 г.⁹³ Удивительно, но как и в случае с доказательством вины Кравченко в убийстве Закотновой,

⁹⁰ В.Э.: Так и было.

⁹¹ В.Э.: Что же тут удивительного? В 1979 году линией Чикатило всерьез не занимались, а в 1991 – занялись очень серьезно. И опросить Андреева, директора училища, в котором когда-то работал Чикатило, – одно из первых естественных мероприятий.

⁹² Файман В.В., руководивший в 1978 г. группой розыска убийцы Закотновой, на судебном процессе 1992 г. дважды уточнил, что указанная кровь исследовалась, и специалисты пришли к выводу, что эта кровь принадлежала животному, а не человеку. – *прим. авт.* В.Э.: В Приговоре суда упоминаются только показания Файмана о том, что кровь не исследовалась; подобные уточнения о крови животных так не фигурируют. Допустим, судья их не заметил. Тогда возникает вопрос: так что же, собственно, показывал Файнман – что кровь не исследовалась (основной текст Свана и Приговор Ростовского суда), или что она исследовалась (примечание Свана, добавленное по формулировке из Определения Верховного суда)? Если кровь не исследовалась, то понятно, почему в деле нет бумаги; если же она исследовалась, то почему в материалах дела нет соответствующего акта о результатах исследования? Более правдоподобно все-таки выглядит картина, что кровь НЕ исследовалась и что это была кровь пораненной ножом Закотновой, пролившаяся, когда Чикатило ее выносил из дома (и, видимо, на время положил на землю, пока запирал свою хату). Кровь какого животного могла быть пролита на улице у дома Чикатило именно в то время, когда там убили Закотнову? Там что – еще и барана резали? Кровь животных тоже просто так на улицах не выплескивается.

⁹³ В.Э.: Остается поражаться, как можно не видеть, что эти два дела диаметрально противоположны. Кравченко не бежал по собственной инициативе в милицию с заявлением: «Это я убил Закотнову!». А Чикатило именно так и сделал. (И следователи поначалу даже не хотели ему верить). Попавший в «пресс-хату» Кравченко признавался, но при первой же возможности отзывал свои признания (много раз). А Чикатило не отзывал свои признания на протяжении всего следствия и до половины суда. И только потом вдруг отозвал – по причинам, явно не имеющим никакого отношения к правдивости прежних показаний. Какой был у Чикатило мотив по собственной инициативе брать это дело на себя, если он это убийство не

которое начиналось с подтасовки показаний свидетелей (жены и подруги) и проведения экспертизы пятна крови на свитере Кравченко, так и в случае с расследованием причастности Чикатило к данному убийству, мы видим до боли знакомый ход следствия – опять свидетелями уточняются (изменяются по сравнению с первоначальными показаниями) дата и время, опять фигурирует некое пятно крови, о происхождении, которой нет никаких определенных свидетельств. Но и в том и в другом случае столь неочевидные и противоречивые улики однозначно трактуются следствием как бесспорные доказательства вины наиболее «перспективного» на тот момент обвиняемого.

Итак, в 1991 году все утерянные материалы нашли, тщательно рассмотрели, даже добавили новые детали но... выходило, что первоначальные «чистосердечные» показания Чикатило, которые он дал следствию в ноябре 1990 года, не соответствуют вновь полученным материалам.

Если Вы внимательно читали перипетии дела Кравченко, то уже догадываетесь, каким образом развивалось следствие в 1991 году. Чикатило идет точно таким же путем, как за 12 лет до него Кравченко – наступает время уточнения показаний и следственных экспериментов.

Если в первых показаниях Чикатило утверждал, что убил Закотнову на пустыре у реки Грушевка путем удушения, и труп выбросил в реку и даже составил подробную схему места убийства, то последующие допросы носят характер ответов Чикатило на наводящие вопросы следователя, вытекающие из осмотра места происшествия и заключений экспертов. В частности, Чикатило последовательно соглашается, что помимо удушения руками он нанес девочке несколько ножевых ранений в область живота, затем указывает, что использовал шарф погибшей, чтобы завязать ей глаза.

В ходе дальнейшего расследования, подтверждая сам факт совершения убийства Закотновой и пытаясь объяснить совершение этого преступления случайным стечением обстоятельств, Чикатило местом убийства называл пустырь на берегу реки Грушевка, недалеко от его дома (т. 58, л.д. 1–5, 6–12, 13–14, 15–19, 20–24). Убедившись в том, что его показания о месте совершения убийства противоречат объективно установленным ранее обстоятельствам,⁹⁴ Чикатило во время его обследования комиссией экспертов-психиатров впервые заявил, что убийство Закотновой он совершил не на пустыре, а в принадлежавшем ему домике, куда привел ее обманном путем (т. 42, л.д. 229).

По поводу таких противоречий в его показаниях на допросе от 5.08.1991 г. Чикатило показал:

«...Убийство этой девочки у меня было первым преступлением, и я сам, без чьего-то напоминания искренне рассказал об обстоятельствах ее убийства. На момент моего задержания по настоящему делу следственные органы не могли знать, что это убийство совершено мною. После того, как я принял решение искренне рассказать о всех совершенных мною преступлениях, я решил рассказать всё с самого начала, т.е. с этого первого убийства, ибо именно после этого преступления я начал убивать другие свои жертвы. На первых допросах я не мог правдиво сказать о месте совершения убийства Закотновой, т.к. в это время члены моей семьи проживали в этом же г. Шахты, и если бы я сказал, что убил ее во флигеле, то жители этого города легко бы установили их и могли бы уничтожить мою семью.⁹⁵

Позже мне стало известно, что члены моей семьи поменяли фамилии и выехали из г. Шахты, и вот после этого я уже дал более правдивые показания о месте убийства этой девочки и сделал это даже с выходом на место в этот флигель...» (т. 40, л.д. 120–121; т. 58, л.д. 6–12).

совершал? Каков был мотив у следователей вешать на него это убийство и начать трудоемкую борьбу за отмену приговора Кравченко, если это дело было давно закончено и не имело никакого отношения к «Лесополосе)?

⁹⁴ В.Э.: А каким «объективно установленным ранее обстоятельствам» противоречила версия об убийстве на пустыре? – Никаким не противоречила. Просто с психиатрами Чикатило разговаривал более доверительно и откровенно, чем со следователем, вот и рассказал (намеренно или, скорее, просто проболтался), как было на самом деле. На самом деле он заранее договорился с Закотновой о встрече на трамвайной остановке, пообещав ей жвачку и имея цель заманить её в мазанку (которую для таких дел и приобрел). А следствию говорил, что встретил Закотнову случайно на улице и убил в приступе внезапно нашедшего безумия. (То есть – он подыгрывал своей тогдашней линии защиты: «я невменяемый псих! (а не расчетливый убийца!)»).

⁹⁵ В.Э.: Это явно надуманное объяснение, которое Чикатило пишет после того, как его застукали в том, что следствию он говорил одно, а врачам – другое. Подлинную причину, по которой он для следствия исказил дело, я уже назвал выше.

Весьма логичное объяснение, но возникает следующий вопрос – почему же Чикатило молчал до августа следующего года, не делая ни малейшей попытки исправить намеренно допущенные неточности и не упоминая об этом в течение целых 9 месяцев?

Трудно поверить, что в этом был особенный смысл, поскольку как только имя преступника просочилось в СМИ, а произошло это в начале 1991 года, его семья тут же помогла сменить фамилии и поменять место жительства (они переехали в Харьков). Трудно поверить и в то, что Чикатило всё это время опасался выезжать именно в Межевой переулок, поскольку это могло навлечь опасность на семью, хотя другие места преступлений, совершенных в том же городе Шахты, во время проведения следственных экспериментов посещал. Как только семья уехала в другой город, Чикатило мог сразу же облегчить душу признанием, однако этого не произошло. Почему же Андрею Романовичу нужно было дожидаться августа 1991 г., чтобы уточнить свои показания?

Напрашивается только один вывод – у Костоева до этого времени попросту не было достаточно четких, непротиворечивых показаний свидетелей и доказательств вины Чикатило, а соответственно представления о том, насколько соответствуют показания Чикатило обстоятельствам дела. Ведь надо учитывать, что Яндиев собирал по крупицам доказательства вины Чикатило в убийстве Закотновой никак не раньше лета 1991 года, потому что всю весну того года бригада колесила по стране, уточняя на следственных экспериментах обстоятельства совершения других пятидесяти с лишним убийств. Вот и пришлось сначала в срочном порядке изыскивать эти доказательства, а потом так же безотлагательно проводить следственный эксперимент в мазанке Чикатило, поскольку уже приходило время окончательно оформлять уголовное дело в целом.

Возникший цейтнот был обусловлен и тем, что перед написанием обвинительного заключения необходимо было передать Чикатило для психиатрической экспертизы в институт им. Сербского.

* * *

А тем временем серьезнейшая исследовательская работа следственной бригады Прокуратуры России, возглавляемой Иссой Костоевым, хотя и после долгой борьбы, принесла свои плоды. Когда в процессе следствия виновная причастность Чикатило к посягательству на Закотнову нашла доказательственное подтверждение, Прокуратура РСФСР внесла протест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. Представлялось ходатайство отменить приговор по делу А.П. Кравченко по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку найден истинный убийца.

Докладчик по делу член Верховного суда республики В.М. Ермилов поддержал протест, но ему пришлось писать особое мнение. Председательствующий Л.Я. Перепеченов и член суда Л.С. Чистякова не увидели в деле Кравченко никаких нарушений закона, поскольку обвиняемый признавал ранее вину, а наличие вновь открывшихся обстоятельств отрицали, объявив их «недоказанными».

Тогда Генеральный прокурор РСФСР С.Г. Степанков внес новый протест об отмене приговора по делу Кравченко, адресовав этот документ уже в Президиум Верховного Суда РСФСР. Протест вновь отклонили, посоветовав написать другой, не по вновь открывшимся обстоятельствам, а в порядке надзора. Эта судебная дипломатия вполне понятна: прокуратура не должна упоминать фамилию настоящего найденного убийцы, она просто по каким-то причинам решила вернуться к давно рассмотренному уголовному делу, где возможна «ошибка». Снова Генеральная прокуратура России внесла протест, посвященный анализу смертного приговора по делу Кравченко, без ссылок на показания арестованного Чикатило и другие доказательства, связанные с проверкой этих показаний.

Только на четвертый раз Президиум Верховного Суда РСФСР отменил приговор Ростовского областного суда Кравченко, и теперь можно было включить эпизод с убийством Лены Закотновой в обвинительное заключение по делу Чикатило. Но для этого Чикатило потребовалось в очередной раз уточнить свои показания, таким образом, окончательные показания об убийстве Е. Закотновой Чикатило дал только при предъявлении ему обвинения, на допросе 14 ноября 1991 года, т.е. фактически спустя год (!!!) после первых показаний.

«...Первое убийство, которое я совершил, – это убийство Закотновой Лены, совершенное 22 декабря 1978 г. В тот период меня неоднократно влекло к детям, появлялось какое-то стремление видеть их оголенные тела, половые органы, хотелось совершить половой акт, а потенция у меня в это время уже ослабла. Сказалось, видимо, еще и то, что когда я перебрался в г. Шахты и устроился

на работу в СГПТУ № 33, семья оставалась в Новошахтинске и какое-то время я вроде был как безнадзорный, скиталец, никому не нужный...

В тот период я часто бывал в центре, где всегда много детей, ходил к школам. Заходил прямо туда и всегда узнавал, где имеется туалет... А так как меня влекло больше к девочкам, старался быть ближе к женскому туалету, и когда никто не наблюдал, заходил туда и подглядывал за находившимися там детьми. Были случаи, когда меня заставляли за такими занятиями... Я тогда сразу уходил без лишнего шума...

Чтобы дети как-то шли со мной на контакт, я иногда покупал им жвачку, угощал их, чтобы только они какое-то время были со мной. Кому конкретно давал жвачки, я не запомнил, но знакомства на этой почве с детьми у меня возникали. С Закотновой получилось так. Я в этот день может часов в 17–18 из училища поехал в центр, к Шахтинскому универмагу... Потом решил проведать, в каком состоянии мой дом на пер. Межевой, 26...

...Я сейчас точно не помню – или я на трамвае от универмага поехал, или пошел пешком, но Закотнову я встретил именно на ул. Советской... Я, увидев ребенка одного на темной улице, по всей видимости, начал с того, почему она так поздно идет из школы...

Разговор у нас завязался. Из разговора я понял, что она то ли заходила к подруге своей, то ли идет к подруге. В районе остановки «Грушевский мост», когда мне надо было сворачивать с ул. Советской, девочка сказала, что хочет оправиться. Было холодно, и я ей сказал: пойдем ко мне, а потом вернешься к остановке и уедешь домой. То обстоятельство, что девочка была одна... меня начало возбуждать и хотелось удовлетворить свои половые потребности...

Мы зашли в мою мазанку. Я включил свет и как только закрыл дверь, сразу навалился на нее, подмяв под себя, и повалил на пол. Девочка испугалась, закричала, а я стал зажимать ей рот руками, срывать с нее нижнюю часть одежды, оголяя тело, расстегнул пальто. Она вырывалась, но против меня ничего не могла поделать, так как я лег на нее, прижав всем телом. Спустив с себя брюки, я стал водить половым членом по ее промежности, но эрекция полового члена не наступала, и мне не удавалось ввести его ей во влагалище. Но желание удовлетворить себя затмило весь мой рассудок, и мне хотелось любым путем совершить это... Ее крик возбудил меня еще больше. Лежа на ней и покачиваясь, как бы имитируя половой акт, я достал нож и стал наносить ей удары...

У меня произошло семявыделение... как это бывает при окончанном половом акте в естественной форме, я стал заталкивать ей сперму рукой во влагалище. Руками залез во внутрь половых органов, хотелось все рвать и трогать. Она хрипела, я ее душил, и это мне принесло какое-то облегчение. Когда я понял, что убил девочку, встал, оделся и решил избавиться от трупа. У нас в переулке было темно, решил одеть ее снова и труп отнести к пустырю (рядом с домом) и там выбросить в речку. Река имела быстрое течение, поэтому труп должно было унести. Так я и сделал, одел ее, взял подмышку, забрал с собой и ее портфель, и всё это вынес из дома. На пустыре труп бросил в воду и там же выбросил и портфель...

Видимо, в этом своем состоянии я забыл выключить свет в доме, так как когда обнаружили труп Закотновой и искали преступника, этот факт стал известен следственным органам. Меня вызывали в милицию, допрашивали, я отрицал свое участие в этом преступлении и мне поверили...

Вскоре уехал на курсы повышения квалификации, потом интересовался, чем всё расследование кончилось, как оно идет. Слышал, что за это убийство задержали какого-то мужчину...

Во время совершения преступления я шарфом завязал Закотновой глаза, так как мне было страшно видеть ее взгляд...» (т. 40, л.д. 220, 223–224).

Теперь, спустя год, после первых признаний, все детали событий, описываемых Чикатило, наконец-то были приведены в полное соответствие с имеющимися у следствия материалами. Совершенно очевидно, что Чикатило в точности повторил перипетии дела А. Кравченко, который также путался в своих показаниях, указывал не то место, не те обстоятельства убийства девочки, но в ходе следствия всё же пришел (точнее ему помогли прийти) к однозначному и устраивающему следствие ответу.

Но было и еще одно уточнение...

На допросе 19.11.1991 г. Чикатило дополнил свои показания, пояснив, что ножевые ранения Закотновой он нанес уже после манипуляций сексуального характера:

«...Приподнялся на колени и добил её, нанеся ей ранения в низ живота, когда она находилась в агонии...

Совершить половой акт я не мог в силу физиологических причин, поэтому я пальцами залазил в половые органы и прямую кишку, представляя, что я тем самым совершаю половой акт, и поэтому когда у меня произошло семяизвержение в промежности или на низ живота Закотновой, то сперма при помощи моих пальцев попала не только в половые органы, но и в прямую кишку» (т. 40, л.д. 244).

По иронии судьбы, последнее уточнение практически разрушало прежние доказательства, ведь, как мы помним, чтобы связать Чикатило со многими из вменяемых ему преступлений потребовалось придумать феномен парадоксального выделения, т.е. якобы кровь у него была второй группы, а выделения относились к четвертой группе. В то же время из материалов дела следовало, что в декабре 1978 г. при вскрытии трупа Закотновой в ее влагалище и прямой кишке обнаружена сперма, и при определении ее групповой принадлежности выявлены антигены «А» и «Н», т.е. сперма относится ко второй группе.⁹⁶ Таким образом, получалось, что при исследовании содержимого влагалища и прямой кишки потерпевшей не был выявлен антиген «В», который непременно должен был бы там оказаться со спермой Чикатило. Такой вывод экспертов фактически исключал происхождение спермы, обнаруженной у потерпевшей, от Чикатило. При таких данных вывод следствия, содержащийся в обвинительном заключении, о том, что во влагалище и прямой кишке Закотновой обнаружена сперма, происхождение которой от Чикатило не исключается, был необоснован.

Но удивительным образом все эти многочисленные противоречия не мешают бригаде Костоева включить этот эпизод в обвинительное заключение и считать его полностью доказанным.

* * *

Едва успев закончить расследование «преступления века» И. Костоев организует в центральных СМИ мощнейшую PR-кампанию. В конце 1991 – начале 1992 года одно за другим он дает громкие интервью «Литературной газете» (О. Чайковская «Монстр»)⁹⁷, «Огоньку» (Е. Журавская «Лесополоса»)⁹⁸, «Московской правде», где еще до официального оглашения приговора суда говорит о совершенном в 1978 году убийстве как о деле рук Чикатило и нещадно критикует действия своих недавних соратников по этому сложнейшему делу – ростовских коллег.

Прямая речь. Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РСФСР Исса Костоев:

Дело Чикатило было очень громким. Но, к сожалению, вокруг него возникло немало спекуляций. И даже скандалов. В частности, психиатр А. Бухановский, которого я пригласил на допрос, чтобы убедить Чикатило, будто его случай представляет огромный интерес для медицины (это понадобилось, чтобы установить с допрашиваемым контакт и заставить его сотрудничать со следствием), стал заявлять направо и налево, будто именно благодаря ему раскололся убийца. Более того, А. Бухановский утверждает, что якобы еще за пять лет до поимки Чикатило он составил психологический портрет преступника, по которому поймать его было бы, как говорится, раз плюнуть. Он же создал специальное общество «Феникс», которое занимается выявлением сексуальных маньяков. А позже затевал тяжбу с журналом «Огонек», раскритиковавшим его научные бдения в этом направлении.⁹⁹

И психиатр был не одинок. Кого только не представляли героями в борьбе с маньяком, в его задержании и разоблачении средства массовой информации! В их числе оказались даже те, по чьей вине более двух лет сидели невинные люди. И те, которые в 1984 году дали возможность Чикатило уйти от ответственности.

Публикации в московских изданиях, где Костоева представляли таким суперсыщиком, раскрывшим суперубийцу, серьезно заделали самолюбие многих коллег Костоева, которые работали с ним бок о бок на протяжении 5 лет, пытались раскрыть это запутанное дело. И это не удивительно: ведь нигде не было сказано ни одного доброго слова об огромной массе людей, участвовавших в операции. Получалось, что якобы всё делал один Костоев. А между тем на

⁹⁶ В.Э.: То есть, тогда просто сделали правильный анализ – без ошибок. (Видимо, потому, что была зима, и бактериальное загрязнение было минимальным).

⁹⁷ В.Э.: См. {CHKA4}.

⁹⁸ В.Э.: См. {CHKA4}.

⁹⁹ В 1994 году адвокат журнала «Огонек» Г. Резник представил Мосгорсуду полученное по его запросу заключение Научного центра психического здоровья, в котором давалась оценка работы Бухановского. В заключении указывалось, что Бухановский, пытаясь определить портрет предполагаемого маньяка, «часто выходит за пределы своей компетенции», и именно этим можно объяснить существенные огрехи ученого в определении психологического и физического портрета преступника, после чего суд отказал в иске Бухановского к журналу и направил дело на повторное рассмотрение – прим. авт.

момент задержания Чикатило в группе «Лесополоса» из 55 следователей милиции и прокуратуры 50 были донскими, сотни рядовых сотрудников исключительно местными.

В узком кругу недавние соратники Костоева говорили и о другом: почему начальник, который так требует от подчиненных, чтобы те блюли букву Закона, сам в то же время раздает направо и налево интервью, где рассказывает многие подробности расследования, которые до суда нельзя разглашать. Отсюда возникло мнение, что Костоев попросту не уверен в сделанном, готовит общественное мнение заранее, используя при этом свое служебное положение.

Вместе с тем, необходимо отметить, что И. Костоев возбудил дело по фактам нарушения законности, допущенным при расследовании уголовного дела по обвинению Кравченко. Как он утверждал, следствие велось необъективно, применяло психическое и физическое насилие. Доводы обвиняемых, высказанные на допросах, совершенно не проверялись. Их объяснения, что признаваться приходилось под воздействием милиции, безмотивно отклоняли. Прокуратура России возбудила уголовное дело в отношении тех, кто позволял себе таким образом «ломать» подследственных. Однако прокуратура Ростовской области дважды и прекращала его «за отсутствием состава преступления в действиях работников милиции».

Прямая речь. Старший советник юстиции Виталий Калюкин:

«Я не понимаю, почему возбудили уголовное преследование с таким необратимым опозданием, ведь это надо было сделать лет 10 назад, тем более, что нарушения по делу Кравченко были известны судам от областного до верховного. Лично, я расцениваю это не иначе, как стремление вылить только на донскую милицию ушат неприятностей. На нынешнюю, хотя никто из ныне работающих в ней руководителей лично причастен к тем далеким событиям не был. Причем, этак обезличенно, с намеками, центральная пресса с чьей-то подачи кивала и в сторону нынешнего начальника УВД генерал-майора Михаила Григорьевича Фетисова, который в те годы работал именно в Шахтах начальником одного из районных отделов милиции, который к расследованию убийства девочки и делу Кравченко вообще никакого отношения не имел. Но, как говорится, «слышали звон». И хотя представления не имеют, «где он», пишут, строят странные и обидные гипотезы... Что касается Фетисова, то я могу сказать еще определенной. Да, милицмейская работа, что и говорить, грубое занятие. И остаться интеллигентом, в полном смысле этого слова, не где-нибудь, а в уголовном розыске, с таким безупречным отношением к законности – это редкость. Поистине, «интеллигент в законе». Поэтому, окажись он в ситуации, сложившейся вокруг причастности Кравченко, Фетисов не допустил бы и малейшего отклонения от закона. Но он, повторяюсь, не имел отношения ни к розыску, ни к расследованию этого дела. И нам теперь приходится уточнять всё это не из пресловутой «чести мундира» наших служб, но ради обыкновенной справедливости.

Говорю это как человек нейтральный, на которого и поклепа никто пока не возводил и который к событиям 78-го года прямого отношения не имел. Мы же всегда горазды после драки кулаками махать. И когда раскроется преступление, тут только и выясняется, что действительно ходили где-то рядом. Поэтому я и встаю сейчас на защиту нашей милиции: те обвинения, которые ей сейчас пытаются так или иначе вменить, – несостоятельны. И шахтинский эпизод 78-го года, как у нас говорят, оценочный... Знаю доказательства по «делу Кравченко», знаю доказательства по «делу Чикатило» и должен сказать, что в последнем нет ничего, кроме его признаний. А то, что он рассказывает об обстоятельствах, то, во-первых, он уже путался в них, а во-вторых, он их мог и знать, поскольку даже жил неподалеку от места убийства. Не могу утверждать, что так оно и было, но вероятность эту со счетов сбрасывать не стоит».

Так, погрязнув во взаимных обвинениях и дразгах, вчерашние товарищи по общей уникальной операции ждали суда над Чикатило, который должен был расставить все точки над «i».

На одном из первых же судебных заседаний 21 апреля 1992 года происходит сенсация – Чикатило отказывается от своих показаний и не признает, что хоть как-то причастен к убийству Замотновой. Отречение от своего же признания Чикатило объяснил тем, что якобы следствие подsunуло ему обвинение оптом, все преступления вместе, в том числе и это. Хотя и протоколы допросов подписывал собственноручно, и обвинительное заключение изучал, и уже на судебном процессе все предъявленные обвинения признавал. Кто же, кроме него самого, знает, что повлияло на Чикатило столь роковым образом?

Костоев был в ярости. Он не сомневался, что ростовские власти заключили с Чикатило сделку, пригрозив тому, что если он не откажется от первого убийства, то в тюрьме с ним может что-то случиться, как, например, «случилось» с другим серийным убийцей Фефиловым, которого убили сокамерники в свердловской тюрьме.

Репортеры же вспомнили публикации в «Литературной газете» и «Огоньке», в которых Костоев безапелляционно провозглашал Чикатило виновным в Шахтинском убийстве. Стали строить догадки, дотошно расспрашивать коллег «знаменитого следователя и аса» И. Костоева, уточнять особенности и «делать открытия». Оказалось, например, что следственная бригада Прокуратуры России наполовину состояла всё же из лучших специалистов милиции, что первые признания Чикатило сделал отнюдь не на «мастерском допросе Костоева», а в доверительной беседе с психиатром Бухановским и т.д. и т.п. Короче говоря, легенду о супермене-следователе Костоеве, некогда созданную столичной прессой, теперь сама же пресса и принялась развенчивать своими догадками и сопоставлениями.

Тем не менее, на этом сенсации не закончились. Уже при оглашении обвинительного заключения по делу Чикатило один из двух гособвинителей А. Куюмджи заявил своему руководству, что отказывается поддерживать обвинение по эпизоду с убийством Закотновой, потому, что считает вину Чикатило в данном эпизоде недоказанной. Руководство пыталось припугнуть Куюмджи: ведь обвинение подписал лично Генпрокурор. Не удалось. Руководству пришлось выкручиваться: обвинение по этому эпизоду поддержал другой прокурор – А. Задорожный.

В то же время у стороны защиты имелись весьма веские доводы в невиновности Чикатило в данном преступлении.

Прямая речь. Адвокат М. Хабибуллин:

... Вернемся к первому шахтинскому эпизоду, в декабре 1978 года. Основа обвинения – признание на предварительном следствии, хотя сведения поначалу не совпадают с фактами в части способа совершения: не вспомнил о применении ножа. В дальнейшем противоречие было устранено, но вопрос и сомнение остались. В обвинительном заключении Чикатило охарактеризован как коварный и изощренный преступник. По мнению обвинения, он в общем плане был осведомлен о направлении следствия и принимал меры, чтобы скрыть свою причастность. Значит, хладнокровен, внимателен, с хорошей памятью. Мог ли забыть способ совершения первого преступления? Мог ли он забыть, что и как произошло, когда, по мнению обвинения, он впервые стал на страшный путь убийств?

Вообще показания Чикатило производят впечатление, что он равнодушно соглашается со всеми вариантами выясняемых следствием событий. Во время следственного эксперимента говорит, что вышел из трамвая и в переулке заметил идущую девочку (не на остановке, а в переулке). На очной ставке с Гуренковой подтверждает ее показания: девочку встретил на остановке, где стояла и Гуренкова. На допросе во время предъявления окончательного обвинения: увидел ребенка одного на темной улице.

О доказанности вины Чикатило, по мнению обвинения, свидетельствуют:

1. Результаты следственного эксперимента. Видеозапись его исследовалась судом. Предназначенная объективно подтвердить, она порождает серьезные сомнения в правдивости признания. При входе во двор домовладения по пер. Межевому, 26, он говорит, что была «землянка», теперь ее нет. То есть, получается, что вместо прежнего строения во дворе теперь другое строение. Тем не менее, все участники эксперимента входят в строение и продолжают проверку. Далее следователь спрашивает Чикатило, где он включал свет. Тот не может сказать, видимо, потому, что не знает, т.к. строение не то. А эксперимент продолжается. Но остается без ответа вопрос: то ли строение находилось во дворе по Межевому, 26, которое приобрел Чикатило? Если следственный эксперимент проведен в другом, то что он может подтвердить и какова в этом случае ценность признания?

2. Опознание по фотографии. Если допустить, что при опознании погибшей девочки по фотографии он находился в таком же состоянии равнодушной обреченности, как и при даче показаний, то и во время следственного эксперимента нельзя исключить как минимум возможности следственной ошибки.

3. Наконец – показания свидетеля Гуренковой. На первый взгляд, ее рассказ в суде – важное свидетельство против Чикатило, отрицающего свою вину. Так ли это в действительности?.. Ранний вечер самого короткого дня в году, уже темно. Одинокaя маленькая девочка на остановке. Девочку Гуренкова раньше видела и знала в лицо. Холодно, а трамвая нет. Одно естественное желание и у Гуренковой, и, наверно, у девочки – быстрее добраться домой. В круг освещения остановки входит мужчина и на глазах Гуренковой откровенно, но вежливо начинает приставать к девочке.¹⁰⁰

¹⁰⁰ В.Э.: Согласно свидетельству Гуренковой, зафиксированному в Приговоре (л.65), сначала на остановке «крутился» Чикатило один, «явно кого-то поджидая»; потом подошла девочка. Перед этим в тот же день и накануне (21 декабря) Закотнова говорила подругам (л.69), что она познакомилась с «дедом», который дает ей жвачку, показала эту жвачку и добавила, что она пойдет к этому «деду» сегодня опять и может попросить жвачку также и для подруг. Таким образом, по всей видимости, на остановку «Трампарк»

Мужчина, очевидно, для девочки посторонний, подошли они порознь, как говорит Гуренкова. Этот, что называется, тип улыбается, заговаривает с девочкой, боязливо поглядывая на Гуренкову. Девочка реагирует отчужденно, не отвечает. Он куда-то приглашает – она идти не хочет. Гуренкова, по ее словам, встревожена. Поведение мужчины ей кажется подозрительным и опасным для девочки. Сцена эта происходит довольно долго. Какая естественная реакция на такую ситуацию нормального взрослого человека? Оградить ребенка от приставаний, тем более, что мужчина страха не внушал, и отправить или проводить девочку домой. Ну, как минимум, посадить в трамвай. Гуренкова, тем не менее, позволяет увести девочку: поступает непонятно и неестественно. Теперь она говорит, что хорошо разглядела внешность мужчины, его одежду, обувь, их цвет, сумку в руках, бутылки вина в сумке, их количество. Она говорит, что мужчина был в осеннем пальто, воротник поднят или застегнут не был, но был ли на шее шарф, сказать не может. Гуренкова говорит, что на опознании не сразу указала на Чикатило потому, что напугалась его. Такое объяснение возможно. Но факт остается фактом, ему возможно и другое объяснение: не сразу указала потому, что не узнала. Анализ показаний Гуренковой приводит к выводу, что нельзя рассматривать как достоверный факт описанные ею события на остановке (этому мешает ее необъяснимое поведение). Мешает недоговоренность его описания, поведение на очной ставке, наличие у мужчины предметов, с которыми никто никогда его не видел: сумки с вином. Соседка по Межевому Сибирякова, все другие свидетели по делу говорят, что видели Чикатило всегда только с портфелем.¹⁰¹ И, наконец, нельзя считать фактом само присутствие Гуренковой на остановке трамвая 22 декабря 1978 года. Но об этом чуть позже.

...Собственноручное письменное признание своей вины. Аналогичные показания на допросе. Подтверждение показаний на месте. Опознание погибшей по фотографии. Обличающие показания свидетелей. Отказ в суде от признания в убийстве Лены Закотновой. Вот по такому пути сейчас идет мой подзащитный. Этот путь уже был однажды пройден человеком по имени Александр Кравченко. Он так же, как и Чикатило, писал признания, давал показания на следствии, подробно говорил о мотиве, способе и обстоятельствах совершения преступления. Как и Чикатило, во время следственного эксперимента, зафиксированного на фото пленку, подробно рассказывал о своих действиях и указывал место их совершения. По фотографии опознал погибшую. Против него так же свидетельствовали люди.

Давайте вспомним упоминаемых в этом деле, скажем, Каленика или Тяпкина. Ведь то же самое! Они до суда только не дошли. Мы тут слышим вывод обвинителей: только убийца может показать и знать точное место преступления. Каленик и Тяпкин показывали точное, и так же выходили на это место безошибочно. Те же аналогии орудий преступлений. Всё это уже было. И показания Гуренковой по делу Кравченко объективно укладывались в схему объяснений самого Кравченко. То есть, они были косвенным подтверждением вины Кравченко. В 1978 году в самое ближайшее время после гибели Лены Закотновой Гуренкова была допрошена следствием. И тогда она заявляла, что встреча на остановке с Леной произошла не 22 декабря 1978 года, а точно, говорит Гуренкова, 20 декабря. И не просто заявляла, но подробно объясняла, почему не может ошибиться: 21 декабря был выходной, а 20 декабря, я не могу ошибиться, несколько дней прошло, закончила работу в первую смену... Потому и нельзя считать фактом присутствие Гуренковой на остановке 22 декабря. И уж никак нельзя на основании ее показаний обвинять»¹⁰².

Несмотря на противоречивые и явно недостаточные доказательства вины Чикатило в убийстве Е. Закотновой 15 октября 1992 года при оглашении приговора Ростовский областной

Закотнова пришла специально для встречи с Чикатило (это была не её остановка; она жила на одну остановку дальше) и на остановке вела себя как знакомая Чикатило. Она только не хотела уходить с ним по Межевому переулку, о чем он её уговаривал (но в конце концов ушла).

¹⁰¹ В.Э.: Но 20 ноября 1990 г. задержали его с сумкой, а не с портфелем; сержант Рыбаков 6 ноября на станции «Лесхоз» видел его тоже с сумкой.

¹⁰² В.Э.: Адвокат должен же что-то говорить, а защищать Чикатило (!) дело явно неблагодарное. И то, что Хабибуллин говорит, в общем-то – пустой треп. (Он даже путает «землянку» с «мазанкой» и на этом основании выстраивает версию, что дом не тот! А перестраивался ли дом – это же очень легко установить и по документам – на любое строительство требовалось разрешение исполкома – и по свидетельствам соседей; хочешь выдвигать такую версию – ну так представь эти документы и эти свидетельства!). Для нас, когда мы хотим – для себя! – решить вопрос «Убивал Чикатило Закотнову или не убивал?» есть только один глобальный, кардинальный вопрос, поднимающийся высоко высоко над всем остальным: «ЗАЧЕМ ЧИКАТИЛО ПО СОБСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ ПРИЗНАВАЛСЯ В УБИЙСТВЕ ЗАКОТНОВОЙ, ЕСЛИ ОН ЭТО УБИЙСТВО НЕ СОВЕРШАЛ?». Тот, кто хочет оспорить вину Чикатило в данном убийстве, должен в первую очередь дать психологически достоверный и согласованный с фактами ответ на этот вопрос. И пока он такого ответа не дал, всё остальное – это просто пустая болтовня. А на этот кардинальный вопрос есть ТОЛЬКО один ответ: Чикатило убил Лену Закотнову.

суд признал Чикатило виновным в совершении этого и еще 51 убийств. Но и на этом история не закончилась.

В середине 1993 года приговор по делу Чикатило пришел на кассацию в Верховный суд РФ, где данный спорный эпизод отклонили как недоказанный.

(Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 30 июня 1993 г. по делу Чикатило А.Р.)¹⁰³

Как итог всей этой эпопеи, в настоящее время уголовное дело об убийстве Е. Закотновой выделено в отдельное производство и по сей день пылится в архиве Шахтинского межрайонного следственного отдела СУ СКП РФ по Ростовской области. И сейчас, так же, как 32 года назад, имя убийцы неизвестно...¹⁰⁴

9. Заключение. Мертвец (1992–1994)

– Я пришел сюда на собственные похороны, – сказал Мертвец, и опустил глаза, чтобы не видеть океана ненависти и презрения, окружающего его...

Пресса много и охотно писала о деле ростовского маньяка, задолго до начала судебных заседаний общественное мнение однозначно и безапелляционно признало его виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и, безусловно, заслуживающим смертной казни. Ажиотаж вокруг ужасных преступлений и монстра, их совершившего, распространился далеко за пределы границ распавшегося к тому времени Советского Союза. В Ростов к началу судебного процесса съехалось множество журналистов и репортеров, которые жаждали первыми поведать миру о подробностях сенсационного дела.

14 апреля 1992 года в день начала судебных заседаний зал суда, который был рассчитан на 250 человек, не мог вместить всех желающих быть свидетелями процесса века. Зал суда наполняли многочисленные конвоиры, родственники потерпевших. Жужжали телекамеры, щелкали фотоаппараты – начался ажиотаж вокруг «суперубийцы». Когда его ввели в зал, родственники погибших начали истошно кричать. Бритый наголо и без очков, Мертвец выглядел немного растерянным,¹⁰⁵ в его глазах горел какой-то безумный блеск. Видимо, вся эта атмосфера, а может быть, пришедшее к нему осознание безысходности повлекли его по несколько странному пути. Он начал откровенно и наивно прикидываться сумасшедшим, работать на публику, выкрикивая из своей клетки непристойности, распевал песни, устраивал стриптиз.

Он нашел поразительную аргументацию в оправдание своих злодеяний. Мертвец бубнил из-за всё плотнее закрывающейся крышки своего гроба, что общество должно... быть ему признательно (да, да, именно так!) за то, что он выполнил миссию некоего социального санитара, убивая бродяжек, проституток, психически больных и неблагополучных детей...

Ну, кто же всерьез будет слушать бредни мертвеца?! То, что он будет, в конце концов, признан виновным в убийствах и казнен, было неизбежным, но всё же существовал

¹⁰³ В.Э.: См. {CHKA4}.

¹⁰⁴ В.Э.: Имя убийцы-то известно... Я здесь хочу сказать о другом. Встреча с убийцей вообще-то событие довольно маловероятное. (Миллионы детей болтаются по вечерним улицам, но с ними ничего не происходит). Я, например, прожил на свете 65 лет, но никогда не встречался с убийством. Ни один человек, которого я лично знал бы, не был убит. Никто, кого я лично знал, не стал убийцей. Я никогда не видел ни жертв убийств, ни самих убийц иначе, чем по телевизору. Всё, связанное с убийствами для меня, это только «там»: в фильмах, газетах, книгах... (Самое близкое соприкосновение с убийством у меня: это в 1980-х годах у одного мужчины из нашего Института в 700 сотрудников убили жену: у них была машина, они нелегально подрабатывали в качестве «частного такси» – тогда это было запрещено – и вот, однажды вечером она ехала одна с работы домой и, видимо, подсадила «пассажиров»; потом нашли машину в кустах в Юрмале, а её – изнасилованную и убитую. Но я не был близко знаком с этим мужчиной, а его жену вообще никогда не видел). Так вот: на самом деле встреча с убийцей – явление довольно редкое. Однако бедной Лене Закотновой выпал этот несчастный жребий – её путь пересекся с путем Чикатило. Но этого мало: оказалось, что в самом ближайшем доме к тому месту, где её нашли, живет еще один убийца – Александр Кравченко. Уже перемножились две малые вероятности! (Это, в общем-то, и запутало тогда следствие). И теперь нас хотят убедить, что ни тот, ни другой из этих двух убийц, бывших рядом с местом её гибели в тот момент, не причастен к её смерти. Там, мол, находился ещё и ТРЕТИЙ убийца!

¹⁰⁵ В.Э.: Вот он – испуганный – на титульном листе {CHKA4}.

теоретический шанс, что его психологические проблемы помогут избежать такого итога судебного процесса. По мнению адвоката Марата Хабибулина, психиатрическая экспертиза, признавшая Чикатило вменяемым, была проведена не совсем грамотно. Однако все попытки адвоката вызвать новых независимых экспертов для психиатрической экспертизы не увенчались успехом. Судья Леонид Акубжанов отверг эти обвинения, заявив, что квалификация проводивших экспертизу психиатров не вызывает сомнения.

Судья Леонид Акубжанов

Хотя государственными обвинителями по этому делу значились А. Задорожный и Н. Герасименко, главным врагом Мертвеца на процессе стал судья Леонид Акубжанов, он задавал острые вопросы свидетелям и бросал оскорбительные комментарии в адрес заключенного, который в ответ на эти выпады устраивал свои спектакли с раздеванием и писал бесконечные жалобы, пытаясь сорвать процесс.

За всё время процесса никто не обратился к тому факту, что существовало несоответствие между группой крови в образцах спермы и группой крови подсудимого. Эксперты объяснили это редким явлением «парадоксального выделительства», но эта гипотеза была позже высмеяна во всем мире. Без независимых экспертов адвокат практически ничего не мог сделать, чтобы привлечь внимание суда к факту несоответствия групп крови Чикатило и спермы, найденной на жертвах. И судья, с его явным предубеждением против подсудимого, принял этот необычный анализ лаборатории судебно-медицинской экспертизы и его не менее необычное объяснение, как должное.

Родственники, которым и при жизни мертвец был не очень-то нужен, после его ареста изменили фамилии и место жительства. Никто из них ни во время процесса, ни после него контактов с подсудимым не искал...

Наступил август 1992 года. Защита подвела итог со своей стороны, говоря, что свидетельства, улики и психиатрические исследования были некорректны, а самого Чикатило принудили к признаниям. Обвинитель же повторил подробности каждого из преступлений, и потребовал смертной казни для обвиняемого.

Затем настал черед мертвого человека. Он был введен в зал суда и ему предоставили последнее слово. Но он молчал.

Судья взял два месяца, чтобы вынести окончательный приговор.

14 октября 1992 года, спустя шесть месяцев после начала судебного процесса, Л. Акубжанов объявил Андрея Чикатило виновным в пяти случаях развратных действий в

отношении несовершеннолетних и 52 убийствах, в том числе 21 мальчика (в возрасте от 8¹⁰⁶ до 16 лет), 14 девочек (от 9 до 17 лет) и 17 женщин. Чтение приговора заняло два дня.

(Полный текст приговора Ростовского областного суда от 14 октября 1992 г. по делу Чикатило А.Р.)¹⁰⁷

Приговор об исключительной мере все присутствовавшие в зале заседаний Ростовского областного суда встретили аплодисментами. Только мертвец, вопреки всему, никак не хотел признавать, что его никчемная жизнь подходит к концу. При оглашении приговора он кричал, что не признает себя виновным, что на следствии его пытали и пичкали наркотиками, облучали. Сразу же после того, как приговор был обнародован, его увезли в следственный изолятор СТ-3 Новочеркасска (почтовый ящик № 398). Мертвец стал смертником...

В тот же день председательствовавший на суде Леонид Акубжанов и начальник УВД Ростовской области генерал-майор милиции Михаил Фетисов провели пресс-конференцию. Акубжанов и Фетисов высоко оценили способности ростовского психиатра Александра Бухановского, который составил портрет убийцы еще до его поимки. Акубжанов, опираясь на заключение специалистов Института судебной психиатрии им. Сербского, повторил свое утверждение о том, что маньяк здоров. Бухановский, опираясь на собственный научный опыт, утверждал обратное. Несмотря на разницу во мнениях, всех присутствовавших поздравили с окончанием дела.

Судебный процесс века наконец-то отгремел, страсти вокруг Чикатило начали стихать, но вместе с тем началась борьба осужденного и его адвоката за отмену, как они считали, несправедливого решения Ростовского областного суда.

30 октября 1992 года адвокат Марат Хабибуллин направил в Верховный суд России кассационную жалобу, в которой высказывал несогласие с решением Ростовского областного суда и просил отменить смертный приговор своему подзащитному. Марат Хабибуллин заявил, что он располагает доводами, которые ставят под сомнение обоснованность вынесенного приговора. Доводы Хабибуллина сводились главным образом к тому, что психиатрическая экспертиза, признавшая Чикатило вменяемым, проводилась недостаточно ответственно и серьезно.

«Эксперты Института судебной психиатрии им. Сербского вынесли заключение за один день, не ознакомившись с материалами дела, не наблюдая за поведением Чикатило в суде, не участвуя в обсуждении дела в ходе судебного заседания. Поспешность, с которой была проведена экспертиза, была выгодна суду и преследовала только одну цель – создать видимость обоснованного научного заключения. То, что суд, доверяясь психиатрам, проигнорировал такие важные вопросы, как психическое состояние Чикатило и его взаимоотношения с обществом, совершенно недопустимо в столь незаурядном и общественно значимом деле», отметил адвокат.

Марат Хабибуллин

¹⁰⁶ В.Э.: От 6 лет. Игорю Гудкову было 6 лет, 7 месяцев и 14 дней, когда Чикатило его убил.

¹⁰⁷ В.Э.: См. {CHKA1}.

28 января 1993 года суд удовлетворил просьбу Чикатило и предоставил ему возможность ознакомиться со всеми протоколами судебного заседания. При желании протоколы можно было прочесть за неделю, но смертнику некуда было спешить, и ознакомление с документами заняло у него 2 месяца.

29 марта 1993 года Андрей Чикатило, обвиненный Ростовским судом в серии убийств женщин и детей на сексуальной почве, закончил читать протоколы судебного заседания, и к 3 апреля документы для вынесения окончательного решения по делу Чикатило (в числе которых было более 200 томов уголовного дела, протоколы судебных заседаний и приговор суда) поступили в Верховный суд России.

В течение двух месяцев работники Верховного суда России должны были ознакомиться со всеми томами дела и определить, отменить или же оставить в силе смертный приговор Андрею Чикатило.

Однако даже подтверждение смертного приговора Верховным судом еще не означало бы немедленного расстрела Чикатило. В новочеркасской тюрьме в то время сидели осужденные, ожидающие исполнения смертного приговора в течение 2–3 лет.

Сам же Чикатило, находящийся в Новочеркасской тюрьме, к тому времени уже около полугода усердно писал повесть о своем тяжком жизненном пути и выражал наивную надежду, на то, что умрет своей смертью.

(Письмо Андрея Чикатило в газету «Аргументы и факты»)¹⁰⁸

28 мая 1993 года Андрей Чикатило направил суду жалобу, в которой требовал пересмотра своего дела. Чикатило писал, что считает себя больным человеком и призывает суд направить его на лечение, а не расстреливать. Судья Леонид Акубжанов, под председательством которого судебная коллегия вынесла Чикатило приговор, в ответ на это заявил, что считает жалобу обычной для Чикатило попыткой вызвать к себе снисхождение. Приговоренный к смертной казни жаловался (уже не первый раз) на судью Леонида Акубжанова, считая, что тот вынес ему слишком строгий приговор.

«На самом же деле, – отметил Акубжанов, – Чикатило – хладнокровный и расчетливый садист, который в течение 12 лет безжалостно убивал женщин, мальчиков и девочек, а теперь обеспокоен собственной участью».

Окончательное решение по делу Чикатило должен был вынести Верховный суд России. Дата слушаний по делу была назначена на июнь.

30 июня 1993 года Верховный суд России оставил без удовлетворения кассационную жалобу сексуального маньяка Андрея Чикатило на смертный приговор, вынесенный ему Ростовским областным судом.

На суде Чикатило неоднократно менял свое поведение, то называя себя «зверем, заслуживающим смертной казни», то заявляя, что он – психически тяжелобольной человек, которого нужно не расстреливать, а лечить. Именно на последнем и настаивал приговоренный к смерти маньяк в кассационной жалобе на приговор Ростовского областного суда. Однако судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда России, опираясь на результаты судебно-медицинской экспертизы, признавшей Чикатило вменяемым, оставила приговор суда первой инстанции в силе, хотя и значительно уменьшив объем обвинений (из приговора Ростовского областного суда было исключено 9 эпизодов убийств).

(Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 30 июня 1993 г. по делу Чикатило А.Р.)¹⁰⁹

Но даже, несмотря на то, что Верховный суд подтвердил приговор Ростовского областного суда, сам приговоренный до последнего не верил, что его расстреляют. Он до конца боролся за свою жизнь, следил за здоровьем. В камере смертников Чикатило начинал утро с гимнастических упражнений: отжимался, прыгал на месте, делал мостик. И еще без конца писал жалобы на следователей и судью, требовал справедливости и просил снисхождения, учитывая тяжелые потрясения, перенесенные в период военного детства и отразившиеся впоследствии на его психике.

(Прошение Чикатило о помиловании)¹¹⁰

¹⁰⁸ В.Э.: См. {CHKA4}.

¹⁰⁹ В.Э.: См. {CHKA4}.

¹¹⁰ В.Э.: См. {CHKA4}.

Находясь уже практически на пороге своей смерти, Чикатило охотно давал интервью журналистам, иностранные съемочные группы, получив разрешение, делали уникальные кадры, запечатлевшие последние дни самого жуткого маньяка современности.

Свое самое последнее интервью Чикатило дал журналисту «Комсомольской правды» Владимиру Ладному в конце 1993 года.

Журналист обрисовал нам незатейливый быт приговоренного к смерти: камера невелика – два шага в ширину, четыре в длину. Чисто, аккуратно, опрятно, справа койка, слева двухъярусные нары, в общем можно бы жить и втроем, но больше одного тут никогда не бывает. Смерть – она для каждого одна. Снаружи за решеточкой небо голубое, а стены внутри синие-синие. Покрыты десятками слоев краски. Потому и надписей на них ни одной. Все – под слоями краски, последние «прости»...Если учесть, что стены эти самые стоят здесь с дореволюционного 1914 года, то, сколько же хранят они таких откровений?

Интервью

– К вам сюда кто-нибудь приходит? Родственники, жена, дети?

– Никто не приходит. Жена и все родные уехали, и мне не говорят куда. Не знаю почему. Никто не хочет навестить.

Насчет «никто не хочет» – натяжка. Родственники действительно скрылись, сменив фамилии, боясь самосуда потерпевших. Официальный же интерес к Чикатило огромен. Ученые десятков стран мечтают изучать этот феномен. Сотни заявлений от журналистов для того, чтобы взять у маньяка интервью. Однако после вступления приговора в силу прессе отказывают наотрез. Да и персонал бунтует. Тех, кто работает со смертниками, не должны знать в лицо.

Камер тут немало. Справа и слева – по дюжине. И восемь из них заселены. Цифру эту мы обнародуем впервые в истории тюрьмы – дабы пресечь слухи. Восемь смертников живут сегодня на этом этаже безвылазно, выходя из своих камер лишь раз в неделю на прогулку. Месяцами, а то и годами они не видят никого, и, когда в коридоре раздаются шаги, смертники всегда замирают: к кому? Шаги эти – единственная надежда на связь с внешним миром. Но охранники смыкаются у двери № 33. По очереди звякают замки – электрические, накладные, внутренние. И вот – мы за массивной дверью.

Кто-то пускал слухи, что «кончили» Чикатило? Вот он, жив-здоров и отлично выглядит, высок и строен, только взгляд через круглые очки мрачен, да костюм портит дело: не обычная черная тюремная роба, и не та, в какой ходят «полосатики» в зонах особого режима. Его широкополосные сине-голубые штаны да куртка – спецодежда смертника.

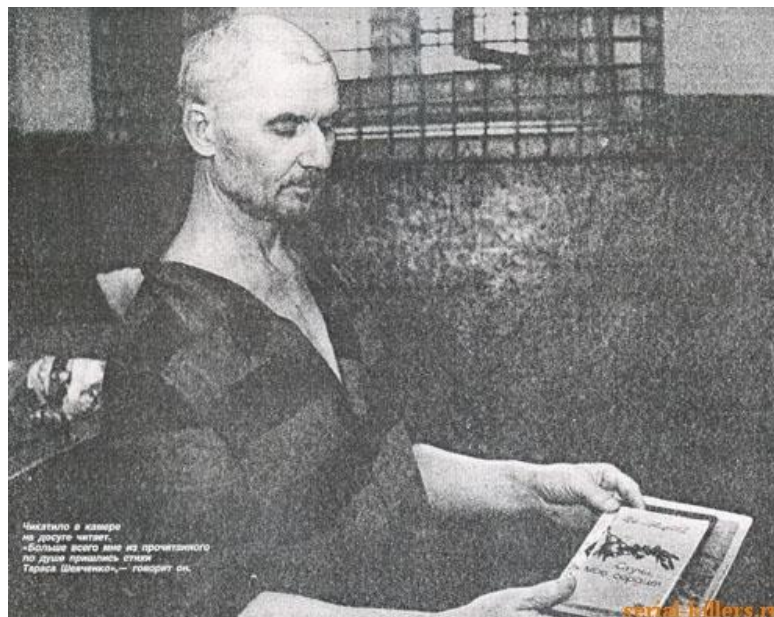
Интервью

– Как с вами обращаются?

– Хорошо. Уважительно. Чего ж – нормально.

– Как кормят?

- Да мне что, я привыкший уже – всю жизнь по командировкам, по уралам да сибирям всяким. Мне что ни поешь. А тут рыба, овощи. Сижу, читаю.
- А что сейчас читаете, Андрей Романович?
- Сейчас Николая Островского (протягивает мне томик). Да всякие вот выдает тюрьма, видите. (Поднимает занавеску и показывает сложенные за ней полтора десятка книг).

Чикатило в камере смертников

...В Ростовской области убийств совершается по несколько ежесуточно. Исключительную меру не получает за это нынче почти никто. Сегодня, чтобы попасть на этот «смертный» этаж, действительно нужно многократно совершить такое, чего не увидишь и в фильмах ужасов. Однако и отсюда существует путь назад.

Интервью

- Верховный суд утвердил приговор?
- Да, то есть, как утвердил – снял часть статей. Так я ж подал апелляции и в Президиум ВС, и генпрокурору подал, и адвокат мой доказал же, что всё нормально. Они там, в следствии, навешали на меня трупы со всего Союза. Все группы крови подогнали, вторую – крови, четвертую – спермы. Для отчета. Да я уже в суд всё это писал, я их покритиковал за это. А они меня весь суд в карцере продержали.
- Вы пишете апелляции, значит, надеетесь на помилование?
- Да я уже так, отстраненно, где-то не на земле, а выше, у Бога, что ли. Во Вселенной где-то, смотрю на всё оттуда. Я уже выше всего этого.
- Вы верите в Бога?
- Да так, средне. Надеюсь.

У Чикатило действительно отвели часть эпизодов, в том числе тот, по которому уже расстреляли невиновного – Кравченко: Верховный суд редко признает свои ошибки. Но остались смертные приговоры по УК трех республик – Украины, России, Узбекистана.¹¹¹ Однако надеются все в этих стенах. И не напрасно. Особенно в последние пару лет, когда Президент России был в этом плане необыкновенно добр, не утверждая ни одной смерти, и «клиенты» долгие годы ждали своей участи. Нынче процесс пошел. Но...

- Мои подсудимые, бывало по четыре года сидели «под вышкой» за преступления, аналогичные тому, что совершил Чикатило, – рассказывает председательствовавший по делу «убийцы века» судья Леонид Акубжанов. – Ровно столько просидел Геннадий Бейсов, который насиловал девушек, а затем разрывал им половые органы и душил. Приговор прошел все инстанции, а с верхней пришлось помилование, замена на пожизненное заключение.
- А с пожизненным есть шанс выйти на свободу?

¹¹¹ В.Э.: Остались только по УК России.

– В России всё может быть. Придут новые политики, проявят гуманность. По качеству убийств Бейсов – тот же Чикатило, только по молодости успел он наубивать меньше, остановили. Эта самая молодость и является основанием для помилования. И дает шанс выйти на волю еще достаточно молодым и сильным... А вот Константин Черемухин, я вынес ему смертный приговор 3 ноября 1989 года. Он насиловал девочек, а затем некоторых тоже душил, одну утопил, одну забил отверткой. Приговор привели в исполнение несколько дней назад. Да и то потому, что президент еще в 1991 году вынес отказ в помиловании, просто исполнение приговора было приостановлено на два года. А нынче-то всех милуют.

С нашей газетой судья Леонид Борисович Акубжанов дружит давно. Все номера Комсомолки с 1984 года подшивает и бережно хранит дома – набралась солидная коллекция: 2 стопки от пола до потолка. У судьи однокомнатная квартира в соседнем городе, откуда он ежедневно электричкой едет в Ростов на работу.

То ли дело Чикатило. Его сослуживцы по НЭВЗ с некоторой завистью рассказывают, какую шикарную квартиру он получил от завода. А его коллеги по Ростовнеруду перечисляли массу его других производственных премий. «Ну что же, на работе он был корректен, обходителен с сотрудниками, всегда скажет спасибо, до свидания. Разве что не слишком общителен», – говорит Тамара Алексеевна, четыре года подряд выписывавшая Чикатило командировки. Те самые в которые он ездил убивать...

Интервью

– Вы требовали психиатра?

– Надо психиатра, да, а то Бухановский только со мной нормально и говорил, а его выгнали из суда как вредителя какого, и на меня давить стали: ты всё брешешь, мол всё брехня, мол подпиши, да подпиши. Мол я уникальный злодей какой-то.

– Вы еще адвоката вызывали?

– Да, я писал адвокату и прокурору областному: продайте мою хату шахтинскую на площади Свердлова. И землю тоже, землю теперь можно продавать, а там бродяги всякие собирались еще при мне, и сейчас оккупируют ее и крысы. Замуровала мою хату мафия сирийская. Адвокат всё не находит времени ее продать ...

– На что вы хотите использовать вырученные деньги?

– Ну, на тюрьму перевести их хочу. И пусть хорошая тюрьма. Ну, и себе покушать. Килограмм халвы, кило печенья, пряников разных.

Убийств на счету Андрея Романовича более полусотни, на протяжении 12 лет он вел настоящую охоту на людей, всегда имея при себе принадлежности – нож, веревки, молоток. «Завидовал, – объяснял он потом. – Обидно, что я, человек с высшим образованием, знающий наизусть имена генсеков компартий всех стран, в половом отношении слабее всех этих двоечников и прогульщиков». Он завидовал и отрывал мальчикам половые органы, не случайно два мужских трупа его жертв экспертиза сначала сочла женскими.¹¹² И лишь его собственные показания прояснили дело. Завидует он и членам ГКЧП, у которых в тюрьме было по два адвоката.

А психиатры, которых он зовет, – так их десятки уже тут перебивало. Все экспертизы, включая ведущий состав ВНИИ общей и судебной психиатрии имени Сербского, признали его совершенно¹¹³

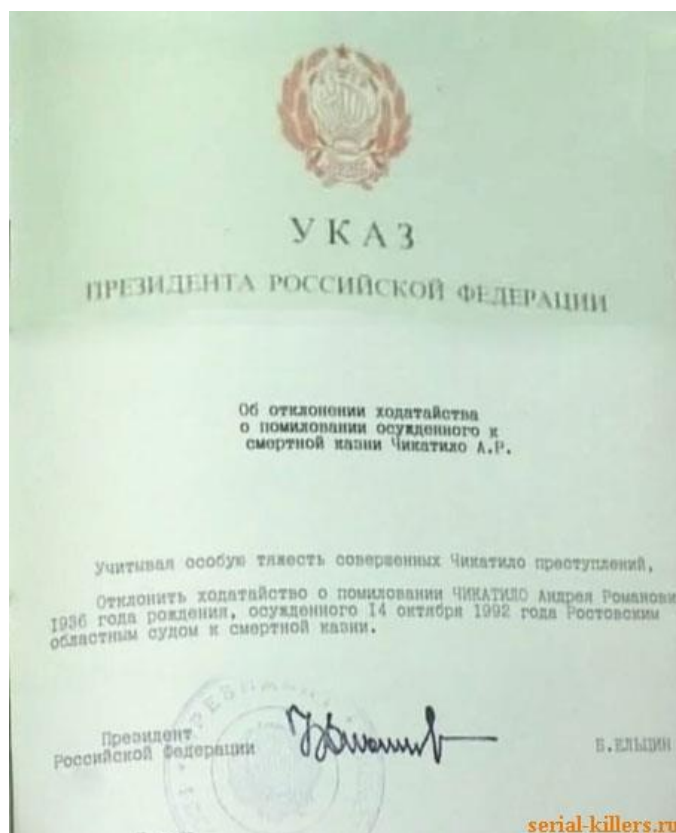
– Психопат, как и миллионы россиян, – говорит судья Леонид Акубжанов. – Состояние плохое, но не болезненное. У него железная выдержка, логика, стальные нервы. Он ни разу не ошибся в конспирации. Ни одной жертве не предоставил ни одного шанса вырваться, остаться в живых. Хотя многие были сильными, крепкими парнями-старшеклассниками. 12 лет водил за нос всю милицию Северного Кавказа! Ни разу не оставил ни одного своего следа на месте преступления. Серость в повседневной жизни, но гениальный преступник.

Это теперь он утверждает, что, когда входил в лес, его трясло, шатало. Ничего подобного: ведь не боялся его никто, шли вместе, болтали. И, выходя из леса, шутил с грибниками, с прохожими, с милицией. Мило пообщался с мамой Леши Хоботова, которая ездила по электрич-

¹¹² В.Э.: Не поэтому.

¹¹³ В.Э.: здоровым?

кам с фотографией пропавшего сына.¹¹⁴ Посмотрел вместе с другими пассажирами фото, сочувственно развел руками: нет, не признаю. И, глядя на уходящую мать, вспоминал, как на днях еще живому Леше откусывал язык.

Указ Бориса Ельцина

Интервью

– Андрей Романович, как вы оцениваете то, что совершали?

– А что я мог? Вся страна бешеная. Я должен был стать большим политиком, хотел бы. Что правительство делает, что люди делают, гляньте. Сколько зла. Все воюют, делят территории, общего языка не найдут, конца краю не видно. Неуправляемые процессы уже пошли, национальные конфликты, неуправляемая уже страна.

– Но и вы убивали?

– Я боролся. Я еще в секретариат обкома партии жалобы писал, и в администрацию, три тома жалоб, так их там, как всегда, оставили без внимания, так и не проанализировали мои жалобы, мои воззвания, прокламации мои. Я же писал там программу, не услышали, вот я и боролся, как мог, сам. Я с жуликами всякими сражался, бродягами, от опустившихся, от спидоносцев всяких мир очищал!

Он решал, кому жить, брал на себя роль высшего судьи. Роль, которую даже после всего случившегося наше государство взять на себя не решается. Своих-то не трогал, жену, у которой был полностью «под каблуком», любовниц, которых при этом имел немало, – даже с родственницей жены умудрялся спать. Не трогал дочку, сына, внучат и еще новых детей хотел иметь. «Очень я детей люблю: да только жена всё время абортывала», – жаловался он.

Насчет очищения мира врет. Среди его жертв – умницы, отличники, скромные, добрые и отзывчивые. Им неудобно было отказать, когда благообразный мужчина просил их показать дорогу, помочь. Да что там дети, если бывалые оперативники отпустили его, не решившись взять нужные анализы. «Такой интеллигент, в шляпе, в очках, с портфелем, – говорил мне один из них. Вы представляете, что такое взять анализ спермы у члена партии с 24-летним стажем! Это же ужасно унижительный процесс. Это всего-то три раза и делалось за всё время розыска, а проверялись более 200 тысяч человек, одних только водителей на группу крови – 160 тысяч».

¹¹⁴ В.Э.: Ср. {CHKA1} D44.

Проверялись в регионе все владельцы автомобилей, видеотехники, работники железной дороги, культурно-просветительных, спортивных учреждений, военные...

Дело прошлое. Хотя... Вот что страшно: с арестом Чикатило подобных преступлений в регионе не стало меньше. В обстановке социальной неустроенности, политических распрей, экономического развала обвально растет здесь число зверских убийств, именуемых на языке УК «немотивированными». Только верно ли, что нет у них мотива? Может, мотив этот не личностный, а социальный?

На воле, впрочем, происходит нынче то же самое.

...Чикатило читает книжки и надеется на лучшую участь. Он не дурак. Он знает: власти в нашем государстве всегда были беспощадны, когда дело касалось политического покушения на них самих. Зато в это же время власти наши по отношению к уголовникам, орудующим внизу общественной пирамиды, проявляют чудеса гуманизма.

14.01–21.01.1994. Комсомольская правда

* * *

По некоторым сведениям, исполнение приговора ускорило именно эта публикация в «Комсомольской правде». В газете высказывалась мысль, что смертный приговор над маньяком не будет исполнен. Это предположение, по утверждению заслуживающего доверия источника, побудило Президента РФ на незамедлительное подписание указа об отказе в ходатайстве Чикатило о его помиловании.

Внимание! В одном из кадров показана голова с кровью — это не Чикатило. Кадров расстрела Чикатило в этом видеофрагменте нет.

14 февраля 1994 г. А.Р. Чикатило казнили, но, пожалуй, окончательная точка в этом деле не поставлена до сих пор.

Суд, который должен был дать четкие ответы на все спорные вопросы в деле Чикатило и сделать всё, чтобы стереть это имя из людской памяти, напротив, открыл ящик Пандоры. Многие противоречия так и не получили однозначной трактовки. На протяжении уже более чем двух десятилетий высказываются диаметрально противоположные точки зрения по вопросу вменяемости Чикатило, результатов судебно-медицинских экспертиз и др. Как известно, десять эпизодов было исключено из обвинительного заключения Чикатило Верховным судом,¹¹⁵ но судя по всему, так никогда и не будет достоверно установлено, кто виновен в этих преступлениях.¹¹⁶

¹¹⁵ В.Э.: Один эпизод Областным судом и девять эпизодов Верховным судом.

¹¹⁶ В.Э.: То, что эпизоды исключены, не означает, что Чикатило не виновен — даже по юридическим канонам (не говоря о просто логике). Есть разница между понятиями «Он не делал этого» и «Не доказано»,

Чикатило не умер после расстрела, он стал мифом, растиражированным в многочисленных статьях, книгах и фильмах, которые порой очень далеки от истины. К сожалению, ростовский маньяк и все те ужасные злодеяния, которые связаны с делом «Лесополоса», обречены возродиться вновь и вновь на страницах прессы и экранах ТВ до тех пор, пока мы не услышим правду из уст главных действующих лиц этого противоречивого расследования.¹¹⁷

что он делал это». Исключение эпизодов означает, что (по мнению соответствующего суда) имеет место второе, но не первое.

¹¹⁷ В.Э.: А нет тут никакой еще только ожидаемой правды и нет особых противоречий в расследовании. ПРАВДА, какая она нам вообще может быть доступна, уже высказана в Приговоре Ростовского областного суда {CHKA1}. Это КАНОН – это ЭТАЛОН правды о Чикатило. (Определение Верховного суда – ерунда). За очень ничтожными поправками решение судьи Леонида Акубжанова и его товарищей по Судебной Коллегии представляет собой ТОЧНЫЙ, ВЫВЕРЕННЫЙ, ПРАВИЛЬНЫЙ и СПРАВЕДЛИВЫЙ вердикт.

Сван. Биография А.Р. Чикатило

Автор – Сван

Часть 1. Детство. Отрочество. Юность

Андрей Романович Чикатило родился 16 октября 1936 года в селе Яблочное Ахтырского района Сумской области Украинской ССР. Родителям к моменту его рождения было более 30 лет. Андрей описывал отца как тихого, скромного человека. Он часто рассказывал сыну о войне, о том, как он был в концлагере, при этом плакал. Говоря о матери, Чикатило вспоминал, что ей зачастую не удавалось уделять достаточно времени своим детям, все ее помыслы были направлены на то, чтобы хоть как-то обеспечить их выживание.

И это не является преувеличением, поскольку на долю молодой семьи выпали тяжелейшие испытания в истории страны – это и периоды массового голода 1932–1933 гг. и 1946–1947 гг., и, конечно же, Великая отечественная война. В начале войны на фронт уходит отец Чикатило, мать же с Андреем с 1941 по 1943 год остаются жить на оккупированной фашистами территории. По мнению А. Корчинского, автора интервью с сыном А. Чикатило – Юрием, не исключено, что в возрасте 6–7 лет Андрей мог стать свидетелем изнасилования своей матери немецким солдатом. Хотя никаких подтверждений из других источников этому не удастся найти, свои предположения корреспондент строит на том, что в 1943 году у Андрея Чикатило родилась сестра Татьяна. При этом очевидно, что отец, находившийся в ту пору на фронте, не мог быть отцом девочки. Так ли это было на самом деле, сказать сложно. Во всяком случае, сам Андрей Романович рассказывая об ужасах войны, о таком факте никогда не упоминал.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

Помню ужасы детских лет, когда мы прятались от бомбежки и стрельбы в подвалах, карьерах, голодные и холодные сидели в канавах; перебежки под свист пуль; помню, как горела родная хата, и зверства фашистов.

Как он вспоминал позже, однажды через село проходил отряд красноармейцев: молодые, в новом обмундировании они шли принять смертный бой на окраине села. После боя маленький мальчик стал свидетелем совсем другой картины. Он видел тех же самых солдат, что и днем ранее, но теперь они все были мертвы, многие тела окровавлены, изувечены, без рук или ног. Эта картина надолго врезалась ему в память.

Отец Чикатило избежал подобной участи. Он не погиб на фронте, не стал инвалидом, хотя его судьбу сложно назвать счастливой. Вырвавшись из окружения, он ушел в партизанский отряд. Какое-то время партизанил, совершал боевые акции против оккупантов. Потом попал в плен. Работал у немцев в шахте. Его освободили американцы. После освобождения подвергся репрессиям, так как, по сталинским канонам, мог работать на немецкую и на американскую разведку. Его направили на лесоразработки в Коми АССР, затем – в Чувашию.

Так семья осталась без кормильца в самый тяжелый период массового голода 1946–47 гг., который имел особенно тяжелые последствия в Украинской ССР. Исследователи этого периода советской истории так описывают сложившееся положение:

Дефицит продовольствия в 1946 г. привел к тому, что государство сняло с продовольственного пайка практически всё сельское население (100 млн. человек), которому предлагалось выживать исключительно за счет собственного подсобного хозяйства. Однако из-за директив по максимизации хлебозаготовок, в 8 % колхозов оплата трудодней зерном была прекращена, а большинство остальных выдавало не более 1 кг зерна в день. Денежная оплата труда в 30 % хозяйств не осуществлялась, поэтому приобрести продовольствие за деньги люди там также не могли. При этом в сентябре 1946 г. цены на хлеб в государственных магазинах были повышены

вдвое. О масштабах голода говорят такие цифры: к весне 1947 г. в одной только Воронежской области число больных с диагнозом «дистрофия» составляло 250 тыс. человек, всего по РСФСР – 600 тыс., на Украине – более 800 тыс., в Молдавии – более 300 тыс. Таким образом, не менее 1,7 млн человек в СССР числились «официально голодающими», смертность от дистрофии достигала 10 % от общего числа людей, которым был поставлен этот диагноз. Особенно высокой была детская смертность, в начале 1947 г. составлявшая до 20 % общего числа умерших. Население находилось в ужаснейшем положении, в ряде областей Украины и Черноземья были отмечены случаи каннибализма.

Понимая, что каннибализм становится реальностью жизни в голодное время, мать пыталась предостеречь своих маленьких детей от этой опасности. Она рассказывала Андрею, что во время Голодомора 1933 года его старшего брата Степана якобы похитили и съели обезумевшие от голода люди. Этот рассказ произвел должное впечатление на маленького Андрея, и он не выходил из дома, опасаясь, что его, как и брата, тоже могут поймать и съесть.

Для понимания личности Чикатило тот факт, что ему еще с ранних лет было известно, что его старший брат был съеден голодающими, имеет чрезвычайно важное значение. Съедение человека было для него реальностью, а не абстракцией, как для подавляющего большинства людей. То, что до него дошло в рассказе, не играет существенной роли, поскольку поведали ему об этом отец и мать, к тому же о родном брате. Можно полагать, что это прочно осело в его психике и во многом направляло поступки, хотя он не отдавал себе в этом отчета. К тому же в детские, наиболее восприимчивые годы он вообще видел много покойников и смертей, и смерть давно стала для него чем-то близким и понятным.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

Я помню голод после войны, я помню покойников. Вспоминаю, как с ужасом увидел, как увозили по улице умерших от голода – без гробов, замотанных в тряпки, как услышал разговоры о людоедстве... Я был пухлый от голода вместе с матерью и сестричкой. Мы с сестричкой ползали по траве, ели «калачики», ревели и выглядывали маму с колхозного поля, когда она принесет нам кусок черного хлеба.

Естественно, у него формируется и страх быть уничтоженным, вполне реальная опасность за себя, иными словами – страх смерти. Подобный страх почти всегда бессознателен, но он создает личностную диспозицию, определенное видение мира, свою философию, причем начинает всё это формироваться с детских лет при отсутствии чувства безопасности в случаях непринятия другими людьми, прежде всего, родителями. В этой связи следует подчеркнуть, что вся его последующая жизнь только укрепляла этот страх, поскольку состояла из непрерывной череды унижений, побоев, сексуального насилия, отчуждения от людей.

Гораздо позже, в 1990–92 гг. все эти призраки прошлого вновь воскреснут в рассказах Чикатило, он будет постоянно возвращаться к этим трагическим страницам своей биографии и в разговорах со следователями, занимавшимися расследованием его преступлений, и во время проведения судебно-психиатрической экспертизы, и во время интервью с журналистами.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

В сентябре 1944 года я пошел в 1 класс, голодный и оборванный. В школе от голодных обмороков я падал под парту. Ходил в лохмотьях. Был предметом насмешек и не мог защититься. Был слишком стеснительным, робким, застенчивым. Если у меня в классе не было ручки или чернил, я просто сидел за партой и плакал. Иногда ученики говорили об этом учительнице. Та удивлялась: «Да что, у Андрея нет языка?!» Если мне надо было в туалет – я боялся отпроситься.

Я плохо видел написанное на доске – врожденная близорукость, сейчас у меня очки: –4,0. Я боялся спросить, что написано на доске, плохо различал – нервничал, плакал. Очков у нас и не было в те годы, нас не проверяли на зрение, а потом с возрастом боялся клички «очкарик». Очки я стал носить только с тридцати лет, когда женился.

Так как в школе я не усваивал материал со слов учителя – по рассеянности, а с доски – по слепоте, то усиленно занимался дома самостоятельно, по учебникам. Так появились у меня скрытность, уединенность, отчужденность.

...всю жизнь меня унижали, топтали, я отчаялся, я бесхарактерный, не мог защититься от ребят. Они меня били из-за моей неуклюжести, замедленности действий, рассеянности, называли растяпой, размазней, бабой, не мог я дать им сдачи. Слезы обиды душили меня всю жизнь. Я стеснялся даже того, что появился на свет. Помню, прятался в бурьяне, пока не придет мать.

...с мамой отношения нормальные, в общем хорошие. Она никогда не наказывала, но и не ласкала, да и какие там ласки, когда на работе от зари до зари. Тогда все от голода вымирали, так что главная ласка был кусок хлеба.

...Отец тихий, скромный, я больше похож на него.. Я молился богу, чтобы отец побыстрее вернулся из ссылки (после плена) и защитил меня. Вспоминаю, как в те годы, в холодной хате – каждый раз, когда оставался в одиночестве, – становился на колени перед иконой в углу и молился: «Господи, верни мне папу!» И в 1949 году мой отец вернулся с войны. Больной, с туберкулезом легких, харкал кровью, лежал, стонал. Нужно было хорошее питание, а его не было. У матери тоже были частые головные боли, но в колхозе не лечили. И не знали болезней в то время. Он защищал меня, но не очень, поэтому я старался не выходить на улицу...

Как видно из этого рассказа, с детства Чикатило был робким, замкнутым, стеснительным, близких друзей не имел, отличался мечтательностью, впечатлительностью и склонностью к фантазированию. Андрей был слаб и неуклюж, вдобавок ко всему у него был целый букет физических недостатков, из-за которых он сильно переживал, как, например, упоминавшаяся в рассказе Чикатило близорукость, кроме того, известно, что до 12 лет он страдал ночным энурезом. Самостоятельно он был не способен защитить себя, что его сверстники чувствовали еще в детстве. В то же время его совсем не защищали родители. Отец был «тихий, скромный», в нем Чикатило не мог найти даже психологическую опору. Мать, как можно заключить из его рассказа, занимала вроде как нейтральную позицию – не наказывала, но и не ласкала, а это позволяет предполагать ее равнодушие к сыну, что, конечно, было губительно для ребенка, особенно если его злобно преследовали другие мальчишки. Как отмечает Ю.М. Антонян: *«Могут возразить, что в те суровые годы кусок хлеба был важнее материнской ласки, но с этим нельзя согласиться ни в коем случае, поскольку родительская любовь особенно нужна, поистине жизненно необходима как раз в тяжелые времена».*

Школа, в которой учился А. Чикатило

Изучая отношения в подобных семьях, психиатр А.О. Бухановский ввел в науку термин «матери Чикатило», которых он описывает как жестоких женщин с властным характером и ярко выраженной ролью семейного лидера, часто одиноких или унижающих своих мужей, оттесняющих их на периферию воспитания сына. Нередко у таких отцов эпизодически «просыпается раж воспитания» – жестко-жестокое – фактически они на ребенке срываю свою униженность в семье. У сыновей таких матерей детские годы, когда коммуникация со сверстниками жизненно необходима для формирования будущей личности, проходят под строжайшим контролем и запретом на все «внеслужебные» контакты. Трагический дефицит общения со сверстниками, родительской любви и ласки, постоянное отсутствие положительных эмоций, неумение понять и выразить самого себя способствуют необратимым изменениям личности. Отсюда неспособность к симпатии, к общению с другими людьми, неумение быть привязанным, любить, сопереживать. Эти дети не умеют защитить себя ни в моральном, ни в физическом плане, прячутся от действительности в мир необычных жестоких фантазий.

Другой специалист, непосредственно контактировавший с Чикатило, Ю.М. Антонян считает, что решающую роль в психологическом отчуждении личности играют не состав семьи, не ее материальное благополучие, не отношения между родителями, не их неблагоприятное и даже противоправное поведение, а главным образом их эмоциональное отношение к ребенку, принятие его или, напротив, отвергание.

Когда эмоциональные контакты с родителями отсутствуют, их нравственные ценности в вербальном или поведенческом выражении не усваиваются ребенком. Если мать, отец не выполняют возложенных на них функций, у ребенка появляются ощущение своей незащищенности, неуверенность, беспокойство. Если ситуация не улучшится, подобные ощущения могут прогрессировать, превращаясь в постоянную тревогу и даже страх. Важно подчеркнуть, что, когда эмоциональные потребности ребенка не удовлетворяются, у него может не сформироваться потребность в общении с людьми как следствие той дистанции, которая образовалась между ним и родителями на раннем этапе жизни. В результате закладываются основы будущего психологического отчуждения индивида, непонимания и неприятия им окружающей среды и ее ценностей и даже ожидания угрозы с ее стороны. Незрелость социальной по своему происхождению потребности в общении берет начало в упомянутом наиболее чувствительном периоде жизни индивида.¹¹⁸

Опасность названных социально-психологических образований для дальнейшей судьбы человека отмечает Л.Б. Филонов. Обобщаясь и углубляясь, становясь всё более устойчивыми и ригидными, они деформируют личность, приобретают стержневой характер, начинают самостоятельно развиваться. Создаются аномальные личностные структуры и искаженные контуры отдельных сторон личности. Эти стороны затем начинают избирательно реагировать только на некоторые, как бы для них «предуготовленные» социальные воздействия, отфильтровывая их из массы других. Аналогичной позиции придерживается А.Ф. Полис, считающий, что нарушение первичных связей социализации, эмоциональных контактов может не только способствовать отчужденности и невротизации, но и коррелировать, по всей вероятности, с такими явлениями, как алкоголизм, хулиганство, жестокость, и с некоторыми другими формами отклоняющегося поведения.

Подытоживая вышесказанное, мы можем утверждать, что отсутствие или значительное обеднение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвергание его одним из них и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, закладывающее основу дальнейшей дезадаптации. Семья, включая детей в свою психологическую структуру, обеспечивает тем самым их первичную социализацию, вводя их «через себя» в структуру общества. Если этого не происходит, ребенок отчуждается от семьи, что создает предпосылки для весьма вероятного отдаления в будущем от общества, его институтов и ценностей. Отчуждение от семьи может превратиться в стойкое дезадаптивное существование.

Таким образом, при отсутствии необходимых эмоциональных контактов с родителями с самых ранних лет у Чикатило возникает и закрепляется представление не просто о чуждости и непонятности, а и о враждебности окружающего мира.

Переживание враждебности окружающего порождало чувство ненависти, возрастающее с годами. Постепенно стирались депрессивные состояния – с проявлением бессильной ярости, переживанием чувства обиды и ощущения собственной неполноценности. В дальнейшем у Чикатило началась переоценка собственной личности, появились мысли о собственной исключительности. Наиболее ярко это прослеживается в подростковом возрасте, когда возникшее чувство неполноценности компенсировалось повышенным интересом к учебе, увлечением марксистской философией, ожиданием скорого наступления коммунизма как избавления от несправедливости и враждебности окружающего мира.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

Учеба мне давалась с трудом. Часто болела голова, кружилась. И внимание у меня было какое-то рассеянное. Но я упорно, до потери сознания продолжал учиться. Много книг читал. Восхищался военной литературой, особенно партизанской «Подпольный обком действует», «В

¹¹⁸ В.Э.: Всё это в общем-то псевдопсихологическая болтовня. Миллионы людей жили в таких же условиях как Чикатило, но не только не стали серийными убийцами, но и вынесли из тяжелого детства ту особенную доброту и взаимопомощь, которая так часто встречалась во времена моей юности (у старшего поколения), и которую уже почти не встретишь теперь. С другой стороны, серийными убийцами еще чаще, чем «дети голода», становятся суперизбалованные сынки «благополучных родителей», такие, например, как Иркутский монстр Василий Кулик.

плавнях», боготворил «Молодую гвардию». Это мне нравилось и потому что отец был командиром партизанского отряда.¹¹⁹

Старался в учебе опережать товарищей. Участвовал в художественной самодеятельности. Правда, в коллективных формах – хор, литературно-музыкальный монтаж. Был редактором стенной газеты во всех классах. Оформлял всю документацию пионерского отряда, потом – комсомольской группы. Был активным агитатором, политинформатором, членом школьного комитета комсомола. В школе допоздна чертил пособия по разным предметам.

Выучив уроки письменные и устные, я чертил таблицы. У меня были два любимых занятия. В средних классах я решил изобразить бесконечный ряд порядковых чисел и написал почти до миллиона. В восьмом классе решил сделать подробный атлас, по всем областям и районам, куда из газет выписывал названия районов, которые входят в различные области. В учебнике географии на каждой странице у меня была написана фамилия генсека этой страны, так как я был убежден, что коммунизм уже наступает.

Бедность и несмываемый позор рождали во мне упрямую мечту о высокой политической карьере. Я твердо верил: буду не последним человеком. Мое место в Кремле...

Выдержка из экспертного заключения комиссии НИИ общей и судебной психиатрии им. Сербского (1991 г.):

При анализе анамнестических сведений обращают не себя внимание признаки, свидетельствующие о наличии у Чикатило врожденной церебрально-органической патологии – диспластичность, близорукость, энурез. На этом фоне у него в детском возрасте выявлялись патохарактерологические особенности в виде дисгармоничного сочетания черт, присущих шизоидному и эпилептоидному типам психопатий,¹²⁰ что проявлялось в замкнутости, ранимости, повышенной тревожности, склонности к фантазированию. Обращает на себя внимание характер детских фантазий, их образность, чувственность, фиксация на отрицательных эмоциональных переживаниях. В этом же возрасте отмечалась легкость возникновения невротических расстройств в форме страхов, фабула которых также отражала значимые для него переживания. В препубертатном возрасте появились сверхценные увлечения. В структуре невротоподобных расстройств этого периода преобладали дисморфоманические проявления (убежденность в собственных физических недостатках). Вместе с тем повышенный интерес к учебе, стремление получить образование, быть лучшим и этим выделиться среди сверстников указывают на наличие у него реакций гиперкомпенсации. Это же может свидетельствовать о попытке преодолеть свою извечную тревожность, утвердив себя в определенной роли. В этом же возрасте появляется интерес к общественно-политическим и философским проблемам, которые на определенный период приобретают односторонний, преувеличенный и негибкий характер.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

На нашей сельской улице сидели ребята и девчата. И я иногда, правда, очень редко, был с ними. Дело в том, что я был единственным десятиклассником на двух этих улицах. Остальные работали в колхозе или бездельничали. Меня считали слишком грамотным. Я видел, как они играли, катались по траве, как ребята шупали девчат.

Но я мечтал о высокой любви, как в кино, в книгах. Если ко мне подсаживалась девушка, я стеснялся, боялся, не знал, как вести себя, робел, дрожал, старался подняться со скамейки. Родители всем детям ставили меня в пример: «Какой Андрей тихий, скромный, и учится в десятом классе, и дома работает, и в колхозе». А меня это бесило – я был одиноким, отчужденным.

Весной 1954 года, в 10 классе, я однажды сорвался. К нам во двор зашла Таня Бала, тринадцати лет. Из-под платья у нее выглядывали синие панталоны. Она спрашивала сестру, которой в то время не было дома. Я ей сказал об этом, но она не уходила. Тогда я толкнул ее, повалил, а сам лег на нее. Это было под деревьями. Я ее не раздевал, не трогал и сам не раздевался. Но только – я лег на нее, как у меня наступило семяизвержение. Я очень переживал эту свою

¹¹⁹ Позже Чикатило признается проводившим экспертизу психиатрам, что после прочтения этих романов у него появилась почти зримая мысль о том, как он берет «одинокую женщину», и, выполняя приказ командира, связывает и бьет его в лесу. – *прим. авт.*

¹²⁰ В.Э.: Многие серийные убийцы действительно шизоиды – это я заметил давно. Но Чикатило как раз выпадает из этого ряда. Наблюдая его поведение и манеру речи, заснятую на пленках, у меня даже появилась мысль причислить его к сангвиническому типу по той легкости и поверхностности мышления, которая выпирает из каждого его слова. Но, пожалуй, это может быть и проявлением эпилептоидности при наличии упомянутой здесь психиатрами «врожденной церебрально-органической патологии». Так что соглашусь с этим диагнозом: без шизоидности, но с эпилептоидностью на фоне органического дефекта.

слабость хотя никто этого не видел. И после этого несчастья я решил укротить свою плоть, свои низменные побуждения. Затем написал клятву: «Pizda – орган размножения человека. Клянусь не трогать ничьей, кроме своей жены». Клятву спрятал в укромном месте.

...мне нравилась в 10 классе девушка, Лиля Барышева. Она жила в железнодорожной будке на станции – мы были у нее однажды с одноклассниками. Мне нравилось, как она играла роль партизанки в самодеятельном спектакле. Нравилась ее скромность, женственность. Нас учили в школе возвышенной любви. Мне нравились веснушки на лице Лили. Какие у нее глаза, я не знаю. Своими близорукими глазами я не мог в них заглянуть.

Но были у нас с Лилей и близкие отношения. Вплотную, рядом мы сидели однажды в кинотеатре, соединив плечи, затаив дыхание. Я боялся, чтобы наши одноклассники не заметили нас, что мы сидим не шелохнувшись. Я хотел всегда поговорить с Лилей или зайти к ней домой попутно, но никогда не посмел...

Я видел один выход – проявить себя в науках, в труде и ждать высокой любви.

А. Чикатило в выпускном классе

В 1954 году Чикатило закончил сельскую школу с хорошими отметками и, убежденный в своих незаурядных способностях и высоком предназначении, уехал поступать на юридический факультет университета именно в Москву, где, как Андрей был убежден, он сможет достигнуть высот на политическом поприще.

Андрей со своей сестрой Татьяной

Чикатило с сестрой и знакомыми

Следователь прокуратуры Амурхан Яндиев, подробно знакомившийся с этой страницей жизни Чикатило, рассказывал:

– Представьте себе: деревенский мальчишка приехал в Москву с чемоданом книг, в городе знакомых нет, жил на вокзале, там же готовился к очередному экзамену, шел в университет и отлично сдавал. Удивительная целеустремленность. И вдруг обнаруживает, что в списках зачисленных его нет. Представьте, как он робко зашел к председателю приемной комиссии, чтобы узнать, в

чем дело. Разумеется, он не стал поднимать скандал в связи с тем, что сдавшие хуже зачислены, а он нет. Спросил, ему ответили: «Не прошел по конкурсу». Молча повернулся и уехал. Уже дома директор школы ему грубовато-бесхитростно объяснил: «Дурак ты, что вообще поехал поступать. У тебя же отец предатель...»

Не пройдя по конкурсу на юридический факультет МГУ, Чикатило, приехав домой, поступает в Ахтырское училище и через год успешно его заканчивает, получая специальность надсмотрщика телефонно-телеграфных линий связи. В 1955 году он уехал по комсомольской путевке на Северный Урал, где работал на линейно-техническом узле связи. Обращал на себя внимание крайней неряшливостью в одежде. Неоднократно пытался совершить половые акты с различными женщинами, но из-за слабости эрекции попытки были неудачными. Впервые появились периоды сниженного настроения, как говорил сам Чикатило, если раньше он обычно был бодрым, жизнерадостным, целеустремленным, то с 18–19-летнего возраста стал часто задумываться о своей неполноценности, переживал, что он «не такой, как другие», порой возникали мысли о самоубийстве. Продолжал много учиться, поступил на заочное отделение Московского электромеханического института. Поступление в ВУЗ оценивал как реванш за свою неудачную жизнь. Несмотря на периодические спады настроения, оставался активным, считал, что должен посвятить жизнь строительству коммунизма. Боролся с несправедливостью, писал жалобы, если сталкивался с какими-либо недостатками или со случаями неправильного к себе отношения.

Выдержка из экспертного заключения комиссии НИИ общей и судебной психиатрии им. Сербского:

В пубертатном возрасте (период полового созревания) у А.Р. Чикатило выявляются выраженные нарушения психосексуального развития с задержкой на романтической стадии формирования сексуальности. Помимо нарушений психосексуального развития отмечается также нарушение биологической базы формирования сексуальности с резким ослаблением полового влечения, недостаточностью эрекции. У Чикатило выявлена слабая половая конституция на фоне органического снижения порогов возбудимости центров эякуляции. Этим обусловлено легкое достижение семяизвержения (без дополнительной стимуляции половых органов, без полового акта) при сексуально значимых действиях.

В юношеском возрасте, после неудачных попыток полового контакта с женщинами, формируются аффективные нарушения с преобладанием депрессивного фона настроения и периодически возникающими суицидальными тенденциями, а также наблюдается заострение патохарактерологических черт, углубление замкнутости, тревожности, ранимости, повышение чувствительности к действительному или мнимому ущемлению его прав, в этот период происходит начало его сутяжной деятельности. Фантазии в этот период отличаются преобладанием отчетливых садо-мазохистских проявлений.

Вместе с тем в юношеском и молодом возрасте, несмотря на наличие указанных расстройств, не наблюдается признаков социальной дезадаптации, но обращает на себя внимание низкий уровень гетеросексуальной адаптации, что проявляется в снижении полового влечения, недостаточности эрекции, бледности оргастических переживаний. Эротическое с отчетливой садомазохистской окраской фантазирование, свойственное в тот период, приобретает форму суррогатной сексуальной активности.

С 1958 по 1961 гг. Чикатило служит в армии. Сначала в Средней Азии, в погранвойсках, потом ему дали работу по специальности – обслуживать правительственные линии связи по ведомству КГБ СССР в Берлине.

В армии, как и в школе, Чикатило достигает несомненных успехов в боевой и политической подготовке, являясь редактором газеты, пропагандистом. Серьезным достижением он считал и вступление в ряды коммунистической партии. Это значимое для Чикатило событие также произошло во время службы в армии в 1959 году.

В то же время он по-прежнему не может найти себя в общении. Когда сослуживцы предлагали познакомить его с какой-нибудь женщиной, отказывался, предпочитая читать общественно-политическую литературу и слушать радио. Переживал из-за насмешек товарищей по поводу женской талии и груди, очень этого стеснялся, в армии же имел первые пассивные гомосексуальные контакты, по его словам, насильственные. Изредка мастурбировал, при этом эрекции полового члена не было, семяизвержение сдерживал, так как считал, что это вредно.

Прямая речь. А.О. Бухановский:

У нормального человека две системы общения: вербальная и невербальная. Причем в неформальной обстановке невербальная система зачастую является основной. Ну, например: женщина вам говорит «нет», но в ее интонации и поведении вы улавливаете «да». Для садистов такие оттенки недоступны, они способны лишь к формальной коммуникабельности. При этом в обычной, формальной ситуации они ничем не отличаются от нас.

Вот тот же Чикатило: в армии он был одним из лучших. Он даже в партию там вступил. А в неформальной ситуации, когда общение происходит на невербальном уровне, когда нужна интуиция, такие люди не понимают происходящего, они становятся как бы слабоумными, причем остро чувствуют эту свою ущербность. И потому таких неформальных ситуаций они тщательно избегают. В армии, когда все шли в увольнение – на танцы, к девочкам, – Чикатило шел в ленинскую комнату и занимался «политической подготовкой». Но компенсации не наступало – напротив: болезненное состояние усиливалось.

У этих людей нет навыков самозащиты. В детском и подростковом возрасте они были объектами насилия со стороны сверстников, хотя физически они зачастую сильнее тех, кто их обижал. Но защитить себя они не в состоянии. Возникал комплекс неполноценности, пониженная самооценка, которая с годами усиливалась. Половая конституция у них слабая, затруднения в общении с женщинами еще более усиливают комплекс неполноценности.

После увольнения в запас Чикатило вернулся в родное село Яблочное, встретился с девушкой, которая нравилась ему.

Прямая речь. Татьяна Нарижная:

...В селе Яблочное, недалеко от нас жила семья Чикатило. Я подружилась со своей ровесницей из этого дома Таней. Ее брат Чикатило Андрей учился в Москве. Когда он приехал на каникулы, мы с ним познакомились и стали встречаться, продолжалось это полтора месяца. Андрей был ласковый, добрый... Один раз у меня дома решили с ним вступить в связь, но у Андрея ничего не получилось. В другой раз мы ходили к его родственникам в село Майское. По дороге на лугу Андрей снова сделал попытку... Но у него опять ничего не получилось.

Андрей Чикатило в возрасте
23 лет

Итак, привычный для Чикатило мир рухнул, его мечтам не суждено было воплотиться в жизнь, но он не повесился, хотя, как говорил в своих поздних интервью, вполне был готов полезть в петлю от отчаяния; он решил уехать...

«Первая жизнь» Чикатило, первая часть его романа полная неудач, страхов и разочарований, закончилась. Он покидает родное село Яблочное, чтобы начать совсем другую жизнь...

Часть 2. Герой нашего времени

В 1961 году после отъезда из родного села, по совету армейского друга Андрей отправился в г. Новочеркасск Ростовской области, где вскоре устроился на работу помощником начальника участка связи. Работа была не самая легкая и престижная и заключалась в «обеспечении строительно-монтажных работ по прокладыванию линий связи между населенными пунктами». Однажды бригада, в которой он работал – естественно, одни мужики, – тянула линию связи неподалеку от поселка Хотунок. После обеда решили немного отдохнуть. Нашли место в теничке, в лесопосадках. Поговорили о том о сем, один из товарищей похвастался перед другими, во всех красках и подробностях рассказав о ночи, проведенной с одной девушкой. Андрей при таких разговорах всегда чувствовал себя неудобно, краснел и бледнел. На сей раз пылкое воображение нарисовало ему с чужих слов такие соблазнительные картины, что он не выдержал, поднялся и скрылся среди деревьев. Минуту спустя бригадир пошел вслед за ним – то ли по нужде, то ли решил посмотреть, что с парнем.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«... когда я вернулся из зарослей, бригадир всем объявил: «Андрей ходит туда, чтобы заниматься мастурбацией». Оказывается, из-за своей близорукости я его не заметил. Сгорал от стыда, из-за слабости в свои 25 лет...»

Случай безусловно неприятный и, возможно, как предполагают многие авторы, именно насмешки коллег по работе послужили причиной скорого увольнения Чикатило и переезда в другой город всего лишь через год после приезда в Новочеркасск, но нельзя сбрасывать со счетов и другие, гораздо более масштабные события, на фоне которых случайно подсмотренная мастурбация Чикатило представляется не более, чем мелким казусом.

В конце мая 1962 года правительство СССР приняло решение повысить розничные цены на мясо и мясные продукты в среднем на 30% и на масло – на 25%. Одновременно с этим на Новочеркасском электровозостроительном заводе (НЭВЗ) дирекция почти на треть увеличила норму выработки для рабочих, в результате чего заработная плата снизилась. 1 июня 1962 года около 200 рабочих сталелитейного цеха завода прекратили работу и потребовали повышения расценок за их труд. Так началась забастовка рабочих завода, вылившаяся вскоре в многолюдный митинг, а впоследствии и в многотысячную демонстрацию жителей города. В то же время некоторая часть организаторов и участников беспорядков вышла в район главной железнодорожной артерии юга страны, где произвела завалы путей, остановила движение всех поездов. Для предотвращения дальнейшего распространения беспорядков в Новочеркасск были введены подразделения внутренних войск, войска СКВО, танки и БТР. Мирным путем конфликт властям погасить так и не удалось, в результате военнотружущие применили против мирного населения боевое оружие. Погибли десятки человек. Несмотря на расстрел, выступления в городе продолжались. Отдельные митингующие бросали камни в проезжавших солдат, пытались заблокировать движения по улицам. Не было внятной информации о случившемся, по городу ползли самые жуткие слухи о людях, расстрелянных из пулеметов чуть ли не сотнями, о танках, давящих толпу. Некоторые призывали убивать уже не только руководителей, но и всех коммунистов и «всех очкастых». В городе объявили комендантский час и только после многочисленных обращений руководителей области и страны, а также начавшихся многочисленных арестов, ситуация в Новочеркаске стала постепенно нормализовываться.

Можно сколь угодно долго задаваться риторическим вопросом, насколько члену коммунистической партии и бывшему военнотружущему войск КГБ А. Чикатило хотелось оставаться в городе, где в результате произошедших событий большинство жителей были настроены крайне негативно по отношению к КПСС и силовым структурам, однако, принимая во внимание только факты, мы можем утверждать только то, что именно в год Новочеркасского восстания Чикатило увольняется с работы в Новочеркасском узле связи и переезжает (убегает без оглядки?) в соседний район, в станицу Родионово-Несветайскую. Хотя Родионовка, как называют ее для краткости, и районный центр, но гораздо меньше, провинциальнее Новочеркасска: тут не было ни серьезной промышленности, ни высших учебных заведений. В Родионовке жизнь текла размеренно и спокойно. Чикатило получил небольшую квартиру. Его удаче по части добывания жилья, необъяснимая легкость, с которой решались для него житейские проблемы, для многих наших сограждан абсолютно неразрешимые, начались именно здесь, в Родионовке. Он выписал к себе родителей из Сумской области, купил для них – опять же удачно – хутор неподалеку от станицы. Там его сестра Татьяна вышла замуж, там прожила много лет.

Помимо чтения книг, в Родионовке у Андрея появилось еще одно увлечение – он стал внештатным корреспондентом районной газеты «Знамя». За время жизни в Родионовке Андрей Романович напечатал множество статей и заметок. Сообщал о переписи населения, о спортивных соревнованиях, о трудовых подвигах. Обычный человек, обычная жизнь деревенского интеллигента...

Первую свою статейку Андрей Чикатило разместил в районной газете по обстоятельствам романтическим. На радиоузле он познакомился с коллегой-связисткой, которая ему сразу же приглянулась. Неопытный в отношениях с прекрасным полом, он решил добиться ее расположения, написав ко дню энергетика о трудовых достижениях своей избранницы. Коллега была польщена и скромные ухаживания автора заметки принимала благосклонно. Товарищи по работе намеревались одно время их поженить, но ничего из этой затеи не вышло: воздыхатель оказался слишком застенчивым, или точнее говоря прекрасно осознавая свою половую слабость так и не решился перевести отношения со своей избранницей с дружеских в интимные. Свадьба расстроилась. А газетное писательство, напротив, заладилось.

Зато следующая попытка устроить личную жизнь оказалась успешной. В 1963 году Андрей Романович Чикатило наконец-то распрощался с холостяцкой жизнью, благодаря усилиям его родственников. У его сестры Татьяны была в Новошахтинске подруга Фенечка – Феодосия

Семеновна Одначева, девушка скромная и работающая, хорошая, по словам сестры, хозяйка, немного старше Андрея. Татьяна свела ее с братом и сделала все от нее зависящее, чтобы они поженились.

Ухаживания шли привычным для Андрея путем: кино, проводы домой, поцелуи, робкие домогательства, которые Феня отвергала под предлогом целомудрия и четкой установки – «будет все, что ты захочешь, но только после свадьбы». Страстные мечты будущего жениха после свиданий до сухости во рту, пылкие фантазии до мокрых трусов, онанизм до полного изнеможения, и вместе с тем неотступные тревожные мысли о том, сможет ли он не опозориться на брачном ложе.

Вскоре сыграли свадьбу. Торжество было весьма скромным, новобрачным подарили немного денег и несколько стульев...

Молодые супруги Чикатило

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«... после свадьбы гости разошлись поздно, и в ту ночь я не решился на интимную близость, так как очень сильно волновался и боялся опозориться перед ней... Во вторую ночь я попытался совершить половой акт, но ничего не получилось. Примерно на девятые сутки во время интимной близости Феня помогла мне и удалось совершить половой акт. Я обратил внимание на то, что не было крови, как это бывает во время разрыва девственной плевы. Феня ответила на мои вопросы, что я у нее первый. Это меня не убедило, и тогда она меня повела к своей родственнице, которая работала медсестрой в гинекологическом отделении. Та дала мне несколько медицинских книг. Я вычитал там, что бывает первый половой акт без крови, и успокоился...»

Прямая речь Феодосия Чикатило:

«До свадьбы никаких интимных отношений между нами не было... С первой же брачной ночи я почувствовала у него половую слабость, он не мог совершить половой акт без моей помощи. Тогда я воспринимала это как застенчивость или скромность с его стороны. Но такое состояние продолжалось 15–20 лет нашей совместной жизни... он совершал половые акты не чаще одного раза в 2–3 месяца...».

Через год последовало рождение ребенка, совсем слабенького, вскоре умершего...

А потом то ли в Феодосии проснулась женская чувственность, то ли, возможно, ранее приобретенный сексуальный опыт требовал своего, как знать... Да так ли уж это важно? Но только все настойчивей стала она требовать от супруга выполнения его обязанностей, мало задумываясь над его возможностями. Можно только пожалеть молодоженов. Они не имели представления, как им поступить. Им негде было получить консультацию. Да они и не думали обращаться к врачам. Жили, как живется. Плохо ли, хорошо – но семьей.

О половой безграмотности советских людей и полном отсутствии какой-либо информации и пособий о сексуальной жизни говорить излишне, гораздо красноречивей выглядит рассказ самого молодого мужа Чикатило, который женившись, с удивлением открыл для себя, что у женщин бывают месячные.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«... я поинтересовался, что это означает... узнав о том, что месячные протекают с обильным выделением крови, у меня возникло просто огромное желание совершить именно в это время половой акт. Фенечка не хотела, но я был настолько возбужден, что почти насильно добился близости. Вид крови у меня отвращения не вызывал, а наоборот сильно возбудил. Потом я подсчитывал, когда у нее начинался менструальный период, и добивался близости. Она же, напротив, стремилась к ней между менструациями...»

Редкие удачи на супружеском ложе – по признанию обоих супругов – обернулись родительским счастьем. В 1965 году родилась дочь Люда – вылитый отец, в 1969-м сын Юра – весь в мать.

Семья Чикатило – 70-е годы

Незадолго до рождения дочери Андрей Романович поступил на филологический факультет Ростовского университета. Ему было тогда под тридцать. Бросить работу он не мог, надо кормить семью, и он поступил на заочное отделение. Учился вечерами, после работы. На общение с сослуживцами и соседями, на времяпрепровождение, обычное в провинциальных городках, сил просто не оставалось. Но даже окажись у него свободное время, вряд ли он стал бы общаться с этой публикой. Он человек современный, начитанный, стремящийся к образованию, без пяти минут специалист с университетским дипломом, внештатный корреспондент газеты. В результате Андрей Романович заслужил репутацию человека замкнутого и молчаливого. Хотя как сам он вспоминал позднее, в то время у него отмечались и периоды, когда он чувствовал себя легко, раскованно, «мог хохотать до слез», охотно выступал на политинформациях, нравилось, что его слушают, что он может быть интересен окружающим. Эти периоды были связаны с отношением к нему окружающих. Порой, наоборот, он был мрачным, не хотел ни с кем разговаривать. Продолжал уделять много времени общественно-политической деятельности, читал газеты и журналы, сам писал заметки в местные газеты.

Чем ближе был заветный диплом филолога, тем больше тяготила Андрея Романовича его служба в радиоузле, не очень-то престижная для человека его полета. И он меняет работу. В первый и последний раз в своей жизни он занимает пост, который можно занять только с согласия районного комитета партии. Пусть и невелика должность, однако номенклатурная: председатель районного комитета по делам физкультуры и спорта.

Из этой точки в самом низу административно-партийной иерархии его партийная карьера еще могла пойти по восходящей, но не настолько высоко, как виделось ему в юношеских мечтах. Поздновато занял номенклатурный пост товарищ Чикатило А.Р., аж в тридцать четыре года. В головной вагон он со всей очевидностью не успел, однако вполне еще мог зацепиться за хвостовые, и партийный поезд, если не тормознуть где-нибудь по недомыслию, мог бы довезти его до станции назначения весьма почтенной. Черная персональная «Волга» с услужливым шофером районному физкультурному начальству, конечно, не полагалась. У Андрея Романовича

был мотоцикл. На нем он и колесил по стадионам и спортивным площадкам своего сельского района, заботясь о спортивной жизни подрастающего поколения.

Выпуск филологического факультета РГУ 1970 г.

Выпуск филологического факультета РГУ 1970 г.

Находясь на посту председателя районного комитета по делам физкультуры и спорта, Чикатило заканчивает филологический факультет Ростовского госуниверситета. Его дипломная работа была посвящена Радищеву. Для человека, окончившего университет, вполне естественно искать себе работу по новой специальности, и он оставляет спортивно-партийную стезю, решая посвятить себя педагогике. Новошахтинской школе-интернату № 32 как раз в это время требовался учитель его специальности, и Андрея Романовича Чикатило, человека солидного, пусть и без педагогического опыта, но уже работавшего с детьми, охотно взяли на работу.

В трудовой книжке Андрея Романовича соседствуют две записи: 15 августа 1970 г. принят завучем в школу-интернат № 32 г. Новошахтинска; 1 сентября 1970 г. переведен учителем русского языка и литературы. Может быть, сразу не нашлось вакансии учителя словесности, а через две недели, когда учебный год начался, кто-то из словесников на работу не вышел. Или была какая-то другая причина... Так или иначе, это первые записи в его трудовой книжке на новом поприще.

Первое время Чикатило работал с большим интересом и желанием, тщательно готовился к занятиям, однако не мог обеспечить порядок на уроках, ученики издевались над ним, открыто курили в классе. От острых на язык ребят он получил прозвище «Антенна» за то, что мог простоять целый урок, заложив руки за спину и ничего при этом не говоря. Конечно же, дети серьезно его не воспринимали. По отзывам коллег, был «какой-то странный», вяловатый, замкнутый, друзей практически не имел, за исключением нескольких человек дома у него никто не бывал, был малоразговорчив. Чикатило очень сильно переживал из-за того, что не справляется с педагогической деятельностью, плохо спал по ночам, испытывал чувство «внутреннего напряжения и дискомфорта». Были даже случаи, когда он, возвращаясь после урока в учительскую, терял сознание.

Работая с детьми, Чикатило сделал неожиданное, поразившее его открытие: некоторые шестнадцатилетние живут меж собой обычной, нормальной половой жизнью. Его уязвило, что они, дети, все это могут, а он, взрослый человек с высшим образованием – не может. Открытие приводило в ярость, но любопытство было сильнее, он подсматривал, убеждался, что все так и есть, что процесс совокупления происходит совершенно открыто, бесстыдно-завораживающе. Он знал, что подростки знают о его знании. Вел себя теперь смелее, агрессивнее, как бы имея право.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«...я стал замечать, что сильные мальчишки совершают акты с более слабыми детьми. Сам я влечения к этому тогда не имел. Бывали случаи, когда мы заставляли их в одной постели, и мне становилось как-то не по себе от того, что дети уже знают то, что я видел и испытал чуть ли не в 30-летнем возрасте. Естественно, и это могло наложить какой-то отпечаток на мое последующее поведение. Во время работы воспитателем у меня действительно были попытки вступить в связь с воспитанницами, которые, несмотря на возраст, уже тогда жили половой жизнью: в интернате было много ребят из неблагополучных семей».

Стыд остался в прошлом. Можно представить, как, присаживаясь к девочкам за парту, якобы для того, чтобы помочь с домашним заданием, он без малейшего стеснения клал руку на грудь, на колени. Завел манеру неожиданно появляться в спальне по вечерам, когда девочки раздевались перед сном. Подымался страшный визг, а он стоял, безмолвный и неподвижный, пялился через очки на полуодетых своих воспитанниц, и сквозь стекла сверкали его безумные, ошалевшие от страсти глаза. Потом он резко поворачивался и уходил. Многие видели, что учитель русского языка разгуливает по интернату с руками в карманах, и руки непрерывно движутся, теребя половые органы. Мальчишки чуть не в лицо называли его «карманным бильярдом» – прозвище у подростков ходовое, но редко употребляемое по отношению к взрослым.

Таким образом, во время работы преподавателем и воспитателем меняется сексуальная направленность Чикатило – наряду с аутоэротизмом он испытывал сексуальное удовлетворение от разглядывания, ощупывания девочек. Обычные сексуальные контакты не приносили удовлетворения, отмечалась слабость эрекции, ускоренная эякуляция. Выявилась амбивалентность сексуальности – влечение, любовь и ненависть, стремление унижить, причинить боль определили дальнейшее развитие садизма. Сексуальные действия постепенно освобождались от переживаний стыда и вины, нарастала эмоциональная холодность, раздвоение личности.

Со многими иллюзиями пришлось расстаться Чикатило после того, как он пришел работать в школу-интернат: рисовавшиеся ему в мечтах прилежные ученики на проверку оказались «трудными подростками», которые, несмотря на свой юный возраст и царящие в обществе

«принципы коммунистической морали», могли запросто послать учителя, курили и пили, имели беспорядочные половые связи. Пришлось расстаться с иллюзией и о своем высоком предназначении. Несмотря на то, что за его плечами было уже несколько учебных заведений, диплом о высшем образовании, учеба в университетах марксизма-ленинизма, как учитель он был никуда не годен, и даже проведение банального урока было для него порой неразрешимой проблемой. Но, несмотря на все это, у Чикатило по-прежнему оставался повод для гордости, повод считать свою жизнь успешной, считать, что все у него как у людей, ведь со времени женитьбы, в течение десяти лет, у них с Фенечкой наладилась нормальная, стабильная семейная жизнь. Но в 1973 году и с этой иллюзией ему пришлось расстаться.

Первый серьезный семейный конфликт произошел, когда жена сказала, что намерена сделать аборт. Чикатило категорически возражал против этого, в мыслях не допуская чьего-либо вмешательства в организм жены, поскольку однажды, когда у него брали кровь на анализ, упал в обморок. Однако жена не приняла его возражения, а он не смог объяснить, насколько серьезно это для него. Когда Чикатило узнал, что аборт сделан, и мысленно представил механизм аборта, то его стошнило. Он был подавлен и в течение продолжительного времени не проявлял попыток вступить в половую связь с женой.

Прямая речь Феодосия Чикатило:

«Муж хотел много детей. И после рождения дочки и сына требовал от меня продолжения рода. Но я потом всё время делала аборт – зачем нам лишние рты? Андрей упрекал меня, сразу повторял как что: «Врачи разорвали моих детей!»»

С этого момента они стали стремительно отдаляться друг от друга. Семейный кризис привел к тому, что и на работе у него начались серьезные неприятности...

Теплым майским днем 1973 года воспитатель школы-интерната Андрей Романович Чикатило повел своих воспитанников купаться на водоем у Кошкинской плотины. Одна из девочек, довольно хорошо уже оформившаяся, уплыла от всех и там, вдали, плескалась, нежилась. Он поплыл к ней, громко, чтобы слышали другие, выговаривал ей, что опасно так далеко заплывать, что он не хотел бы отвечать за каждого, кто так и норовит утонуть. Изображая разгневанного воспитателя, призванного следить за порядком и делая вид, что прогоняет к берегу, стал всю ее грубо ощупывать. Она закричала. *«Я почувствовал, – говорил он на суде, – что закричи она громче, и у меня начнется это... наслаждение... Я стал ее больно щипать... Она, вырываясь, кричала неистово... И сразу у меня все началось»*. В этот момент он требовал, чтобы она кричала громче. Когда она закричала, он вскоре от нее отстал. На мелководье ее, плачущую, подхватили подружки и увели от воды. Она лежала на согретой солнцем траве и стонала от боли, размазывала слезы по лицу. Он вышел из воды минут через десять. Ни на кого не обращая внимания, быстро оделся и исчез.

Заплыв этот, более чем необычный, видели все Любины одноклассники. О происшедшем в тот же день узнали родители. Девочка получила серьезную травму, когда ее терзали жилистые руки педагога. Однако на многое в его поступках закрывали глаза. Закрыли бы и на этот раз. Посчитали бы мелкой шалостью, но весенний месяц май сыграл с ним злую шутку. Накатила на Андрея Романовича злая похоть, лишила его разума, и пошел он в разнос.

Через несколько дней, в самом конце мая, педагог и воспитатель Чикатило оставил в классе после уроков свою ученицу Тоню Гульцеву, чтобы проверить ее не очень прочные знания русского языка и литературы. В педагогической практике дело обыденное, внимания не привлекающее. Трудно сказать, собирался ли он и в самом деле заниматься русским языком или заранее планировал ублажить свою похоть, но не вышло ни того, ни другого.

Вышел конфуз.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«...Занимаясь с ней, я обратил внимание на то, что у нее задралось платье и видны были трусики и голые ноги... Эта картина меня возбудила и... появилось страстное желание потрогать руками ее груди, ноги, бедра, половые органы. Она сопротивлялась, отталкивала и кричала. Когда она стала кричать... я оставил ее... Об этом факте узнал директор интерната, и я вынужден был уйти с этой работы. Какой-либо другой мысли по отношению к Гульцевой, кроме как совершения в отношении нее развратных действий и получения от этого полового удовлетворения, я не имел...»

Он ушел тихо и незаметно: написал заявление «по собственному желанию». Так и записано в его трудовой книжке. И сразу устроился на работу в очередное учебное заведение – Новошахтинское ГПТУ–39. Правда, не для того, чтобы сеять разумное, доброе, вечное, не учителем русского языка и литературы и не воспитателем, а мастером производственного обучения. Вспомнил, наверное, свои познания в области дальней и ближней связи.

Чикатило, по свидетельству тогдашних его коллег, стал более замкнутым, держался в стороне от коллектива, что прежде было ему не свойственно. Но по работе замечаний не имел, даже производственная практика у черта на рогах, в Якутии, куда он вывозил свою группу, прошла без сучка, без задоринки. Он по-прежнему писал статьи и заметки в газету «Знамя шахтера», предпочитая темы морали и патриотического воспитания молодежи, параллельно учился в университете марксизма-ленинизма. В это же время он становится внештатным сотрудником управления внутренних дел. Бойцом невидимого фронта осведомителей.

Но все это была внешняя видимая сторона жизни, падение же в пропасть безумия продолжалось. Исследуя Чикатило в институте имени Сербского, психиатры отмечали: в то время, когда он совершал свои развратные действия в школе-интернате – на пляже, в классе, это приводило к семьянвержению, укрепило потребность сексуальных контактов с детьми. Чикатило пытался подавить возбуждение с помощью физической работы. Постоянно что-то переделывал на дому, ремонтировал, рыл погреб. Иногда пытался вспоминать предыдущие эпизоды, но в этих случаях ощущал лишь усиление раздражительности. Получал он удовлетворение и тогда, когда прижимался в транспорте к молодым девушкам и женщинам. После каждого подобного случая у него резко улучшалось настроение, появлялось чувство физической и психической разрядки. Одну–две недели после этого чувствовал себя бодрым, жизнерадостным. Однако после незначительных конфликтов, неприятностей на работе, даже при перемене погоды ухудшалось самочувствие, нарастала тревога, появлялась раздражительность, он вновь ощущал себя униженным, ненужным человеком. Когда видел на улицах девушек в коротких платьях, чувствовал сексуальное возбуждение, хотелось дотронуться до них, щупать, щипать. И он уже не мог противостоять своим темным желаниям.

Осенью 1973 года во дворе своего дома номер 12 по улице Зои Космодемьянской он подозвал Мариночку, шестилетнюю племянницу собственной жены. Девочка оторвалась от игры и подошла к доброму дяде. Он всегда такой ласковый. Вот и сейчас принялся гладить ее, что-то приговаривал, и зачем-то полез к ней под трусики. В этот момент кто-то вышел на крыльцо, добрый дядя с неохотой отпустил девочку. Но мысли о ней не оставил.

Позже Марина Одначева вспоминала о странной дядиной любви. В 1976 году она осталась ночевать в доме Чикатило, легла спать в одной кровати с Людой и Юрой, их детьми. Поздно вечером ее разбудила полоса света, упавшая внезапно на лицо из приоткрытой двери. Она увидела своего дядю, совершенно раздетого. Он что-то говорил ей шепотом, девочка не разобрала, что именно, но ужасно перепугалась и стала будить других детей. Голый дядя Андрей поспешно вышел из комнаты и затворил дверь.

Он и позже, когда Марина подросла и стала красивой девушкой, не потерял к ней интереса: старался уединиться с ней, возил на машине в лесополосу, напрямую предлагал вступить с ним в интимные отношения, совал деньги.

Новошахтинск – городок небольшой. Всякие новости, а особенно скандальные, распространяются быстро, как их ни пытаются скрыть. Феодосия Семеновна очень скоро узнавала о шалостях своего супруга. Хорошо зная на собственном опыте о его далеко не пылком темпераменте, она была поражена. Она не верила.

Ладно, решила Феодосия Семеновна. Пусть мужик перебесится. Тем более, что в роли главы семейства он ее вполне устраивал. Впрочем, глава – она, а он – так, на вторых ролях. Зато хороший хозяин. Всё в дом. Детей любит, балует, даже слишком. Мог бы с ними быть и поостороже, а то как наказывать, так ей. Немного прижимист, но и в этом есть свои достоинства. Не курит и не пьет, не то что другие, у которых получку приходится отнимать прямо у проходной, иначе до дому не донесут. Благодаря бережливости удастся кое-что отложить. Если так и дальше пойдет, скоро можно будет машину купить. И в самом деле, появляется у дома новенький желтый «Москвич».

А что до постели, то... Лучше не вспоминать. Его странности и половая слабость, требовательность жены и как результат полная дисгармония. В результате интимные отношения жены и мужа стали еще более редкими. Займись Фенечка своим благоверным – как знать, как бы сложились бы их судьбы. Но для этих занятий слишком много нужно. И помощь квалифици-

рованных специалистов, которых попросту нет в советской медицине, и взаимопонимание между супругами, и любовь, которой тоже давно уже нет между ними...

Пытаясь найти выход своим сексуальным фантазиям, и, возможно, немного понимания, Чикатило заводит любовницу. Ее звали Валентина, она была раньше женой его собственного шурина. Не самая близкая, но родственница. И – впервые в жизни – у него было все, как у остальных.

У Андрея Романовича было отличное настроение. Эйфория. Подъем духа. В кармане у него позвякивают ключи от пустой комнатенки в общежитии училища. Запирайся на сколько хочешь. Дама сердца ничем не связана, она в разводе, ее бывшего мужа и в городе-то нет, сидит, голубчик. Они, собственно говоря, оба свободны, Феодосия Семеновна давно его не спрашивает, когда придет домой и чем занимается вечерами. Оставайся в общежитии хоть до утра... Реалии таковы, что теперь они с Фенечкой – это два чужих человека, у которых, из общего, лишь штамп в паспорте и взаимное раздражение друг на друга. Правда есть еще дети... Дочка строила планы на будущее, мечтая о медицинской карьере, но медучилище было в соседнем г. Шахты, и это могло стать преградой для осуществления грандиозных планов.

Тем не менее, очень удачно как раз в августе 1978 года Чикатило предложили перейти на работу в СПТУ-33 города Шахты, и он согласился. В общежитии тамошнего профтехучилища каждой семье предоставляли временное неблагоустроенное жилье. Такие условия вполне устраивали и других членов семьи Чикатило, но, видимо, чтобы немного обустроить семейный быт или по какой-то другой причине, первым в г. Шахты отправился глава семейства, жена и дети при этом еще некоторое время проживали в Новошахтинске.

Казалось бы, если в семье действительно были нормальные отношения, то одинокая жизнь в отрыве от своих близких покажется мучительной, но в случае с семьей Чикатило все обстояло несколько иначе. Семью Андрей Романович перевезет, но гораздо позже, а первым делом узнав, что в Межевом переулке бабка Фисенко продает свою мазанку, спешит приобрести этот полу-сгнившую хибару. Зачем? – Может он хотел подготовить жилье, отремонтировать, преподнести семье потом сюрприз? Нет, устроил жену и детей в общежитие училища, где и сам жил.

Домик, расположенный в стороне от шумных шахтинских улиц в Межевом переулке сулил Чикатило многое, и он активно искал тех, кто пойдет «осваивать» этот домик. Место там хоть и глухое, да люди ведь не слепые. Соседи видели: живут время от времени в доме молодые девчонки, собираются парни, подолгу горит свет, идет бурная ночная жизнь. Сам «учитель» там не жил – наведывался время от времени, а чем он тут занимался – никто не знал. Всякое предполагали: пускает постояльцев, чтобы под надзором было помещение. Или, может сдает за небольшую плату свою хибару?

Место, в котором Чикатило купил себе домик, и раньше пользовалось дурной славой (может это и было одной из причин, по которой Чикатило купил жилье в этом переулке?) и продолжало подтверждать свою криминальную репутацию. Незадолго до нового 1979 года в реке был найден труп маленькой девочки. Многих жителей тогда опрашивали как возможных свидетелей преступления, побывал в милиции и «учитель», в итоге, однако, оказалось, что убийцей был местный житель Кравченко. Всю зиму и весну прямо под окнами дома Чикатило проходили следственные действия – было проведено два следственных эксперимента, собирали улики, которые могли доказать вину Кравченко. В глазах просто рябило от милицейских мундиров.

Дело было громким, и суд не заставил себя долго ждать. 16 августа 1979 года Кравченко был признан виновным, и все маргиналы, нашедшие приют в Межевом переулке, могли теперь наконец-то вздохнуть свободно, не ощущая рядом с собой постоянно присутствие милиции.

Тем же летом 1979 года забурила жизнь и в притоне, организованном поборником строгих моральных принципов в домике № 26 по Межевому переулку. На глазах соседей произошел случай, который посеял еще больше сомнений относительно «учителя» и его странных постояльцев в душах жителей Межевого переулка.

Показания А. Ларионовой, соседки А. Чикатило:

«Я с соседками сидела у калитки моего дома. Было еще светло. Мы увидели, как со стороны дома этого учителя бежит какая-то девочка в одном платьице и босиком. За ней на расстоянии примерно пяти метров бежал этот учитель, придерживая одной рукой свои брюки. Видимо, не успел застегнуть их. Мы позвали девочку к себе, но она проскочила мимо нас и побежала к трамвайной остановке. На ее счастье, стоял трамвай с открытой дверью. Девочка вскочила в трамвай, и он тронулся... Учитель не успел заскочить в него. Что он делал с девочкой, я не знаю, но в ее глазах я

видела страх. Обратно учитель по этому переулку не вернулся. Мы еще долго обсуждали: почему он за нею гнался, что она такого сделала...».

Но это было далеко не единственное свидетельство. Другие соседи видели, что «учитель» несколько раз летом и осенью приводил в дом молодых девушек. Старушка, проживавшая в соседнем доме, рассказывала, что она заходила к Чикатило домой и однажды видела у него девушку с покалеченной ногой, которая назвалась его племянницей. Бросалось соседям в глаза и то, что девочки, жившие там, были, мягко говоря, не очень ухоженными. Если бы на месте любопытных старушек оказались оперативники шахтинского УВД, они бы, наверное, выразились более точно, назвав жителей этого домика антисоциальными элементами или отбросами общества.

Проработав с десяток лет в различных интернатах и ПТУ, Чикатило достаточно близко познакомился с такой категорией молоденьких девушек из неблагополучных семей, рано начавших половую жизнь, неразборчивых в связях, склонных к употреблению спиртных напитков. Поэтому прекрасно понимал, насколько легко может вовлечь не обремененных строгими моральными принципами деревенских дурочек в свои нехитрые сексуальные забавы, предлагая спиртное и давая временное пристанище очередной сбежавшей от родителей и крепко загулявшей «малолетке». Позже он признавался, что когда работал в шахтинском СПТУ, летом иногда звал таких барышень к себе, трогал их половые органы, шлепал по ягодицам, это приводило в состояние возбуждения, но не всегда приносило половое удовлетворение. Специально их не искал, но, если представлялся случай, не упускал его. Он осознавал свою половую слабость, поэтому искал именно случайные связи и партнеров предпочитал, стоящих гораздо ниже его по социальной лестнице. Все это придавало Чикатило хоть некоторую уверенность, так как опасность опозориться и уронить свое достоинство в глазах женщин, находящихся на самом дне общества, не воспринималась им всерьез, в отличие от неудач на супружеском ложе.

Зациклившись на поиске все новых и новых сексуальных партнеров, Чикатило, казалось, совсем забыл о своей педагогической работе. В училище за Чикатило снова, как на прежних местах работы, закрепилась репутация странного человека. На виду у всех он постоянно ощупывал себя. Одна из свидетелей так и сказала: «он все время проверял, на месте ли его мужские достоинства». Со многими он и не пытался сблизиться. Идет, бывало, утром, взгляд блуждающий, отрешенный. Стоят ребята из его группы, а он будто не видит. Сгорбившись, пройдет мимо, и не остановится, не кивнет. За эту сутулость еще «оглоблей» прозвали. А случалось и похлеще.

Из показаний бывшего учащегося ГПТУ-33 В. Бабанского:

«Как-то утром мы стояли возле училища. Шел дождь. Смотрим, Чикатило приближается к нам. Какой-то рассеянный. Плащ грязный, руки в грязи. Мы спросили, что случилось. Он оглядел себя. Подошел к луже, в которую текла всякая дрянь из канализационной трубы, и начал умываться. Обмылся и пошел, уже не обращая на нас внимания».

Прямая речь. Педагог ГПТУ-33 И.А. Гуляк:

«В профессиональном отношении Чикатило к воспитательной работе был непригоден. Уважением ни у коллег, ни у учащихся не пользовался. Всерьез его как-то не воспринимали. Он на учеников не обращал никакого внимания как педагог, но ходили упорные слухи, что он пристает к мальчикам, однако этим слухам мы как-то не придавали значения. Директор училища часто ругал Чикатило за просчеты в работе, но тот все время отмалчивался...»

По ночам, как вспоминают бывшие воспитанники училища, заботливый воспитатель любил заглядывать в их спальни. Потихоньку выходил из своей комнаты, на цыпочках шел по коридору, открывал двери в комнаты воспитанников.

Десятилетний в ту пору Володя Щербаков очень хорошо запомнил эти ночные педагогические мероприятия. Произошло это в сентябре–октябре 1978 года. Вернувшись в общежитие из родительского дома, он привез с собой домашние лакомства и, опасаясь не без оснований, что ребята постарше отберут гостинцы, попросил, чтобы воспитатель разрешил ему переночевать в одной из пустующих комнат. Андрей Романович был добр к детям. Он поселил Володю в отдельной комнате и запер до утра на ключ. Чтобы всем было спокойнее.

Проснувшись ночью, мальчишка почувствовал что-то неладное. Горячее вспотевшее лицо прижималось к его животу. Он открыл глаза и увидел своего воспитателя, склонившегося над ним. Мальчик испугался, вырвался, спрыгнул с постели. Чикатило незамедлительно ретировался. Наутро он не обмолвился о происшедшем, сделал вид, будто ничего не случилось. Мальчик тоже благоразумно промолчал.

А через несколько дней повторилось то же самое.

Прямая речь. Андрей Чикатило

«Я вошел в одну из комнат общежития и увидел, что мальчик спит без одеяла. У меня возникло желание... Когда я приспустил плавки, взял в рот его половой член, он проснулся... Сказал, что разбудит ребят. Я прекратил свое занятие и вышел из комнаты».

Воспитанники Андрея Романовича все же узнали о его ночных педагогических бдениях. Кто-то видел, как воспитатель бродит крадучись по коридорам общежития, да и Володя Щербаков не давал обета молчания. Впрочем, причуды нового педагога давно уже не были секретом ни для учащихся, ни для коллег.

Чикатило ходил по училищу с рассеянным видом, не обращал внимания на шалости ребят, не призывал их к порядку. Его группа окончательно распустилась. Да и как требовать дисциплины, если ученики над тобой смеются, чуть ли не в лицо зовут тебя онанистом и голубым...

Однажды учащиеся профтехучилища решили его проучить. Домогательства Чикатило уже «сидели и печенках» у мальчиков, насмешки учащихся не действовали. И тогда его просто избили. Этот случай на поведении наставника никак не отразился. Чикатило только понял: все может повториться, надо быть осмотрительнее. Он купил складной нож и стал носить его в кармане или в портфеле. Для защиты. Когда он в давке в общественном транспорте прижимался к женщинам или пытался залезть к ним под платье, его иногда просто вышвыривали на улицу. Но, подумал он, когда-то могут крепко побить. И с ножом уже не расставался никогда.

В этот период извращенное сексуальное влечение у Чикатило сочеталось с аффективными (эмоциональными) колебаниями – подавленностью, погруженностью в переживания, связанные с неудовлетворенным влечением. Таким образом, на этом этапе формировались выраженные нарушения сексуального влечения – извращенность, потеря контроля и критического отношения к себе – на фоне нарастания эмоциональной холодности и диссоциации. Чикатило постоянно искал случайные знакомства, когда скорое же расставанье могло «списать» любую физиологическую слабость. Постепенно промысел этот стал как бы второй, мало кому известной его профессией.

Сослуживцы часто видели его на железнодорожном вокзале, однако он проходил мимо, делая вид, что не узнавал их. В поезде и на вокзале никогда не стоял на месте, все время ходил, как бы в поисках кого-то. В электричках Чикатило ходил по вагонам, было впечатление, что он кого-то ищет.

Домашние, хотя и отмечали некоторые странности в его поведении, об истинной подоплеке даже не догадывались. Так он и приближался к последней степени деградации. В условиях жизненных неурядиц постепенно сформировалась отрешенность, злоба на людей, он томился своей неполноценностью и унижением. Личная жизнь не налаживалась, между мужем и женой пролегла тень неудовлетворенности и непонимания, возрастало раздражение, всё чаще проявлялись психические срывы как на работе, так и дома.

Впрочем, и работу вскоре пришлось подыскивать более «беспривязную» – по снабжению, экспедированию, и домом для него стали обшарпанные общаги и вокзалы...

Часть 3. Преступление и наказание

В марте 1981 года Андрей Чикатило уволился из ГПТУ-33. Увольнение в такое время кажется немного странным, ведь еще не кончился учебный год, и терять опытного преподавателя накануне итоговых экзаменов было бы со всех точек зрения неправильно. И, тем не менее, администрация училища его отпускает, без требований доработать всего лишь пару месяцев. В том же марте 1981 Чикатило был зачислен в отдел материально-технического снабжения и сбыта

Шахтинского производственного объединения «Ростовнеруд» на должность старшего инженера, с тем, чтобы исполнять обязанности начальника отдела. Пост не последний на предприятии. Вместе с ним поступает на работу в «Ростовнеруд» и Феодосия Семеновна, тоже по снабженческой части – экспедитором.

На большом предприятии зарплата, конечно же, была больше, чем в ПТУ, но, видимо это была не единственная причина, по которой Чикатило решился на смену профессии. Работа по снабжению была куда более вольной, чем в училище. Выписал себе командировку, взял денег под отчет, вышел за порог – и уже на свободе. И тут уже нет ни начальников, ни подчиненных. Дома предупредил: уезжаю по делам, вернусь послезавтра. Или на третий день – как дела пойдут. А если приходится ехать с шофером и грузчиком, то они люди подневольные, безответные. Получишь свой груз и отправишь с ними назад. А сам останешься. Кто проверит – по делам ли остался или поболтаться просто так?

Потом Чикатило будет оправдываться, что в командировках одичал. Без семьи, без близких, одна пьянь вокруг. Ни отдохнуть, ни поесть по-домашнему, ни поспать в мягкой постели. А сам как мог оттягивал свое возвращение домой. Ходил по вокзалам, ночевал на скамейках, когда до дому – всего лишь час на электричке. Он упивался волей. И завидовал тем, кого презирал.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«Мне приходилось часто бывать на вокзалах, в поездах, электричках и автобусах... Там бывает очень много всяких бродяг, молодых и старых. Они и просят, и требуют, и отбирают. С утра где-то напиваются... Эти бродяги втягивают и несовершеннолетних. С вокзалов расползаются по электричкам в разные стороны. Приходилось видеть и сцены половой жизни этих бродяг на вокзалах и в электричках. И вспоминалось мне мое унижение, что я не мог никогда проявить себя как полноценный мужчина. И возникал вопрос, имеют ли право на существование эти деклассированные элементы... Знакомиться с этими людьми не составляет труда. Они сами не стесняются, лезут в душу, просят деньги, продукты, водку и предлагают себя для сексуальной жизни. Я видел, как они уходили с партнерами в укромные места...»

Постепенно его зависть трансформируется в ненависть. Стремясь к свободе, он ненавидит свободных. Он убеждает себя и других, что он – не худший. Есть люди гораздо хуже. Пусть он виноват, но причина не в нем. В системе. И в них, его соблазнителях и совратителях, в этих деклассированных, распущенных элементах, которые так и снуют у него перед глазами.

Теперь, вдалеке от жены, ему гораздо удобнее искать подтверждения угасающей мужской силы: электрички, вокзалы, пьяненькие шлюшки, новые знакомства и очередная девушка на час или десять минут. Новая пассия, которая еще не знает о его половых проблемах, а значит, есть шанс, что без оскорблений и унижения у него, может быть, все получится...

Вольный ветер странствий и многочисленные командировки по снабженческой части вскоре принесли ему то, чего он так жаждал. Нет, не трудовых подвигов, конечно, а безотказную, непривередливую женщину. Они встретились впервые весной 1981 года в пригородной электричке. Андрей Чикатило и Валя Дуненкова. Последняя любовь, лебединая песня... Об этом романе он потом часто и охотно вспоминал...

К этому времени у него уже стойко укрепились приемы и способы обольщения – присел, поговорили, а дальше... Но тут случилась осечка – она отказалась выйти из электрички. И как-то само собой получилось, что он оказался у нее дома. Дальше – больше. У них наладились прекрасные отношения.

Проходит немного времени, и Валя со своей приятельницей поселяются у него в домике на Межевом, 26. Валя Дуненкова, как и все другие «подружки» Чикатило, любила выпить, работой себя не обременяла, но была в этой женщине какая-то удивительная деликатность, наличие которой и представить себе сложно в людях такой среды. Впервые их близость произошла, как раз в той самой, принадлежавшей Чикатило мазанке. Но не этот убогий домишко становится

Андрей Романович Чикатило

местом их постоянных встреч. То ли приятельница подруги его стесняет, то ли увереннее чувствует он себя на лоне природы, среди деревьев. Во всяком случае, их свидания происходят за городом, в безлюдных местах, обычно – в лесопосадках.

К заранее намеченному месту свиданий они добирались вместе, однако при этом делали вид, будто не знакомы друг с другом: Андрей Романович требовал, чтобы их отношения хранились в полнейшей тайне, ведь солидному человеку, члену КПСС и добропорядочному семьянину не пристало показываться на людях со всякими оборванками. При нем всегда был портфель, в котором он возил угощение – бутылку вина – и две рюмочки. Валентину от алкоголя не удерживал, сам же всегда ограничивался одной рюмкой. Выпив свою рюмочку и аккуратно спрятав ее в портфель, приступал к раздеванию, но довольно быстро убеждался, что его желания не соответствуют возможностям, после чего, с согласия подвыпившей партнерши, делал ей куннилингус. И после всего без особых стеснений и терзающих мыслей о своей слабости сам же себя удовлетворял.

Ни в первый раз, ни в последующие 4 месяца их романа ни разу не попрекнула Валя Дуненкова своего друга мужской несостоятельностью. Её вполне устраивал «орально-генитальный» вариант, к которому прибегал Чикатило, вполне устраивала Валю и его «интеллигентность».

Сам он так и не смог объяснить, почему они расстались. Но Валя, так и осталась единственной женщиной, о которой он вспоминал с удовольствием и радостью.

В семье с законной супругой все происходило с точностью до наоборот. Постоянно испытывавший чувство вины перед женой, подстегиваемый ее требовательностью, Чикатило несколько раз предпринимал попытки проявить сексуальную фантазию на супружеском ложе. Осознавая свою половую слабость, он предложил жене разнообразить классический половой акт с помощью куниллингуса, так же, как это происходило с любовницей.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«...таким образом я пытался возбудиться, однако, как я ни старался, из этого у меня ничего не получилось и эякуляции не происходило, тогда как при таких же моих действиях в отношении Дуненковой я получал полное удовлетворение... Получала ли от этого удовлетворение моя жена, я не знаю, скорее всего, нет...»

Прямая речь. Феодосия Чикатило:

«С 1981 – 1982 годов в интимном плане муж стал еще слабее. Я здоровая женщина и хотела быть с ним в интимной близости. Он, правда, пытался что-то делать, но не возбуждался. Последние 6–7 лет, когда я предлагала ему побыть со мной, он отказывался... В ответ на мое возмущение говорил: «Бездельница, зажилела. Тебе что, жеребца подать?» Таким образом, последние 6–7 лет мы с ним почти в половой близости не были.

...изменял ли он мне, я не знаю, хотя мой брат говорил, что Андрей состоял в интимных отношениях с его женой, но я не поверила. Позже жена брата рассказывала мне сама, что вступала с ним в половую связь после развода с братом. Еще она рассказывала, что половой акт у них прошел быстро и без каких-либо отклонений...

...мне говорили, что Андрей совершает развратные действия в отношении соседских детей в г. Шахты, но я этому не поверила и смеялась над этим, потому что знала, что у него половое бессилие... В 1979 году меня вызывали в милицию в связи с убийством девочки Закотновой. Тогда я узнала, что муж втайне от меня купил небольшой домик...

На его одежде я часто замечала кровь, но муж объяснял это тем, что он во время погрузки грузов поцарапался или порезался. У меня это сомнений не вызывало, так как снабженцу часто приходится работать как грузчику. Вещи его с пятнами крови и грязи я стирала... Отсутствие дома ночами он объяснял работой, командировками, тем, что приходится задерживаться из-за получения товаров. Я ему верила... Чтобы ему не верить, у меня оснований не было... Деньги он всегда приносил домой... на командировочные даже покупал продукты, экономил и покупал. Ограничивал себя в еде и одежде... ... был обычным мужем. Не пил, не курил, со мной был, конечно, вежливый, но больше потому, что боялся меня... никогда не могла себе представить, что муж мог совершать такие преступления: он был тихоня и не мог вообще никого обидеть...

Много раз я его колотила скалкой. Он даже ночевать не приходил – убежит и нету. Он даже мне сдачи не давал, ни разу руку на меня не поднял. Я могла бы предотвратить совершенные им преступления, ... могла бы, например, заставить его уйти со снабженческой работы и устроиться на такую работу, чтобы он был на виду... он меня боялся и достаточно было бы предупреждения...

Как только я узнала о том, какие убийства он совершал... я вычеркнула его из своей жизни, как будто его никогда и не было. Взаимной любви между нами никогда не было, и поженились не по любви. Вышла замуж за него, потому что он показался мне скромным, застенчивым...

После свадьбы, которая, тогда казалась Чикатило избавлением от всех юношеских бед и неудач, прошло 20 лет, и вот когда-то нежная, «ластившаяся, как кошка», недалекая Фенечка, превратилась в краснощекую крикливую бабищу, просто-таки ненавидящую своего неуклюжего недотепу. И когда потянулся за ним уже кровавый след, возвращаясь домой из страшных своих «командировок», встречал он на пороге, когда-то такую очаровательную Фенечку, упершую руки в крутые бока: «Ты с чем пришел?» – спрашивала она его, имея в виду, предстоящую ночь. Потупив голову, выслушивал Чикатило приговор: «ну и иди туда, откуда пришел...» и шел снова на вокзал.

Даже сделав поправку на сухость протокольного языка, легко заметить сколько равнодушия просматривается в словах Феодосии Семеновны, когда она говорит о муже, с которым прожила четверть века. И как слова жены контрастируют с тем, что писал сам Чикатило своей супруге уже после ареста.

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«Фенечка, здравствуй.

...Я надеюсь, что меня все же вылечат, и я к вам приеду, будем жить вместе. Я отрывался раньше от тебя постоянно, эти беспрерывные командировки не позволяли мне побыть с тобой. А я так хорошо отношусь к тебе. Теперь я буду выполнять всё то, что ты скажешь, готов быть у тебя слугой. Лишь бы меня вылечили...

Самое светлое в моей жизни – моя чистая, любимая святая жена. Почему я не послушался тебя, дорогая, когда ты говорила – работай возле дома, не ездь никуда в командировки. Почему не закрыла меня под домашний арест – ведь я всегда тебе подчинялся. Сейчас бы я сидел дома и на коленях молился бы на тебя, мое солнышко. Как я мог опуститься до зверства, до первобытного состояния, когда вокруг все так чисто и возвышенно. Я уже все слезы выплакал по ночам. И зачем меня Бог послал на эту землю – такого ласкового, нежного, заботливого, но совершенно беззащитного со своими слабостями...»

На письма эти за супругу в тоне всепрощения отвечали оперативники, чтобы Чикатило окончательно не закрылся от всего мира. После ареста Феодосия Семеновна не хотела общаться с бывшим мужем даже в эпистолярной реальности. Только один раз следователю А. Яндиеву удалось с большим трудом уговорить Фенечку встретиться с мужем в тюрьме.

В Комитете безопасности есть комната для свиданий. Обычная. Стол, стулья не закреплены, никаких решеток, все свободно, нормальные условия для общения. Время свидания. Ввели Чикатило. Она встала. Он стоял в дверях, опустив голову, потом поднял ее, смотрит влево, вправо, глаза бегают, но мимо ее взгляда, который как на его лице остановился, так уж в сторону не уходил. Яндиеву казалось, на Фенином лице читал вопрос: он ли это, ее Андрей, с которым она прожила жизнь?

Чикатило неуклюже шагнул к ней, обнял, тыкался лицом в шею, в плечо, но не в лицо, он будто боялся её коснуться. Продолжая неловко как-то «клевать» то вправо, то влево эту неподвижную женщину, с опущенными, как плети, руками.

Долго молчал, но все-таки начал говорить:

– Фенечка, Фенечка, я не послушался тебя, вот ты мне говорила... лечись... а я вот не лечился... Ну так получилось... Фенечка... Я вот такой непослушный оказался...

– Как же так, Андрей?

– Так получилось, Фенечка...

А потом пошел разговор о соседях, домашних делах. За все время разговора он ни разу не поднял на Феню глаза. Она же наоборот, внимательно и недоуменно смотрела на своего, ставшего знаменитым, супруга. Так смотрят на человека после многолетней разлуки, так смотрят на открытый гроб – со страхом и любопытством, пытаясь постичь тайну мертвого...

* * *

Служебные обязанности, равно как и супружеские, удавались Чикатило далеко не блестяще.

Все, кто работал с ним вместе в «Ростовнеруде», говорят примерно одно и то же: он не знал производства и абсолютно им не интересовался. Как мягко выразился один из свидетелей, «он

вита в облаках». Его сослуживцам казалось, что всё происходящее на большом предприятии, где работают сотни людей, не имеет к нему никакого касательства. Скажут – сделает, если не забудет. Отчего же терпели его на руководящем посту заводского снабженца? Просто не было другой подходящей кандидатуры. Так, по крайней мере, объясняют руководители «Ростовнеруда».

Шахтинское производственное объединение «Ростовнеруд»

На совещаниях у директора Чикатило сидел молча, неотрывно глядя куда-то в пространство. Дым столбом, кипят страсти, кого-то разносят, а кого-то возносят, решают, кому идти на повышение, выносятся взыскания, распределяют материальные блага, ругаются, тыкают друг другу, не глядя на должности, – а он сохраняет полнейшее спокойствие в этом кипении мелких страстей. Иногда, вспоминают бывшие его сослуживцы, он зевал во весь рот, и тогда крупные желваки играли под гладко выбритой кожей, судорожно раскрывал рот, будто ему не хватало воздуха.

После планерки у директора Чикатило шел к себе в отдел. С подчиненными был неизменно ровен и корректен, но дать им конкретные задания чаще всего затруднялся. Претензий к себе не запоминал. Даже когда записывал, не мог восстановить, что же от него требуется. Отзываясь о нем как о человеке спокойном и уравновешенном, сослуживцы вспоминают, что он мог часами, не вставая из-за рабочего стола, что-то чертить в блокноте. Один раз подсмотрели: он рисовал крестики.

Тогда и решили – витает в облаках.

Кабинет и рабочий стол Чикатило

Он действительно думал о своем – как бы побыстрее уехать отсюда хоть в недалекую командировку, хоть на пару дней – в Ростов, Батайск, Новочеркасск, Новошахтинск, Красный Сулин. Куда угодно, лишь бы подальше от директорских выволочек, от надоевшего кабинета, от подчиненных, которые подкладывают ему кирпич в портфель.

Он оживлялся, когда приходил выправить командировку в канцелярию к Тамаре Александровне Жуковой. По ее словам, был отменно вежлив – через слово «спасибо», «пожалуйста». По всему видно, что командировка для него очень важна и не терпит отлагательств.

Оформив бумаги, тут же исчезал. Потом, случалось, его, числящегося в командировке, сослуживцы встречали то на автовокзале, то в электричке. Он делал вид, будто не узнал, и исчезал при первой возможности. На худой конец, переходил в соседний вагон. За ним вообще замечалось, что он любит шастать по вагонам – от головы до хвоста и обратно.

Когда он выезжал на машине с шофером и грузчиком (по его собственным словам, в командировках по снабженческой части не он командовал шоферами и грузчиками, а они – им, своим начальником), то обычно, сославшись на неотложные и внезапно возникшие дела, оставался ночевать в Ростове. Он мог себе это позволить: в областном центре ему была выделена служебная квартира по улице Петровского, 112. Там он и впрямь нередко ночевал, приводил себя в порядок после деловых разъездов.

Так и шло... Покончив с делами, плотно поужинав, он, утомленный после нелегкого дня, укладывался спать. Спал всегда на одном и том же боку, за ночь ни разу не сменив позы. Засыпал мгновенно, спал до утра без сновидений. Проснувшись, шел на работу, где дремал на совещаниях и рисовал крестики. Нагоняи тем временем становились чаще и звучали грознее. Андрей Романович, прежде к выговорам безразличный, все чаще обижался и огрызался. Порою жаловался сослуживцам на несправедливость и гонения, чего раньше за ним не замечалось. Бывало, Феодосия Семеновна ходила к начальству просить за него.

Претензий к начальнику отдела снабжения становилось все больше. У директора кончалось терпение, Андрей Романович тоже накапливал обиды. С сотрудниками он держался по-прежнему – вежливо, спокойно, хотя и немного замкнуто. Но в коридорах заводоуправления все чаще жаловался на несправедливость и притеснения. Немногословный и сдержанный человек, он особенно разговорчивым становился, когда речь заходила о притеснениях на службе, о том, как его зажимают и не ценят. Однако все не ограничивалось только пустыми разговорами. Андрей Романович активно действовал. В 1983–1984 гг. в ГК КПСС рассматривались его многочисленные жалобы о неправильном наложении партвзыскания, о гонениях на работе, о неправильном отношении со стороны руководства предприятия. Чикатило считал, что конфликты с начальством по работе были у него постоянно, но он не мог ругаться и спорить, именно поэтому писал жалобы.

В этом был весь Чикатило: с одной стороны, постоянно притесняемый и подчиненный. Он сам говорил: «оскорбляли меня на работе все, и простая девчушка и начальник». А с другой стороны, полный внутренней агрессии и затаенной злобы на людей, которые «не могли оценить его».

Одно другому совсем не противоречило, и постоянная подчиненность как раз компенсировалась сутяжничеством, т.е. Чикатило по сути своей был агрессивен, однако не смел открыто дать отпор, поскольку был труслив, всегда боялся физического воздействия. Чтобы лучше понять эту особенность, нужно учитывать, что он не способен оказать сопротивление обидчику, так сказать, лицом к лицу. Избегая этого, но подчиняясь потребностям своей агрессивной натуры, Чикатило постоянно пишет жалобы, которые представляют собой вербальную, словесную агрессию в форме нападения не только на тех, кто обижал его, а вообще на всех. К тому же написание писем снижало остроту его постоянных переживаний по поводу своей несчастной жизни, а это имело для него большое эмоциональное значение.

Для производственного объединения «Ростовнеруд» старший инженер Андрей Романович Чикатило не стал находкой. Три года висел он у предприятия не то грузом на шее, не то гирей на ногах. Делал все, как и другие сотрудники: ходил на работу, добросовестно выслушивал задания, давал в свою очередь задания подчиненным, однако вся эта бессистемная работа давала смехотворный результат. Замечания же в свой адрес Андрей Романович переносил тяжело, и каждый разговор на повышенных тонах с директором заканчивался рассмотрением жалобы на несправедливое к нему отношение.

Какой же руководитель предприятия стал бы терпеть в своем коллективе такого скандального человека и при том весьма посредственного работника? Как нельзя кстати пришлась очередная проверка, которая выявила пропажу какого-то несчастного аккумулятора и линолеума. Причиной этих пропаж мог стать чуть ли не любой человек на предприятии, однако, по ряду причин описанных выше, начальник отдела снабжения подходил на роль расхитителя социалистической собственности, пожалуй, лучше, чем кто бы то ни было. Если даже и не было хищения аккумулятора, его следовало придумать, иначе от Чикатило не избавиться. Такова была директорская логика...

Против Чикатило Андрея Романовича было заведено уголовное дело. Вел его старший следователь городского управления внутренних дел Валерий Степанович Таршин.

Семейная фотография Чикатило

Андрея Романовича стали вызывать на допросы. Подозреваемый пытался внушить следователю, что он человек образованный, с интеллектуальными запросами, и о хищениях какой-то ерунды смешно даже говорить. Однако на Таршина это не произвело никакого впечатления. Чикатило перепугался. Он стал путаться в показаниях и юлить. А потом, неожиданно взяв отпуск, сбежал в Ростов и даже заявление об уходе отдал жене, чтобы отнесла начальству на подпись. Теперь он почти каждый день мотался из Шахт в Ростов то автобусом, то электричкой, то попутками. Таршин посылал ему повестки; жена отвечала, что Андрей Романович уехал отдыхать. Чикатило тем временем писал жалобы и искал себе новую работу.

Тягостная цепь служебных неудач, придинок и вздорных, как казалось Чикатило, обвинений завершилась 1 августа 1984 года. Он расставался навсегда с этим шахтинским заведением, где никто, ни единая душа не сумела оценить его способностей и устроился начальником отдела материально-технического снабжения ростовского объединения «Спецэнергоавтоматика».

Андрей Романович нашел приличную работу и, главное, очень для него удобную. Практически бесконтрольная, она давала ему возможность не только ближних поездок по области, но и дальних, серьезных командировок. Место работы тоже было на удивление удобное – в районе аэропорта и автовокзала, прямо у шоссе, ведущем домой в Шахты. Отсюда легко доехать куда угодно – и в Новочеркасск, и в Новошахтинск. Он всё чаще и чаще стал задерживаться на работе, не ночевать дома, объяснял это и служебными обязанностями, тем, что много работы...

Прямая речь. Андрей Чикатило:

«Бешеные эти командировки, ненормальные всякие... Одичал и озверел. Получилось, что с работы меня вытравили, как фашиста, свидетели есть, травили в коллективе, сфабриковали дело, что я линолеум похитил. И мне некуда деться, я оказался на вокзалах, в электричках... И жалобы писал и в ЦК, и в обком...»

На вокзалах и электричках он оказывался не потому, что его выгоняли в «бешеные командировки». Он сам рвался в поездки, или вернее совершенно не хотел возвращаться в свой шахтинский дом, где он мог рассчитывать только на недовольство жены и новые упреки. Совсем не ладились отношения и с подростком-сыном. Переходный возраст сделал его чрезмерно агрессивным, и свою агрессию он зачастую выплескивал на отца. Сосед семьи Чикатило неоднократно был свидетелем случаев, когда Юрий называл своего отца «козлом», иногда даже бросался на него драться, однако старший Чикатило на это никак не реагировал. Дочь Чикатило Людмила к этому времени уже не проживала вместе с родителями, так как вышла замуж и оставила родительский дом.

В итоге семейная жизнь Андрея Чикатило пришла к печальному, но закономерному итогу: полностью прекратились всякие отношения с женой, сын активно самоутверждался за счет отца, дочь покинула семью – каждый фактически существовал в одиночку, сам по себе. И нетрудно понять, почему Чикатило постоянно мотался по электричкам и вокзалам, придумывал очередные командировки, подстраивал неотложные задания, и даже частенько оставался ночевать на работе.

Один типичный «вечер на свободе» из жизни Чикатило зафиксировали в этот период оперативники Ростовского УВД.

Прямая речь. Шайх-Ахмед Ахматханов 13 сентября 1984 года:

«Пришел автобус номер 7, идущий от железнодорожного вокзала в аэропорт. Пробившись через толпу пассажиров, подозреваемый сел в автобус. Заносовский и я вошли следом. Наблюдая за ним, я был удивлен его странным поведением: казалось, что ему не по себе, и он все время поворачивал голову то в одну сторону, то в другую... У меня сложилось впечатление – он пытается убедиться, что за ним не следят. Не заметив ничего настораживающего, подозреваемый попытался вступить в контакт с девушкой, которая стояла рядом с ним. На ней было платье с глубоким вырезом, и он не мог оторвать взгляда от ее груди. Когда мы последовали за ним, этот гражданин коснулся ног девушки, что привело к ссоре. Через три остановки он вышел из автобуса, перешел на другую сторону улицы и остановился рядом с пассажирами, которые ждали автобуса, идущего в противоположном направлении... Когда пришел автобус, мы все вошли в него...

В автобусе он останавливался возле женщин, смотрел на них, пытался заговаривать, порою прижимался к ним... Затем он присел возле женщины, сидевшей у окна, и попытался завязать с ней разговор... Когда женщина вышла из автобуса, он последовал за ней. Договориться он, по-видимому, не смог, и женщина ушла... Подозреваемый перешел к магазину, где также стояли группы женщин. В течение 15–20 минут он переходил от одной группы к другой. Затем отправился пешком к другой автобусной остановке, где сел в автобус, направлявшийся к железнодорожной станции. Там он провел около 20 минут, присев возле спящей женщины, а затем пешком отправился на главный железнодорожный вокзал... Он переходил от одной группы женщин к другой и прислушивался к их разговорам. Затем поднялся в зал ожидания на втором этаже... Он провел там около часа, гуляя по залу, останавливаясь возле женщин и пристально их разглядывая... Остановился около скамейки, на которой спала целая семья. Одна из них, девушка на вид лет восемнадцати, спала в такой позе, что видны были ее ноги и нижнее белье. Остановившись в пяти метрах от спящей, подозреваемый уставился на нее. Когда отец девушки поправил ее одежду, подозреваемый ушел...»

Молодая женщина присела рядом с Чикатило; после короткого разговора она положила голову ему на колени. Под наброшенной курткой она занялась оральным сексом, а он ласкал ее груди. Потом, когда она ушла, Чикатило поднялся и направился на центральный рынок, где после долгой и бессонной ночи принялся за свою любимую еду – селедку, хотя и довольно неважного сорта. Именно там и в тот момент он был арестован за аморальное поведение в общественном месте, а также по подозрению в убийствах, совершенных в лесополосах.

Оперативники были убеждены, что они арестовали убийцу – его внешний вид и действия соответствовали описанию преступника, в его сумке был к тому же обнаружен остро заточенный нож, два мотка веревки и баночка вазелина. При нем было удостоверение «внештатного сотрудника» милиции.

Перво-наперво его подвергли административному аресту за приставания к женщинам в общественных местах. За это можно схлопотать самое большее пятнадцать суток. Пятнадцати дней должно было хватить, чтобы выяснить личность задержанного.

Следователь допрашивал Чикатило в течение двух дней, 16 и 17 сентября. В ходе их разговоров следователь узнал, что Чикатило страдает от сексуальной несостоятельности, больше не спит с женой и в детстве страдал от недоедания. Но, как сказал сам Чикатило, «тот факт, что я страдаю сексуальной неполноценностью, не так уж важен для мужчины моего возраста, которому уже почти пятьдесят». Следователь отметил, что Чикатило часто ночует на железнодорожных станциях, в прошлом часто бывал в Ростове в командировках. После допроса следователь Моисеев дал поручение ростовским сыщикам поработать вокруг Чикатило.

Были проведены необходимые анализы – кровь Чикатило, была группы А, и не соответствовала сперме, обнаруженной на некоторых жертвах и имевшей группу АВ. Арестовавшие его оперативники были раздосадованы таким результатом, так как все остальное сходилось идеально, но спорить со строгими научными доказательствами не посмели.

Как раз перед освобождением Чикатило в связи с окончанием срока административного ареста (15 суток) был произведен запрос милиции близлежащих городов, нет ли у них чего-либо

против некоего Чикатило Андрея Романовича, и получен ответ, что Чикатило разыскивается в связи с хищением социалистической собственности: рулона линолеума и автомобильного аккумулятора. Тогда-то Чикатило и был немедленно доставлен в камеру предварительного заключения милиции города Шахты. После краткого пребывания в милиции этого города Чикатило до суда перевели в новочеркасскую тюрьму. Во время этой отсидки он узнал, что все-таки сбылись его давние опасения: 23 ноября 1984 года он был официально исключен из рядов Коммунистической партии Советского Союза.

12 декабря того же года дело было передано в суд. Обвинение в краже линолеума отпало, но он был осужден на год исправительно-трудовых работ за кражу аккумулятора. Практически это означало, что в течение года у него ежемесячно будет вычитаться двадцать пять процентов зарплаты. Но, учитывая, что Чикатило находился в заключении с 13 сентября, то есть в течение трех месяцев, суд постановил засчитать ему каждый день заключения за четыре. Так получилось, что он уже отбыл свой срок, и был освобожден.

По крайней мере, здесь свершилось правосудие – ему не дали срок за кражу линолеума.

Андрей Романович Чикатило вышел на свободу с чистой совестью в середине декабря 1984 года. Новый год, 1985-й, он встречал не в камере, а в семейном кругу. Однажды он признался, что каждый Новый год был для него особенным событием. С некоторых пор он завел обычай, подводя итоги, вспоминать, подсчитывать свои жертвы и непременно поднимать рюмочку за помин их душ. Он отпраздновал Новый год и взялся за поиски новой работы. О возвращении в ростовскую «Спецэнергоавтоматику», откуда он угодил прямиком на тюремные нары, не могло быть и речи. Зачем им начальник снабжения, который, и трех месяцев не проработав, пошел под суд! Лучше всего устроиться не в Ростове и не у себя в городе, а в каком-то другом месте, где еще не успел наследить. Чикатило выбрал хорошо знакомый ему город Новочеркасск, как раз на полдороге между Ростовом и Шахтами.

Новочеркасский электровозостроительный завод

С января 1985 года он приступает к службе на Новочеркасском электровозостроительном заводе, сокращенно НЭВЗ. Поначалу рядовым инженером, потом начальником отдела металлов – тоже по снабженческой части. Как и в «Ростовнеруде», на новом месте он быстро приобрел репутацию слабого работника. По своему обыкновению, на планерках отмалчивался, витал в облаках, любой вопрос начальства и товарищей по работе заставлял его врасплох. Он забывал про данные ему поручения, путался в делах. Не было дня, чтобы он не получал нагоняя от начальства, нередко в присутствии родной дочери Людмилы, которая тоже работала на НЭВЗе. Инженер Е.В. Губернаторов, работавший на НЭВЗе в те же годы, что и Чикатило, вспоминает: когда Андрею Романовичу выговаривали в присутствии дочери, он сохранял олимпийское спокойствие. Даже, можно сказать, безразличие. У него от природы крепкая, устойчивая нервная система.

Короче говоря, перебравшись в Новочеркасск, Чикатило работать лучше не стал и как снабженец-профессионал ничуть не прибавил. Правда, в воспоминаниях его сослуживцев есть небольшое противоречие. С одной стороны, говорят они, Чикатило не мог запомнить указаний начальства, не записав их на бумажку, да и записанное нередко вылетало у него из головы. С другой же стороны, он отлично помнил, что, где и когда ему удавалось достать для завода.

В общении он тоже нисколько не изменился. Новые коллеги в один голос говорят: в контакты старался не вступать, жил своей жизнью. При встрече поздоровается, улыбнется – и не более того. По-прежнему вежлив, «спасибо-пожалуйста-извините», аккуратный костюм, свежая рубашка, при галстуке.

Нисколько не изменилась и внеслужебная жизнь Андрея Романовича – всё так же он бродил по вокзалам, прижимался в автобусах к женщинам, пытался завести мелкие интрижки.

Из свидетельских показаний Е. В. Казакевич, хорошо знавшей семью Чикатило:

Ехал в троллейбусе. В давке его притиснули к девушке, запустил ей руку под юбку. Схлопотал по мордасам. Не смутившись, перебрался поближе к другой. Еле высочил на ближайшей остановке – пассажиры собирались намять ему бока.

Из показаний сослуживцев:

Возвращался в машине из недалекой командировки. Между Ростовом и Аксаем неожиданно велел шоферу остановиться и, сославшись на неотложные дела, выбрался из машины. Попрощался и ушел неизвестно куда. Место было безлюдное.

Свидетельница Ирина Белова, лаборантка Шахтинского лесхоза:

«Поздней осенью я ехала из Новочеркасска, где училась в техникуме пищевой промышленности, в Шахты, где жили мои родители. На вокзале увидела мужчину, который как-то странно на меня смотрел. Я села в вагон, он сел рядом. Положил мне руку на колено. Я возмутилась. Он сказал: «Что, не нравится? А раньше это женщинам нравилось». Когда проехали остановку Персиановка, мужчина (теперь я знаю, что это был Чикатило) сказал, что проехал свою остановку и теперь поедет в Шахты. Там мы оба вышли из вагона. Он вызвался меня проводить. Хотел понести мою сумку, но я не дала, подумала: «Сейчас возьмет сумку и убежит с ней».

Путь к дому был мимо стройки, но я решила пойти обходной дорогой – там место людное. Почти возле моего дома он предложил: «Пойдем со мной в кино на последний сеанс. Отпросись у матери и приходи». На прощание попросил разрешения поцеловать меня, сказал, что вечером будет ждать у кинотеатра. Боязни он у меня не вызвал, был очень общительный, сказал, что работает преподавателем в институте. Поэтому я с ним разговорилась».

Ирина Белова

Но наивно было бы думать, что Чикатило полностью погружен в пучину своих сексуальных фантазий, пока он работает в Новочеркасске, мысли его поглощены и возможным переездом поближе к месту работы. 26 сентября 1986 года он наконец-то получает комнату в Новочеркасске, в доме 9 по Транспортной улице. Затем через год в декабре 1987 года Феодосия Семеновна меняет одну из шахтинских квартир на двухкомнатную квартиру в Новочеркасске – Гвардейская, 36, где А. Чикатило и будет жить вплоть до ареста.

Казалось бы, с переездами покончено, но брак дочери грозил вот-вот распасться, а сын должен вскоре вернуться из армии, и все острее встает вопрос о том, что и детям требуется отдельное жилье. Следуют новые обмены, теперь семья имеет квартиры и в Новочеркасске и в Шахтах. В 1989 году из армии возвращается сын, и в том же 1989 году следует развод супругов Чикатило, теперь официально Андрей Романович живет один в Новочеркасской квартире, а его супруга с сыном в Шахтах. У дочери при этом тоже есть своя квартира в Шахтах.

В заботах и хлопотах, большей частью не особенно приятных, закончился восемьдесят девятый год. Наступил девяностый – в начале января Чикатило перешел работать на Ростовский электровозоремонтный завод, неподалеку от центрального вокзала, того самого, где несколько

лет назад капитан Заносовский выслеживал его перед первым арестом. Его зачислили в отдел внешней кооперации и комплектации, опять по снабженческой части. Ремонтом электровозов он занимался чуть больше десяти месяцев...

На протяжении этих десяти месяцев Чикатило основное свое внимание уделял отнюдь не новой работе, а проблемам, которыми обернулся, казалось бы удачный, обмен квартир. Дело в том, что под окнами той самой шахтинской квартиры, где была прописана Феодосия Семеновна, фиктивно с ним разведенная, воздвигли деревянный общественный туалет. Мало того – соседи вознамерились почти возле дома построить кооперативные гаражи. Строительство туалета Чикатило еще как-нибудь да вытерпел, но на гараже терпение Андрея Романовича лопнуло. Он стал писать жалобы и разносить их по учреждениям, начав с Ростовской железной дороги, которой принадлежал дом.

В присутственных местах Андрей Романович поначалу вел себя вежливо, передавал заявления, подписанные Феодосией Семеновной, просил перенести туалет на свободный участок по соседству, принадлежавший музыкальной школе. Иногда в его посланиях начинали звучать патетические ноты. «Я воздвигну здесь баррикады», – писал он по поводу строительства гаражей.

Ростовская железная дорога ничем ему не помогла, и он, распаляясь все больше, дошел до обкома партии, а потом и до ЦК, до самого Горбачева. Только за 90-й год он написал более 50 жалоб, приезжал жаловаться в Москву, жил в палаточном городке и ходил со щитом на груди, требуя справедливости.

В октябре 1990 иностранцы делали документальные фильмы о перестройке в СССР, об изменениях, которые произошли при Горбачеве. Однажды съемочная группа натолкнулась на палаточный городок недалеко от Красной площади. Там собрались люди (главным образом пенсионеры) с самых разных регионов страны. Многие держали плакаты с документами, письмами и фотографиями. Иностранцы пробрались в эту толпу в поисках интервью, чтобы снять необходимый материал для фильма. Казалось, что почти все там были, так или иначе, психически больны, со своими постоянными жалобами на то, что случилось с ними в течение эпохи Сталина.

Руководитель группы увидел маленький стенд, украшенный Имперским российским бело-сине-красным триколором. Для 1990 года – это было еще весьма редкое зрелище в СССР. Триколор принадлежал изможденному человеку с седыми волосами и большими очками. Другие особенности этого человека сейчас уже трудно вспомнить, пожалуй, кроме того, что он был тщательно выбрит и одет относительно хорошо. Он выделялся из общей толпы своим опрятным видом и выглядел более моложавым по сравнению со многими изношено-потрепанными бородатыми российскими пенсионерами. Рядом с ним был типичный кожаный портфель как те, что обычно носили каждый советский бюрократ и конторский служащий.

Он представился – Чикатило Андрей Романович. Сначала он говорил спокойно и в интеллигентной манере. Несколько фраз, которые он пытался произнести на английском языке, были правильно грамматически построены. Он объяснил, что получил несколько университетских дипломов и был «не как» остальная часть толпы вокруг него. Пока он рассказывал свою историю, он становился все более эмоциональным и взвинченным, из его глаз даже хлынули слезы. Но его история показалась иностранцам слишком абсурдной, как они поняли из его рассказа, он приехал в Москву, чтобы попасть к Горбачеву с жалобой на незаконное строительство гаражей и туалета напротив окон квартиры его сына. Это заговор, вопил он.

Жалобы этого аккуратно одетого человека о каком-то гараже казались слишком мелкими и глупыми в сравнении с тем, что рассказывали другие люди в этом палаточном городке – и его история была слишком скучна для телевидения, рейтинг на таком сюжете сделать было невозможно. В поисках более интересного материала, съемочная группа постепенно удалялась от этого человека. Интервью с Чикатило не состоялось...

Как выяснилось позже, не только корреспонденты проигнорировали Чикатило – высокие инстанции и Михаил Сергеевич лично провинциальными туалетами и кооперативными гаражами тоже почему-то не занимались, и жалобы направлялись тем, на кого Чикатило жаловался. Высокий слог не помогал. Андрей Романович ожесточился на весь мир, но особенно на кавказцев: в строительстве гаражей были замешаны не то армяне, не то азербайджанцы. В последующих жалобах Чикатило стал рассуждать об армянской мафии, потом об азербайджанской, потом об абхазской, потом об ассирийской. Ему уже мерещилось, что «ассирийская мафия» следит за ним, чудились машины, которые его преследуют, чтобы сбить. Он стал запирает квартиру на несколько замков, не открывал дверь, не выяснив, кто к нему пришел.

Чикатило (крайний слева) с родственниками

Жалоб он писал много, при удобном случае лично доставлял соответствующему чиновнику, а если это было невозможно, отправлял заказным письмом с ростовского почтамта, куда не ленился для этого ездить. Часто ездил и в Шахты, чтобы заниматься квартирой супруги и сына.

Прямая речь. Андрей Чикатило. 6 ноября 1990 года:

«С утра на работу не пошел, решил ехать в Шахты. В тот период ездил в горисполком по поводу квартиры сына. Одет был в синий костюм, коричневую болоньевую куртку, фуражку из кожаменителя, коричневые ботинки на толстой резиновой подошве...

В пути следования в одном среднем вагоне я встретил эту Коростик. Сел с ней на одну скамейку, и стал говорить с ней. Из разговора с ней я понял, что она легкого поведения и с ней можно совершить половой акт. Когда я с ней разговаривал, то на другой стороне в этом же вагоне сидел молодой человек и наблюдал за нами. Я тогда еще подумал, не работник ли это милиции. Видимо из-за волнения, так как думал, что это работник милиции, я вышел на остановочной площадке «Лесостепь», хотя думал доехать до «Донлесхоза». Это я понял только тогда, когда мы с ней вышли из электрички. Я с этой Коростик прошел некоторое расстояние вдоль железной дороги в сторону «Донлесхоза» и, не доходя некоторое расстояние от «Донлесхоза», повернули в лесной массив. Как позже мне стало известно, я не дошел немного до места совершенного мною ранее убийства Громова и там совершил убийство Коростик. После совершенного этого убийства я, естественно, был в грязи и крови. В тот день еще шел дождь. Там же я нашел и лужу с водой, где обмылся и привел себя в порядок. Кроме того, надо отметить, что во время убийства Коростик последняя оказывала мне сопротивление, и в этой борьбе она в нескольких местах поцарапала мне лицо, и у меня были видны следы этих царапин. После совершенного убийства нож с кровью лежал у меня в кармане. Из этого лесного массива я вышел на остановочную площадку «Донлесхоз», где увидел стоящих в ожидании электрички нескольких женщин и одного молодого человека, как мне стало чуть позже известно, работника милиции, который был в гражданской одежде. Этот работник, естественно, видел, что я вышел из лесного массива, видел царапины у меня на лице и, видимо, подозревал что-то неладное, а скорее всего, думая, что я мог быть причастным к ранее совершенным преступлениям в этом «Донлесхозе», стал ходить вокруг меня и осматривать с ног до головы. Затем отошел от этих женщин и подозвал меня к себе, после чего показал мне удостоверение работника милиции и потребовал у меня документы, удостоверяющие мою личность. У меня с собой постоянно бывает паспорт. Я предъявил ему свой паспорт и проездное удостоверение на железнодорожный транспорт. Он осмотрел мои документы и спросил, что я здесь делаю. Я ответил, что приехал просто так. Он больше ничего не сказал, поблагодарив меня почему-то, вернул мне мои документы. Мы еще некоторое время в ожидании электрички находились на этой остановочной площадке. Через некоторое время с северной стороны подошла электричка, и он последовал к ней. Я думал, он знает о совершенных мною преступлениях, полагая, что надо идти за ним, последовал за ним к электричке. Подойдя к электричке, он сел в один вагон, а я в другой. Я сел в вагон по направлению движения электрички, а он оказался в другом вагоне сзади меня. Где он сидел, мне не было видно, и я не знаю, наблюдал ли он за мной. Где он сошел с электрички, я не видел. Я приехал домой в г. Новочеркасск».

Через две недели после этой судьбоносной встречи закончится история жизни простого обывателя Андрея Романовича Чикатило, и начнет зарождаться легенда о поисках неуловимого ростовского Потрошителя, кровавого каннибала. Как и в каждой легенде, в ней много умолчаний и противоречий, много неясного, но, видимо, поэтому она так сильно и привлекает всеобщее внимание...

Ну что же обо всем по порядку – **Следствие**.¹²¹

¹²¹ В.Э.: См. {CHIKA2}.

Приложение. Жертвы

<http://www.serial-killers.ru/lesopolosa/victims.htm>

1-й список жертв – был составлен следователем прокуратуры Ростовской области А. Рябко в сентябре 1983 года и включал 6 фамилий:

- Л. Бирюк;
- И. Карабельникова (неопознана на момент составления списка)
- О. Куприна (неопознана на момент составления списка)
- О. Стальмаченок;
- И. Дуненкова;
- И. Гудков

2-й список жертв – был составлен зам. начальника следственного управления Прокуратуры РСФСР в октябре 1984 года и включал 23 фамилии:

№ п/п	Фамилия Имя	Возраст	Дата обнаружения тела	Место обнаружения	Предположительная дата убийства	День недели
1	Любовь Бирюк	13	27.06.1982	Октябрьский сельский район	12 июня 1982 года	суббота
2	Ольга Куприна	16	27.10.1982	Октябрьский сельский район	Втор. половина августа 1982 года	
3	Ирина Карабельникова	18	20.09.1982	Шахты	Первая половина сентября 1982 года	
4	Ольга Стальмачёнок	10	14.04.1983	Новошахтинск	11 декабря 1982 года	суббота
5	Ирина Дуненкова	13	08.08.1983	Ростов-на-Дону	Июль 1983 года	
6	Людмила Куцюба	24	11.03.1984	Шахты	Втор. половина лета 1983 года	
7	Игорь Гудков	7	28.08.1983	Ростов-на-Дону	9 августа 1983 года	вторник
8	Валентина Чучулина	22	27.11.1983	Шахты	Сентябрь–октябрь 1983 года	
9	Неопознанный групп	18–25	08.10.1983	Новошахтинск	Август–сентябрь 1983 года	
10	Вера Шевкун	19	30.10.1983	Шахты	25 октября 1983 года	четверг
11	Сергей Марков	14	01.01.1984	Октябрьский сельский район	27 декабря 1983 года	вторник
12	Наталья Шалопинина	17	10.01.1984	Ростов-на-Дону	9 января 1984 года	понедельник
13	Марта Рябенко	45	22.02.1984	Ростов-на-Дону	21 февраля 1984 года	вторник
14	Дмитрий Пташников	10	27.03.1984	Новошахтинск	24 марта 1984 года	суббота
15	Татьяна Петросян	29	27.07.1984	Шахты	Май 1984 года	
16	Светлана Петросян	10	05.07.1984	Шахты	Май 1984 года	
17	Елена Бакулина	21	27.08.1984	Багаевский район	Июнь 1984 года	
18	Дмитрий Илларионов	13	12.08.1984	Ростов-на-Дону	10 июля 1984 года	вторник

19	Анна Лемешева	19	25.07.1984	Шахты	19 июля 1984 года	четверг
20	Наталья Голосовская	16	02.08.1984	Ростов-на-Дону	2 августа 1984 года	четверг
21	Людмила Алексеева	17	10.08.1984	Ростов-на-Дону	7 августа 1984 года	вторник
22	Александр Чепель	11	02.09.1984	Ростов-на-Дону	28 августа 1984 года	вторник
23	Ирина Лучинская	24	07.09.1984	Ростов-на-Дону	6 сентября 1984 года	четверг

В период с 1985 по 1990 годы И.М. Костоевым к первоначальному списку жертв ростовского маньяка были добавлены 8 фамилий.

№ п/п	Фамилия Имя	Возраст	Дата обнаружения тела	Место обнаружения	Предположительная дата убийства	День недели
24	Наталья Похлистова	18	03.08.1985	Домодедовский район, Московской области	1 августа 1985 года	четверг
25	Инесса Гуляева	18	28.08.1985	Шахты	27 августа 1985 года	вторник
26	Л.П. Головаха			Мясниковский район	22 июня 1986 года	воскресенье
27	И.Н. Погорелова			Батайск	11 августа 1986 года	понедельник
28	Алексей Воронько	9	15.05.1988	ст. Иловайск Донецкой области, Украинская ССР	14 мая 1988 года	суббота
29	Елена Варга	19	02.09.1989	Родионово- Несветайский район	19 августа 1989 года	суббота
30	Виктор Тищенко	16	03.11.1990	Шахты	30 октября 1990 года	вторник
31	Светлана Коростик	22	13.11.1990	ст. Лесхоз Красносулинского района	6 ноября 1990 года	вторник

Уже после ареста Чикатило заместитель начальника следственной части прокуратуры Ростовской области вынес постановление об объединении нескольких дел об убийствах мальчиков в одно производство и передал его в следственную группу И.М. Костоева. Таким образом, и был окончательно сформирован список 36 жертв, предъявленный А.Р. Чикатило на допросах в ноябре 1990 года.

№ п/п	Фамилия Имя	Возраст	Дата обнаружения тела	Место обнаружения	Предположительная дата убийства	День недели
32	Евгений Муратов	15	11.04.1989	ст. Лесхоз Красносулинского района	14 июля 1988 года	четверг
33	Андрей Кравченко	11	19.02.1990	Шахты	14 января 1990 года	воскресенье
34	Ярослав Макаров	10	08.03.1990	Ростов-на-Дону	7 марта 1990 года	среда
35	Иван Фомин	11	17.08.1990	Новочеркасск	14 августа 1990 года	вторник
36	Вадим Громов	16	31.10.1990	ст. Лесхоз Красносулинского района	17 октября 1990 года	среда

11 декабря 1990 года Чикатило пишет заявление на имя Прокурора РСФСР, в котором перечисляет ранее не упоминавшиеся им убийства:

№ п/п	Фамилия Имя	Возраст	Дата обнаружения тела	Место обнаружения	Предположительная дата убийства	Как классифицирован случай
1	Любовь Волобуева	14	7.08.1982	Аэропорт г. Краснодара	25 июля 1982	Дело об убийстве (прекращено 1986)
2	Олег Пожидаев	9	Тело никогда не было найденно		13 августа 1982	В розыске как без вести пропавший (розыск прекращен в декабре 1988)
3	Сергей Кузьмин	15	Январь 1983 (женские останки)	г. Шахты	Сентябрь 1982	Факт исчезновения С. Кузьмина официально зафиксирован не был
4	Неизвестная женщина	19–22	6.08.1984 (обнаружено обезглавленное тело) 7.10.1984 (обнаружена голова)	Ташкентская область	Август 1984	Уголовное дело об убийстве возбуждалось, но было приостановлено
5	Акмараль Сейдалиева	10	28.08.1984	Ташкентская область	13 августа 1984	Случайная смерть под комбайном
6	Олег Макаренков	13	12.07.1987 (женские останки)	г. Ревда (Свердловская область)	16 мая 1987	Числился в розыске как без вести пропавший
7	Иван Биловецкий	12	31.07.1987	г. Запорожье	29 июля 1987	Возбуждено дело об убийстве
8	Юрий Терешонок	16	1991 (найлены 2 костных фрагмента)	Ленинградская область	15 сентября 1987	Числился в розыске как без вести пропавший
9	Неизвестная женщина	22–26	6.04.1988	г. Красный Сулин	4–5 апреля 1988	Возбуждено дело об убийстве
10	Татьяна Рыжова	16	9.03.1989	г. Шахты	Конец февраля 1989	Возбуждено дело об убийстве
11	Александр Дьяконов	8	14.07.1989	г. Ростов-на- Дону	11 мая 1989	Возбуждено дело об убийстве
12	Алексей Моисеев	10	6.09.1989	г. Кольчугино (Владимирская область)	20 июня 1989	Причина смерти – отравление парами бытовой химией
13	Алексей Хоботов	10	7.12.1990	г. Шахты	28 августа 1989	Числился в розыске как без вести пропавший
14	Любовь Зуева	31	24.08.1990	ст. Лесхоз	Апрель 1990	Возбуждено дело об убийстве
15	Виктор Петров	13	26.09.1990	г. Ростов-на- Дону	27 июля 1990	Возбуждено дело об убийстве

В.Э.: В этих списках нет:

из тех, что Андрею Чикатило вменяли на суде:

- Закотнова Елена 1978.12.22 {F1},
- Ткаченко Лариса 1981.09.03 {F2},
- Саркисян Лаура (или другая армянка) 1983.06 {F9a},
- Цана Сармите 1984.07 {F25};

из тех, что не вменяли, но проверяли по его признаниям:

- Неизвестная, Шахты, начало 1980-х {F2a},
- Неизвестная, Шахты, начало 1980-х {F2b}.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате A4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-CHIKAZ	1
Сван	1
ЛЕСОПОЛОСА	1
Сван. «Лесополоса. Следствие»	2
6. Последние жертвы (ноябрь 1990).....	2
7. Чистосердечные признания (1990–1991).....	27
8. Шахтинское дело (Убийство Е. Закотновой, 1978)	50
9. Заключение. Мертвец (1992–1994).....	69
Сван. Биография А.Р. Чикатило	79
Часть 1. Детство. Отрочество. Юность	79
Часть 2. Герой нашего времени	86
Часть 3. Преступление и наказание.....	96
Приложение. Жертвы	109
Оглавление	113